

ДЕМИС. Демографические исследования
2021.ТОМ 1. № 1

Сайт журнала:
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

ДЕМИС. Демографические исследования. 2021.ТОМ 1. № 1

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

2021.ТОМ 1. № 1

ДЕМИС. Демографические исследования.

2021. Том 1. № 1

DEMIS. Demographic research.

2021. Vol. 1. No 1

Научный рецензируемый журнал

Издается с 2021 г.

Периодичность: 4 раз в год

Журнал открытого доступа

Peer-reviewed scientific journal

Founded in 2021

Publication frequency: quarterly.

Open access

DOI: 10.19181/demis

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр

Российской академии наук

Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ЖУРНАЛА ПИ № ФС 77-78699 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 30 июля 2020 г.

DEMIS. Demographic research journal has a media registration certificate PI No.FS 77-78699 issued on July 30, 2020, by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

Главный редактор: С.В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S.V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access
Authors are not charged for publication
Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:

<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:

<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

Редакционная коллегия научного журнала

Editorial board

Рязанцев Сергей Васильевич, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Безвербный Вадим Александрович, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Вирккунен Йони, профессор, Университет Восточной Финляндии, Куопио, Финляндия

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Гаврилова Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, научный сотрудник Центра по проблемам старения при Университете Чикаго, Чикаго, США

Гейгер Мартин, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада

Джалал Мохаммад Аббаси-Шавази, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран

До Кармо Роберто Луиз, доктор наук, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Инглис Кристине Бренда, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия

Карачай Айсем Бириз, доктор наук, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция

Ким Сейонджин, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Мартин Филип, доктор наук, профессор, Университет Дейвиса, Дейвис, США

Марушиакова-Попова Елена Андреевна, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фольклора БАН, София, Болгария

Молодикова Ирина Николаевна, кандидат географических наук, Руководитель проекта по миграции и безопасности на постсоветском пространстве, Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия

Пизарро Синтия Александра, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Рыбаковский Леонид Леонидович, доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Хорие Норио, профессор, директор центра, Университет Тояма, Тояма, Япония

Шенк Каресс, доктор наук, ассистент-профессор, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Sergey V. Ryazantsev, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Vadim A. Bezverbny, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Joni Virkkunen, Professor, University of Eastern Finland, Kuopio, Finland

Olga D. Vorobyova, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Natalia S. Gavrilova, Ph.D., Senior Research Analyst, Academic Research Centers, NORC at the University of Chicago, Chicago, USA

Martin Geiger, Ph.D., Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada

Mohammad Abbasi-Shawazi, Ph.D., Professor, University of Tehran, Tehran, Iran

Roberto Luiz Do Carmo, Ph.D., Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil

Alla E. Ivanova, Doctor of Economics, Professor, Head of Department, IDR FCTAS RAS, Moscow, Russia

Kristine Brenda Inglis, Ph.D., Professor, University of Sydney, Sydney, Australia

Aisem Biriz Karachay, Ph.D., Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey

Seongjin Kim, Doctor of Sciences, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea

Victoria U. Ledeneva, Doctor of Social Sciences, Head of the Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Philip Martin, Ph.D., Professor, University of Davis, Davis, USA

Elena A. Marushiakova-Popova, Doctor of Science, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore of the Russian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Irina N. Molodikova, Ph.D, Leader of Project on Migration and Security in the Post-Soviet Space, Environmental science and policy department, Central European University, Budapest, Hungary

Cynthia Alexandra Pizarro, Ph.D., Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for research, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Leonid L. Rybakovsky, Doctor of Economics, Professor, Head of Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Norio Horie, Professor, Director of the Center, Toyama University, Toyama, Japan

Caress Schenk, Ph.D., Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые друзья, коллеги, читатели!

Вы держите в руках первый номер нового журнала ДЕМИС, который появился благодаря стараниям ученых Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Наш Институт был создан официально 1 июня 2020 года. Создание Института совпало с двумя важными событиями в рамках демографической повестки: во-первых, в России усугубляется вторая (новая) волна депопуляции с 2016 года, которая характеризуется сокращением численности населения; во-вторых, пандемия COVID-19 потрясла весь мир и не оставила в стороне Россию, которая занимает четвертое место в мире по количеству зараженных. Создание Института демографических исследований стало знаковым событием для страны.

В новом демографическом Институте запущен целый ряд научных проектов, среди которых и журнал ДЕМИС, призванный информировать научную общественность и практических работников о результатах научных исследований в области демографии и миграциологии.

В первом номере журнала представлены исследования ученых из России, Таджикистана, Вьетнама, США, Финляндии и Японии. В статьях рассматриваются теоретические аспекты миграционных процессов, в том числе понятие и критерии «миграционного кризиса» (С.В. Рязанцев), системный подход к изучению миграционных процессов (А.В. Топилин), генезисная структура населения (А.С. Максимова); особенности трудовой миграции в период пандемии COVID-19 (Филип Мартин); новые тренды африканской миграции (Йони Вирккунен и Минна Пииппонен); тенденции трудовой эмиграции из России (Кеничи Охаси), Вьетнама (Ву Тхи Тхань) и Таджикистана (Т.Р. Ризокулов, Ш.Ю. Акрамов, А.Т. Абдуллоева); актуальные вопросы формирования иммиграционных политик ряда европейских государств (Я.Р. Стрельцова, Н.М. Морозова, А.Г. Алымова, Е.С. Яковлева, М.С. Гужев, М.С. Семенов); социальная адаптация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (А.Ю. Нестеров).

Надеемся, что новый журнал будет интересен и полезен читателям.

С уважением,
С. В. Рязанцев,
главный редактор журнала «ДЕМИС. Демографические исследования»,
член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор,
директор Института демографических
исследований Федерального научно-
исследовательского социологического центра
Российской академии наук

A LETTER FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear friends, colleagues and readers!

You are holding in your hands the first issue of the new journal DEMIS, which appeared thanks to the efforts of researchers from the Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Our Institute was officially established on June 1, 2020. The foundation of the Institute coincided with two important events within the demographic agenda: firstly, the second (new) wave of depopulation, which is characterized by a decrease in population, is aggravating in Russia since 2016; secondly, the COVID-19 pandemic shocked the whole world and did not leave aside Russia which ranks fourth in the world in terms of the number of infected. The creation of the Institute for Demographic Research became a landmark event for the country.

The new Demographic Institute launched a number of research projects, including the DEMIS Journal which is designed to inform the academic community and practitioners about the results of studies in the field of population and migration.

The first issue of the Journal presents articles by scientists from Russia, Tajikistan, Vietnam, the USA, Finland and Japan. The works consider theoretical aspects of migration processes, including the concept and criteria of the “migration crisis” (Sergey V. Ryazantsev), a systematic approach to the study of migration processes (Anatoly V. Topilin), the genesis structure of the population (Anastasia S. Maksimova); features of labor migration during the COVID-19 pandemic (Philip Martin); new trends in African migration (Yoni Virkkunen and Minna Piipponen); trends in labor emigration from Russia (Kenichi Ohashi), Vietnam (Vu Thi Thanh) and Tajikistan (Tarakul R. Rizokulov, Sharif Y. Akramov, Adolatjon T. Abdulloeva); topical issues of immigration policies formation in a number of European states (Yana R. Streltsova, Natalia M. Morozova, Arina G. Alymova, Elena S. Yakovleva, Mikhail S. Guzhev, Maria S. Semenova); social adaptation of orphans and children left without parental care (Artem Y. Nesterov).

We hope that the new Journal will be interesting and useful to our readers.

Best regards,

Sergey V. Ryazantsev,

DEMIS. Demographic research. Editor-in-Chief,

RAS Corresponding Member,

Doctor of Economics, Professor,

Director, Institute for Demographic Research of the
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of
the Russian Academy of Sciences

A handwritten signature in blue ink, appearing to be 'S. Ryazantsev'.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

<i>Рязанцев С. В.</i> МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС: ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ	7
<i>Топилин А. В.</i> О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ	17
<i>Максимова А. С.</i> ГЕНЕЗИСНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	31

НАСЕЛЕНИЕ И КРИЗИСЫ

<i>Мартин Ф.</i> COVID-19 И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ	38
<i>Виркунен Й., Пииппонен М.</i> ИММИГРАНТЫ ИЗ АФРИКИ В РОССИИ	45
<i>Нестеров А. Ю.</i> СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ПОСТИНТЕРНАТНЫЙ ПЕРИОД: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	53

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

<i>Охаси К.</i> МИГРАЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ РАБОТНИКОВ В ТУРИСТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ НЯЧАНГА (ВЬЕТНАМ)	64
<i>Тхи Тхань Ву.</i> ВЬЕТНАМСКИЕ ЖЕНЩИНЫ-МИГРАНТЫ, РАБОТАЮЩИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ: РИСКИ И ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА К СЛУЖБАМ ПОДДЕРЖКИ	71
<i>Ризокулов Т. Р., Акрамов Ш. Ю., Абдуллоева А. Т.</i> РОЛЬ ТРУДОВОЙ ЭМИГРАЦИИ В РАЗВИТИИ РЫНКА ТРУДА СОГДИЙСКОЙ ОБЛАСТИ ТАДЖИКИСТАНА	79

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

<i>Морозова Н. М., Алымова А. Г., Яковлева Е. С.</i> ИММИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ	87
<i>Стрельцова Я. Р.</i> ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ	97
<i>Гужев М. С., Семенова М. С.</i> ПРОБЛЕМА ИММИГРАЦИИ И ИЗМЕНЕНИЕ В СООТНОШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ	106

CONTENT

THEORY OF DEMOGRAPHY AND MIGRATIONOLOGY

<i>Sergey V. Ryazantsev</i> , MIGRATION CRISIS: CONCEPT AND CRITERIA.....	7
<i>Anatoly V. Topilin</i> , ON A SYSTEMATIC APPROACH TO THE STUDY OF INTERNATIONAL MIGRATION PROCESSES.....	17
<i>Anastasia S. Maksimova</i> , GENESIS STRUCTURE OF THE RUSSIAN POPULATION.....	31

POPULATION AND CRISES

<i>Ph. Martin</i> , COVID-19 AND INTERNATIONAL LABOR MIGRATION IN AGRICULTURE.....	38
<i>J. Virkkunen, M. Piipponen</i> , AFRICAN IMMIGRANTS IN RUSSIA.....	45
<i>Artem Y. Nesterov</i> , SOCIAL ADAPTATION OF ORPHANS IN THE POST-BOARDING PERIOD: SOCIOLOGICAL ASPECT.....	53

ECONOMIC DEMOGRAPHY

<i>Ohashi K.</i> MIGRATORY TRAJECTORIES OF RUSSIAN-SPEAKING WORKERS IN THE TOURISM SECTOR OF NHA TRANG (VIETNAM).....	64
<i>Vu Thi Thanh</i> , VIETNAMESE MIGRANT WOMEN WORKING ABROAD: RISKS AND CHALLENGES FOR ACCESSING SUPPORT SERVICES.....	71
<i>Turakul R. Rizokulov, Sharif Y. Akramov, Adolatjon T. Abdulloeva</i> , THE ROLE OF LABOR EMIGRATION IN THE DEVELOPMENT OF THE LABOR MARKET IN THE SOGD REGION OF TAJIKISTAN.....	79

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY

<i>Natalia M. Morozova, Arina G. Alymova, Elena S. Yakovleva</i> , IMMIGRATION AND MIGRATION POLICY IN THE NORDIC COUNTRIES.....	87
<i>Yana R. Streltsova</i> , FEATURES OF EMMANUEL MACRON'S MIGRATION POLICY.....	97
<i>Guzhev S. Mikhail, Semenova S. Maria</i> , IMMIGRATION PROBLEM IN THE SETTING UP OF POLITICAL FORCES IN GERMANY AND FRANCE.....	106

ТЕОРИЯ ДЕМОГРАФИИ И МИГРАЦИОЛОГИИ

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС: ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ

Рязанцев С. В.

*Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; МГИМО МИД России, Москва, Россия.
E-mail: riazan@mail.ru*

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.1

Ссылка для цитирования: Рязанцев С.В. Миграционный кризис: понятие и критерии. ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 7–16. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.1

Аннотация. В статье рассматривается понятие «миграционный кризис» в контексте других видов кризисов (экономического, демографического, финансового и прочих). Автором дается определение миграционного кризиса в узком и широком контексте. В научной литературе доминировал подход к пониманию миграционного кризиса через призму миграционной ситуации 2015–2016 гг. в Европе, которая была обусловлена массовым притоком беженцев и экономических мигрантов из стран Ближнего Востока, Южной Азии и Африки в страны Европейского союза. Предлагается миграционный кризис также рассматривать и для стран массового оттока мигрантов. В исследовании выделены критерии миграционных кризисов, в том числе миграционный приток (отток) населения за относительно короткий срок; неэффективность традиционных инструментов миграционной политики; активизация неформальных акторов миграционного рынка, которые заполняют лакуны неэффективных действий надгосударственных и государственных структур; невозможность применения традиционных схем анализа и понимания миграционных потоков в ситуации миграционного кризиса; девальвация человеческой жизни. Автором отмечено, что основными причинами, провоцирующими миграционные кризисы, являются такие экстраординарные события геополитического и экологического характера, как гражданская война, внешнее вторжение, вооруженные конфликты, этнические чистки, экологические катастрофы, аварии, а причинами массового оттока населения из страны могут быть экономические кризисы, катастрофический рост безработицы, политическое давление, преследования на этнической, религиозной и сексуальной почве. В статье были обозначены социально-экономические и демографические последствия миграционных кризисов для стран приема и отправления мигрантов в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: иммиграция, эмиграция, беженцы, экономические и экологические мигранты, миграционный кризис, демографический потенциал, трудовые ресурсы.

Введение

В широком смысле понятие «кризис» происходит от греческого глагола, который можно перевести как «определять» или «выбирать». Иными словами, кризис представляет собой переломный момент, когда ранее существовавшие средства достижения целей становятся неэффективными и неадекватными, в результате возникают непредсказуемые ситуации в обществе.

В общественных и социальных науках достаточно четко сформулированы и проработаны категории таких кризисов, как экономический, финансовый, долговой, валютный, энергетический, политический, психологический.

Термин «миграционный кризис» был использован в апреле 2015 г., после того, как стало понятно, что поток мигрантов из Африки в Европу через Средиземное море

становится все более масштабным и даже массовым. Поводом для введения данного понятия в общественный дискурс стало затопление нескольких лодок с африканскими мигрантами в Средиземном море, сопровождавшееся массовой гибелью людей, что вызвало общественный резонанс. Многие издания вышли с заголовками, использовавшими термин «миграционный кризис», зачастую не ему давая определения, а просто описывая ситуацию с беженцами и экономическими мигрантами, пытавшимися попасть в Европу, причем в наиболее обеспеченные страны с развитой системой социальной помощи беженцам. Правда, многие эксперты отмечали, что миграционный кризис 2015 г. стал крупнейшим после второй мировой войны, подразумевая, что миграционные кризисы в Европе были и раньше.

В миграционных потоках из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Европу в 2014–2016 гг. отразились некоторые парадоксы географии и социально-демографического состава мигрантов. Казалось, что ключевыми странами происхождения должна была быть Сирия, охваченная в то время гражданской войной, однако неожиданно в 2015 г. в число лидеров после Сирии вошли Афганистан, Ирак, Ливия, Эритрея, Судан, Южный Судан, Демократическая Республика Конго, Сомали и прочие африканские страны с относительно стабильной политической обстановкой, но очень плохим состоянием экономики. Таким образом, стало понятно, что вынужденные мигранты в миграционных потоках перемешались с экономическими и семейными мигрантами, обеспечив значительный приток в европейские страны. Наиболее наглядна ситуация с мигрантами в 2015 г. в двух странах «первой линии Средиземноморья», принявших на себя основной поток мигрантов, перемещавшихся по морю, – в Греции и Италии. По данным Международной организации по миграции (далее – МОМ), Греция приняла 475 тыс. сирийцев, 205 тыс. афганцев, 86 тыс. граждан Ирака, 23 тыс. пакистанцев, 22 тыс. иранцев, 7 тыс. выходцев из Марокко. Италия приняла 39 тыс. выходцев из Эритреи, 22 тыс. – из Нигерии, 12 тыс. – из Сомали, 8 тыс. из Судана, и только 7 тыс. человек – из Сирии. Общая численность мигрантов, прибывших по морю в Грецию, составила 853 тыс., а в Италию – 153 тыс. человек¹.

Таким образом, под миграционным кризисом можно понимать масштабный приток мигрантов за относительно короткий период времени на достаточно ограниченную территорию. Конечно же, миграционный кризис провоцируется, как правило, экстраординарными событиями: гражданской войной, внешним вторжением, вооруженным конфликтом, этническими чистками. При этом в таких масштабных миграционных потоках достаточно сложно выделить четко традиционные категории мигрантов (вынужденных, трудовых, семейных и пр.). Многие люди начинают использовать канал миграции для решения жизненных вопросов и реализации жизненных стратегий. Так получилось и в ходе миграционного кризиса в Европе 2014–2016 гг., когда многие молодые люди, мужчины, целые семьи из стран Ближнего Востока и Африки, выдавая себя за сирийских беженцев, попытались попасть всеми правдами и неправдами в Европейский союз. В настоящее время аналогичным путем развивается поток мигрантов из стран Южной и Центральной Америки, а также Карибского бассейна – многие пытаются попасть в США в качестве беженцев.

¹ Миграционный кризис в Европе. Досье. 29 июня страны ЕС достигли договоренностей по миграционной проблеме [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС [сайт]. 29.06.2018. URL: <https://tass.ru/info/5336277> (дата обращения: 15.09.2020).

Обзор литературы

Наиболее близким по содержанию и природе к понятию «миграционный кризис» можно считать «демографический кризис». Последнее понятие проработано в научной литературе больше. Демографический кризис представляет собой резкое изменение численности населения, причем для него характерны как резкая убыль, так и резкий рост населения, последнее обстоятельство приводит к перенаселению городов, регионов и стран. Российский демограф В.А. Ионцев называет демографическим кризисом резкое сокращение численности населения России в 1993-2015 гг. под влиянием снижения рождаемости и повышения смертности, а также снижение качественных демографических показателей (ожидаемой продолжительности жизни, здоровья населения) [Ионцев, Субботин, 2018]. Российский демограф Н.М. Римашевская в свое время предложила для характеристики демографического кризиса в России термин «русский крест», под которым она понимала, с одной стороны, количественные изменения населения (превышение смертности над рождаемостью), а с другой стороны, ухудшение качественных параметров (прежде всего, сокращение продолжительности жизни, старение населения, сокращение трудовых контингентов) [Римашевская, 1999].

П. Бьюкенен полагает, что демографический кризис в США берет начало в 1963 г., а затем распространяется на переломе 1960–70-х гг. на страны Западной Европы. Американский демограф П. Демени также пишет о демографическом кризисе в Западной Европе [Demeny, 2016]. Интересно, что все упомянутые ученые связывают кризис, как правило, с сокращением численности населения и рождаемости, но мало кто отмечает, что сокращение численности населения и демографический кризис могут быть связаны не только с падением рождаемости, но и с эмиграционным оттоком населения из страны или сокращением иммиграционного притока в страну. Также следует отметить распространенную точку зрения некоторых экспертов на европейский миграционный кризис, заключающуюся в целенаправленных действиях, связанных с неудачными попытками построения демократии на Ближнем Востоке и в Африке («теория управляемого хаоса»). Например, министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров, выступая на Всероссийском молодежном образовательном форуме в 2017 г. заявил: «Если мы посмотрим на факты, тот хаос, который был посеян в Ираке и Ливии, в целом в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, тот импульс негативным процессам, который дал вмешательство извне с использованием грубой силы, – это все плоть от плоти той самой однополярности, которую наши западные коллеги стараются сохранить»². Российский ученый О.А. Митрошенков отмечает: «Огромный поток мигрантов в Европу и связанные с ним эксцессы в Германии, Швеции, Австрии и т.д. – инверсия уже несколько не управляемого хаоса против самих "хаотизаторов"» [Митрошенков, 2017].

Существует и другая точка зрения. Например, российские исследователи В. Малахов и М. Симон выражают сомнения относительно нейтральности понятия «миграционный кризис», использование которого способно спровоцировать крен в сторону восприятия миграции как угрозы вместо акцентирования внимания на ее гуманитарной составляющей. Миграционный кризис является не причиной, а следствием дестабилизации международных отношений. Восприятие миграции в каче-

² Лавров: многие политики являются сторонниками теории управляемого хаоса. [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС [сайт]. 11 августа 2017. URL: <https://tass.ru/politika/4477015> (дата обращения: 17.09.2020).

стве острой угрозы безопасности лишено убедительных эмпирических оснований и влечет за собой негативные последствия для стабильности демократий. Правительства принимающих стран обладают ограниченными возможностями регулирования миграций, а используемый ими инструментарий не учитывает многообразие связей, идентичностей и лояльностей [Миграционный кризис..., 2017]. Ученый Ф. Дювель из Оксфордского университета пишет о ситуации 2015 г. как о «кризисе беженцев», отмечая действие нескольких групп факторов (обострение обстановки в Сирии, Ливии, Египте, Судане; активизация террористических группировок на Ближнем Востоке; переход ряда стран (Турция, Пакистан, Иран, Иордания) от первичного приема беженцев к политике их выдавливания; неэффективность политики Европейского союза) [Голунов, 2018].

Таким образом, подходы к понятию «миграционный кризис» в научной литературе достаточно разнообразны, но в основном сводятся к рассмотрению миграционных кризисов, как негативного давления значительных потоков инокультурных иммигрантов на экономику и общество либо как последствий геополитических событий и дестабилизации международных отношений. На сегодняшний день в научном дискурсе не выработано единого определения и критериев оценки миграционных кризисов.

Методы исследования и источники информации

При подготовке статьи использовался ряд методов. Прежде всего, применялся статистический метод: были использованы данные международных организаций системы ООН, характеризующие различные потоки международных мигрантов (МОМ, МОТ, УВКБ ООН), а также данные национальной статистики. Метод системного анализа позволил рассмотреть тенденции и социально-демографические характеристики миграционных процессов в разных регионах мира (Восточной и Западной Европе, Латинской Америке, Африке), а также государственную миграционную политику некоторых стран и Евросоюза в целом в вопросах реагирования на масштабы миграционных процессов через призму «кризисности». Также в исследовании применен аналитический метод – была предпринята попытка выделить критерии миграционных кризисов, как относительно неизученного с точки зрения теоретического обоснования социально-экономического и демографического феномена современного мира.

Результаты и обсуждение

В широкой трактовке под миграционным кризисом следует понимать не только резкий рост численности иммигрантов, который чреват ростом нагрузки на социальную инфраструктуру, систему безопасности, экологию, но и резкий эмиграционный отток населения, который имеет последствия в виде потери трудоспособного, интеллектуального, молодого, экономически активного, репродуктивного населения. Например, данная ситуация происходит на востоке Европы – в Болгарии, в Молдавии, на западе Украины, в Латвии и Литве. Можно привести более наглядный пример – ситуация с массовой эмиграцией населения за короткий срок из Венесуэлы, охваченной политическим и экономическим кризисом, которую называют не иначе как «исход мигрантов» (англ. «Exodus»).

Таким образом, миграционный кризис вскрывает диспаритеты и конфликты, как правило, ранее скрытые, но существовавшие или зревшие в демографической, экономической, социальной, политической сферах. Наиболее значимым является

разница демографических потенциалов, выражающаяся в диспропорции по полу и возрасту, дефиците и переизбытке трудовых ресурсов, незаселенности и перенаселенности территории. Разница социально-экономических потенциалов наиболее часто выражается в численности занятых и безработных, уровнях зарплат и доходов, развитости и доступности социальных гарантий и выплат. В этом смысле миграционный кризис 2015–2016 гг. в Европе стал следствием проявления существенных диспаритетов не только между странами Азии и Африки, с одной стороны, и европейских стран, с другой стороны, но и обнажил разницу потенциалов между менее развитыми странами Восточной и Южной Европы, с одной стороны, и более обеспеченными странами Западной и Северной Европы, с другой стороны.

В исследовании были выделены критерии миграционных кризисов.

Во-первых, **миграционный приток (отток) населения за относительно короткий срок (временной критерий)**. Миграционный кризис, как правило, характеризуется коротким периодом активного действия («всплеском»), изменением показателей численности мигрантов. Например, если в 2000–2010 гг. в среднем за год в Европу нелегально перемещались по 20–25 тыс. человек, то в 2014 г. – 900 тыс. человек (по данным МОМ). В 2015 г., по данным Агентства ЕС по контролю над границами, был достигнут пик – 1,8 млн человек, по данным МОМ, – 1,1 млн человек. Затем показатель пошел на спад. В 2016 г. в Европу, по данным МОМ, прибыло только 290 тыс. мигрантов³. Таким образом, миграционный кризис в Европе имел четко выраженный временной диапазон (2014–2016 гг.) с четко выраженным пиком в 2015 г. В 2017–2018 гг. стали появляться статьи о том, что миграционный кризис в Европе преодолен. Хотя некоторые авторы пишут о том, что миграционный кризис продолжается, но описывают скорее другие аспекты миграционной ситуации, используя понятия «кризис солидарности», «кризис мультикультурализма», «кризис интеграции» [Квашнин и др., 2017].

Во-вторых, **масштабный приток (отток) мигрантов, вносящий существенный негативный вклад в демографическое и социально-экономическое развитие страны**. Миграционный кризис с точки зрения иммиграции был описан на примере ЕС подробно. Остановимся на миграционном кризисе с точки зрения эмиграции. С 1990-х гг. население Болгарии сократилось на 20% – с 9 млн до 7 млн человек. Существуют оценки численности населения Болгарии, исходя из которых численность населения к 2025 г. будет на уровне 5,5 млн человек. Как известно, эмигранты из Болгарии выезжают на работу в Западную Европу⁴.

Массовый исход населения, прежде всего молодежи, происходит в Латвии, Литве и Эстонии. С 1991 по 2019 г. из Латвии выехало 650 тыс. жителей, приток составил 195 тыс. человек. Прямые потери населения – 455 тыс. человек, главным образом молодежь, активные предприниматели и представители среднего класса, половина населения в возрасте от 25 до 44 лет. Поток усилился в 2004 г., – после вступления в ЕС страна потеряла 360 тыс. человек, которые выехали на работу в Западную Европу. Оставшееся население Латвии стареет – на начало 2020 г. около 48% латышей были

³ Миграционный кризис в Европе. Досье. 29 июня страны ЕС достигли договоренностей по миграционной проблеме. *Информационное агентство ТАСС*. 29.06.2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/info/5336277> (дата обращения: 17.09.2020)

⁴ Рут А. Почему болгар становится все меньше? [Электронный ресурс] // BBC News, Русская служба. 09.09.2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41184897> (дата обращения: 17.09.2020).

людьми старше 45 лет⁵.

Население Венесуэлы с 2015 по 2017 гг. сократилось на 7% (на 2,3 млн человек) в результате эмиграции⁶. В 2019 г. насчитывалось 2,7 млн венесуэльцев, покинувших страну в период экономического кризиса, а общее количество мигрантов из Венесуэлы составляло около 3,4 млн человек. Ежедневно страну покидали 5 тыс. человек, которые направлялись в Колумбию, Перу, Эквадор, Аргентину, Бразилию⁷.

В результате данных миграционных кризисов сильно страдают экономики стран, которые теряют трудоспособное, молодое и экономически активное население, тормозится уровень их экономического развития, сокращается ВВП, растет дефицит трудовых ресурсов. В случае масштабного притока мигрантов в страну в краткосрочной перспективе отмечается рост издержек на программы адаптации и интеграции иммигрантов, но в долгосрочной перспективе, как правило, страна приема выигрывает, приобретая дополнительные трудовые ресурсы и предпринимателей, омолаживая возрастную структуру населения.

В-третьих, **неэффективность традиционных инструментов миграционной политики, которая складывалась годами**. Миграционный кризис в ЕС обозначил несколько ранее неясных или скрытых проблем общеевропейской миграционной политики, в том числе: сложности, а порой и невозможности четкого разделения мигрантов на категории экономических и вынужденных (беженцев); идеологический раскол по вопросу приема и интеграции беженцев; разделение в вопросах квот на размещение беженцев; введение проверок на границах единого Шенгенского пространства. Наиболее наглядный пример с квотами на беженцев. В мае 2015 г. Европейская комиссия предложила квоты на размещение беженцев для всех стран ЕС. В июне была достигнута договоренность о размещении 40 тыс. человек, а в сентябре еще 120 тыс. человек из лагерей в Италии и Греции, но страны Вышеградской четверки (Чехия, Венгрия, Румыния и Словакия) отказались от приема беженцев. Против беженцев также выступили власти Болгарии, Словении и Хорватии. В результате расселено только 35 тыс. человек, то есть 2% из 1,6 млн нелегальных мигрантов, прибывших в ЕС с 2015 по 2018 гг.⁸ В связи с миграционным кризисом в 2015–2016 гг. контроль на границах вводили Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Дания, Норвегия, Словения, Швеция. В марте 2016 г. Словения и Хорватия в сотрудничестве с Сербией и Македонией закрыли для беженцев так называемый балканский путь в Европу.

В-четвертых, **активизация неформальных акторов миграционного рынка, которые заполняют лакуны неэффективных действий надгосударственных и государственных структур**. Например, в период миграционного кризиса значительно активизировались криминальные структуры, занимавшиеся переброской людей из Африки и Азии

⁵ Как Латвия теряла жителей... [Электронный ресурс] // Новостное агентство Sputnik. 06.06.2020. URL: <https://lv.sputniknews.ru/infographics/20200606/13849256/Kak-Latviya-teryala-zhiteley.html> (дата обращения: 17.09.2020).

⁶ Лонг Г. Венесуэла пустует из-за кризиса // Сетевое издание «Ведомости». 05.09.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/09/05/780028-venesuela-pusteet-krizisa> (дата обращения: 17.09.2020).

⁷ Число мигрантов из Венесуэлы... // Deutsche Welle (DW). 22.02.2019. URL: <https://www.dw.com/ru/число-мигрантов-из-венесуэлы-достигло-34-миллионов-человек/a-47642945> (дата обращения: 17.09.2020).

⁸ Миграционный кризис в Европе. Досье. 29 июня страны ЕС достигли договоренностей по миграционной проблеме. Информационное агентство ТАСС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/info/5336277> (дата обращения: 14.09.2020).

в Европу. Согласно данным Европола, около 90% нелегальных мигрантов воспользовались услугами нелегальных перевозчиков, которые базировались, прежде всего, на территории Ливии. Доходы криминальных бизнесов от переброски мигрантов в Европу, по примерным оценкам, составили от 3 до 6 млрд евро.

В-пятых, **во время миграционных кризисов зачастую не работают традиционные схемы анализа и понимания миграционных потоков.** Например, конфликт России и Украины из-за Крыма, Донецкой и Луганской областей привел к массовому исходу беженцев из Украины в 2015–2016 гг. И, казалось бы, что беженцы должны были уехать из Украины на Запад, но около 1 млн человек поехали в Россию. Возник гуманитарный кризис в некоторых приграничных регионах России – Ростовской и Белгородской областях. Вынужденным мигрантам оказывалась жилищная, материальная, гуманитарная, психологическая помощь. При этом западные СМИ называли Россию агрессором, но большинство мигрантов из Украины предпочитали переехать именно в Россию, где проживали их родственники, были социальные связи, было проще найти работу, чем в Европе. Благодаря украинским мигрантам, некоторые регионы России смогли пополнить население и получить квалифицированных специалистов. Гуманитарный миграционный кризис характеризовался таким неожиданным поворотом миграционных потоков.

И наконец, **самым серьезным гуманитарным последствием миграционного кризиса можно считать девальвацию человеческой жизни.** По примерным оценкам, если в 2012 г. в Средиземном море утонули 500 человек при попытке переплыть в Европу, то в 2014 г. количество жертв составило 1,5 тыс., в 2015 г. – 3,8 тыс., а в 2016 г. – 5,1 тыс. человек⁹. Главным образом, мигранты тонули в лодках при неудачных попытках пересечь морское пространство и достичь итальянских или греческих берегов. Кроме того, многочисленные смерти были в грузовиках и рефрижераторах при попытке проникнуть в Европу сухопутным путем. Итальянское правительство запустило программу *Maré Nostrum* в 2013 г., затем ЕС в 2014 г. открыл программы «Тритон» и «Посейдон» с целью предотвращения гибели людей. Затем были военная операция EUNAVFOR Med в 2015 г. Все это спасло жизни 25 тыс. человек. Операция проводилась до конца 2018 г. Миграционный кризис 2015–2016 гг. показал, насколько хрупкой является человеческая жизнь при переходе миграции в незаконное и криминальное пространство.

Последствия миграционных кризисов

Последствия миграционных кризисов необходимо рассматривать для принимающих и посылающих стран. Для стран масштабного отправления мигрантов происходят потери человеческого потенциала – наиболее образованных, деловых, активных людей, а также молодежи, людей трудоспособных и репродуктивных возрастов. В странах массового оттока населения сокращается численность населения, снижается рождаемость, возникает дефицит трудовых ресурсов, усиливается тенденция старения населения. Например, Молдова имеет некоторые населенные пункты, в которых практически не осталось молодых женщин, т.к. многие эмигрировали в Россию, страны Европы в поисках работы. Безусловно, это чревато снижением брачности в краткосрочной перспективе, и рождаемости в среднесрочной перспективе. В экономическом отношении опасен отток трудовых ресурсов, активных предпринимателей, а также квалифицированных и высококвалифицированных специалистов

⁹ Миграционный кризис в Европе. Досье. 29 июня страны ЕС достигли договоренностей по миграционной проблеме. *Информационное агентство ТАСС*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/info/5336277> (дата обращения: 14.09.2020)

(«утечка умов»).

Для стран массового притока мигрантов в краткосрочной перспективе, напротив, возникает проблема демографического пресса, то есть происходит прирост населения молодых и трудоспособных возрастов, которые не всегда могут автоматически выйти на рынок труда и получить работу в силу разных обстоятельств. В среднесрочной перспективе для стран приема приток рабочих рук и молодого населения – тренд позитивный. Стареющие общества получают молодое население, а дефицитные рынки труда – рабочую силу. Не зря, например, канцлер Германии А. Меркель получила поддержку крупных немецких работодателей в период миграционного кризиса и приема беженцев. Но чтобы получить эти демографические дивиденды, нужно прежде понести расходы на интеграционные программы и программы подготовки и переподготовки рабочей силы. В конечном итоге, экономики принимающих стран, особенно в условиях неблагоприятных демографических тенденций, получают трудоспособное население и рабочую силу, смогут отчасти погасить негативные тенденции старения населения.

Заключение

Итак, понятие «миграционный кризис» может трактоваться с двух точек зрения. В узком смысле миграционный кризис можно определить, как масштабное прибытие большого количества мигрантов, прежде всего, вынужденных или экологических, на территорию страны или региона за относительно короткий период времени, что черевато ростом нагрузки на социальную инфраструктуру, рынок труда и экологическую обстановку. В широкой же трактовке миграционный кризис нужно понимать не только как резкий рост численности иммигрантов, но и резкий эмиграционный отток населения, имеющий негативные последствия в виде потери демографического потенциала, в том числе трудоспособного, экономически активного молодого населения репродуктивного возраста.

Основными причинами, провоцирующими миграционные кризисы, являются такие экстраординарные события геополитического и экологического характера, как гражданская война, внешнее вторжение, вооруженные конфликты, этнические чистки, экологические катастрофы, аварии. Причинами массового оттока населения из страны могут быть экономические кризисы, катастрофический рост безработицы, политическое давление, преследования на этнической, религиозной и сексуальной почве.

Последствия миграционных кризисов носят неоднозначный характер. Конечно, в краткосрочной перспективе в принимающих странах они в большей степени носят отрицательный характер. Масштабный приток мигрантов обостряет экологические проблемы, санитарную обстановку, социальную сферу, состояние рынка труда, жилищные вопросы, межнациональные конфликты. Однако в среднесрочной перспективе при адекватной интеграционной политике принимающие страны в большей степени выигрывают от притока трудоспособного и молодого населения, пополняющие демографический потенциал страны. Масштабный эмиграционный отток из отправляющих стран приводит к потере молодых, репродуктивных, экономически активных, образованных людей, а соответственно, несет потери для страны, усугубляя экономическое отставание.

Список литературы

1. Голунов С.В. Миграционные процессы в меняющихся условиях: европейская и постсоветская перспективы // Пути к миру и безопасности. 2018. № 2 (55). С. 142–149. DOI: 10.20542/23071494-2018-2-142-149.
2. Ионцев В.А., Субботин А.А. Современные сценарии демографического будущего мира (на примере России и Германии) // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 3. С. 4–18. DOI: 10.5922/2079-8555-2018-3-1
3. Квашинин Ю., Кузнецова А., Трофимова О., Четвертикова А. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 1. Т. 61. С. 97–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107.
4. Миграционный кризис: международное сотрудничество и национальные стратегии : сборник научных статей по материалам одноименной конференции (22–23 сентября 2016 г., Москва) // Под ред. В. С. Малахова, М. Е. Симона. – Москва : Дело, 2017. – 298 с.
5. Митрошенков О.А. Теория управляемого хаоса: использовать себе во благо // Власть. 2017. № 8. С. 64–73.
6. Римаевская Н.М. «Русский крест» // Природа. 1999. № 6. С. 3–10.
7. Demeny P. Europe's Two Demographic Crises: The Visible and the Unrecognized. *Population and Development Review* // 2016. Vol. 42. № 1. P. 111–120. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2016.00110.x

Сведения об авторе:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России; Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; РИНЦ Author ID: 77673; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Статья поступила в редакцию 11.07.2020; принята в печать 05.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MIGRATION CRISIS: CONCEPT AND CRITERIA**Sergey V. Ryazantsev**

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences;
MGIMO University, Moscow, Russia. E-mail: riazan@mail.ru*

For citation: Sergey V. Ryazantsev. Migration crisis: concept and criteria // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 7–16. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1

Abstract. The article examines the concept of “migration crisis” in the context of other types of crises (economic, demographic, financial and others). The author gives a definition of the migration crisis in a narrow and broad context. The scientific literature was dominated by the approach to understanding the migration crisis through the prism of the migration situation in 2015-2016 in Europe, which was due to the massive influx of refugees and economic migrants from the Middle East, South Asia and Africa to the countries of the European Union. It is proposed that the migration crisis should also be considered for countries with a massive outflow of migrants. The study identifies the criteria for migration crises, including migration inflow (outflow) of the population in a relatively short period; ineffectiveness of traditional instruments of migration policy; activation of informal actors of the migration market, which fill the gaps of ineffective actions of supranational and state structures; the impossibility of using traditional schemes for analyzing and understanding migration flows in a situation of a migration crisis; devaluation of human life. The author notes that the main reasons provoking migration crises are such extraordinary events of a geopolitical and environmental nature as civil war, external invasion, armed conflicts, ethnic cleansing, environmental disasters, accidents, and economic crises can be the reasons for the massive outflow of the population from the country, catastrophic growth in unemployment, political pressure, persecution on ethnic, religious and sexual grounds. The article outlines the socio-economic and demographic consequences of migration crises for countries of destination and destination of migrants in the short and medium term.

Keywords: immigration, emigration, refugees, economic and environmental migrants, migration crisis, demographic potential, labor resources.

References

1. Golunov S. Migration processes in a changing environment: European and post-Soviet perspectives. *Pathways to Peace and Security*. 2018. No. 2(55). Pp. 142–149. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-2-142-149. (in Russ.)
2. Iontsev V.A., Subbotin A.A. Current Scenarios for the Demographic Future of the World: The Cases of Russia and Germany. *Baltik region*. 2018. Vol. 10. No. Pp. 4–18. DOI: 10.5922/2079-8555-2018- 3-1 (in Russ.)
3. Kvashnin Yu., Kuznecova A., Trofimova O., Chetvertikova A. The migration crisis in the EU: national responses to a common challenge to the World economy and international relations. *World economy and international relations*. 2017. № 1. Vol. 61. Pp. 97–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-97-107 (in Russ.)
4. Migracionnyj krizis: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo i nacional'nye strategii : sbornik nauchnyh statej po materialam odnoimennoj konferencii (22-23 sentyabrya 2016 g., Moskva) [Migration Crisis: International Cooperation and National Strategies]: Collection of Scientific Articles / Ed. by V.S. Malakhova and M.E. Simone. Moscow: Ed. house «Delo» RANEPА. 2017. 300 p. (in Russ.)
5. Mitroshenkov O.A. Theory of Controlled Chaos: Use for Your Advantages. *Vlast' (The Authority)*. 2017. No. 8. Pp. 64–73. (in Russ.)
6. Rimashevskaya N.M. «Russian cross». *The journal Priroda*. 1999. No 6. Pp. 3–10. (in Russ.)
7. Demeny P. Europe's Two Demographic Crises: The Visible and the Unrecognized. *Population and Development Review*. 2016. Vol. 42. No 1. Pp. 111–120. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2016.00110.x

Bio note:

Sergey V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head Department for Demographic and Migration Policy, MGIMO University, Moscow, Russia

Contact Information: e-mail: riazan@mail.ru; RSCI Author ID: 77673; ORCID ID: 0000-0001-5306-8875; Web of Science Researcher ID: F-7205-2014; Scopus Author ID: 22136228700.

Received on 11.07.2020; accepted for publication on 05.09.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

О СИСТЕМНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Топилин А. В.

*Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.
E-mail: topilinav@mail.ru*

DOI: 10.19181/demis.2021.11.2

Ссылка для цитирования: Топилин А.В. О системном подходе к изучению международных миграционных процессов. ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 17–30. DOI: 10.19181/demis.2021.11.2

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современных тенденций международной миграции в условиях турбулентности. Обосновывается необходимость исследования миграционных процессов в рамках единой мировой миграционной системы, состоящей из отдельных миграционных подсистем, образованных по географическому принципу и имеющих устойчивые внутренние и внешние миграционные связи. Дается понятие «Единая мировая миграционная система» (далее – ЕММС). Рассматривается характер воздействия на международную миграцию всей совокупности общесистемных факторов. Наряду с действием социально-экономических факторов, в частности, реакции мигрантов на кризисные явления в экономике, что нашло отражение в научной литературе, уделяется внимание характеру воздействия на подвижность населения, факторам, связанным с ухудшением среды жизнедеятельности человека, изменением климата, катастрофами, пандемией коронавирусной инфекции. В качестве гипотезы в статье обосновывается предположение о разновекторном направлении действия общесистемных факторов на масштабы и скорость миграционного обмена между отдельными миграционными подсистемами, что послужило основанием предусмотреть увеличение миграционной активности населения в перспективе. Для решения задач исследования были использованы аналитические, статистические методы, а также метод географического зонирования. Осуществлен прогноз численности международных мигрантов по миграционным подсистемам до 2050 г., выявлены структурные сдвиги в распределении потоков международных мигрантов по миграционным подсистемам. В международном миграционном обмене в 2050 г. возрастет численность и доля мигрантов из миграционных подсистем Африки, Азии и Латинской Америки. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего более углубленного исследования закономерностей миграционных процессов в рамках единой мировой миграционной системы, разработки методологии прогнозирования перемещений с учетом различных гипотез изменения миграционного поведения населения.

Ключевые слова: миграция, население, мировая миграционная система, миграционная подсистема, факторы миграции, прогноз.

Введение

В эпоху глобализации и увеличения пропасти между богатыми и бедными странами возрастают масштабы и интенсивность международной миграции. По оценкам ООН, в 2019 г. численность международных мигрантов достигла 272 млн человек, что в 3,5 раза больше, чем в 1965 г. Доля международных мигрантов во всем населении планеты возросла с 2,9 до 3,5%. Однако по отдельным странам и континентам численность международных мигрантов существенно различается. Так, в США и Европе их удельный вес в общей численности населения региона превышает среднемировое значение в несколько раз. Более того, отмечается рост международной активности в этих странах. За 1990–2019 гг. удельный вес международных мигрантов в населении США увеличился с 9,8 до 15,2%, в Европе – с 6,8 до 11,1%. Страны Азии, Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна имеют самые низкие показатели интенсивности международных мигрантов на уровне 2–3% от численности населения, что обусловлено слабой включенностью этих стран в международный рынок труда. Российская Федерация занимает четвертое место после США, Германии, Саудовской

Аравии по численности международных мигрантов – 11,7 млн человек, что составляет 8,0% населения (см. табл.1).

Таблица 1

**Динамика численности международных мигрантов, 1990–2019 гг.
(млн человек)**

Table 1

Dynamics of the number of international migrants (million people)

	1990	2000	2010	2019	2000 в % к 1990	2010 в % к 2000	2019 в % к 2010
Весь мир (без России)	154,2	174,5	220,7	271,7	112,8	126,5	123,1
Африка	15,6	15,6	17,1	26,5	100,0	109,6	155,0
Азия	49,9	50,4	67,8	83,6	101,0	134,5	123,3
Европа	49,0	56,2	69,2	82,3	114,7	123,1	118,9
Россия	11,5	11,9	11,2	11,7	103,5	94,1	104,5
Латинская Америка и Карибский бассейн	7,1	6,5	8,1	11,8	91,5	124,6	144,4
Северная Америка	27,8	40,4	51,2	58,6	145,3	126,7	114,4
Океания	4,7	5,4	7,3	8,9	114,9	135,2	121,9

Обзор научной литературы

Многообразие и динамизм международных миграционных потоков во второй половине XX и начале XXI столетия способствовало появлению огромного количества теорий как зарубежных, так и отечественных исследователей, посвященных выявлению движущих сил и механизмов мировых миграционных процессов. В классификации основных теоретических подходов в изучении миграции населения, разработанной В.А. Ионцевым [Ионцев, 1999], выделим теории, которые имеют непосредственное отношение к теме статьи. Среди них универсальная (синтетическая) теория миграции (всеобъемлющая модель международной миграции), предложенная Д. Массеем [Массей, 2007]. Данная теория представляет собой попытку на основе объединения различных теорий, включая неоклассическую, новую экономическую теорию трудовой миграции, теорию общественного капитала, теорию мировых систем и других, дать всеобъемлющее объяснение международной миграции с целью разработки миграционной политики.

Другая теория подобного рода под названием «Концепция миграционных систем» [Kritz, 1987; Zlotnik, 1987] исходит из того, что существует не одна, а множество систем, каждая из которых включает в себя миграционные потоки между странами выезда и определенными сторонами въезда.

В русле данного подхода И.В. Ивахнюк выдвинула концепцию евразийской миграционной системы, исходя из тезиса о том, что существуют отдельные миграционные системы, такие, как Европейская, Североамериканская, Азиатско-Тихоокеанская и другие [Ивахнюк, 2008]. Аналогичной точки зрения придерживается М.Л. Тюркин, рассматривая институционально-правовые аспекты миграционных систем применительно к отдельным странам [Тюркин, 2004]. Таким образом, позиции указанных исследователей схожи в том, что признается существование не одной, а многих миграционных систем.

С начала 2000-х гг. выявляются новые тенденции в мировых миграционных процессах, вызванных трансформацией глобализации, усилением экономической турбулентности. В научной литературе отмечаются следующие особенности [Цапенко, 2018: 7]:

– замедление роста долгосрочной миграции со сменой места жительства. За 2005–2017 гг. среднегодовые темпы прироста численности международных мигрантов сократились с 2,9% в 2005–2010 гг. до 2,4% в 2010–2015 гг. и до 2,0% в 2015–2017 гг. Сокращение роли долгосрочной миграции в передвижениях будет компенсироваться другими видами пространственной мобильности населения;

– расширение географии миграционных потоков. Повышение роли развивающихся стран в перераспределении международных мигрантов между основными центрами. По данным ООН, в 2005–2017 гг. доля развивающихся государств в численности мирового населения возросла с 40 до 43% мировой численности, при этом их доля, как доноров – с 67 до 72%;

– развитие новых видов подвижности населения, например туризма, о чем свидетельствует быстрый рост численности трансграничных туристов. За 1995–2015 гг. их численность увеличилась с 525 млн до 1,2 млрд, или более чем в 2 раза;

– усиление этнического разнообразия, пестроты состава населения стран приёма. Этнокультурные противоречия обостряются даже в западных странах, имеющих высокий уровень жизни и сложившиеся демократические традиции, и, более того, выражают тенденцию к росту [Монусова, Цапенко, 2017].

Продолжают оставаться актуальными проблемы управления миграцией и разработки моделей миграционной политики, взаимосвязи миграции и безопасности, противодействия нелегальной миграции и торговли людьми, сотрудничества со странами исхода мигрантов. Эти вопросы освещены в сборнике статей, вышедшем в 2020 г. в Институте Европы РАН под редакцией А. А. Громыко [Управление миграцией..., 2020], а также в монографии о регулировании легальной миграции в Европейском союзе [Биссон, 2020].

Первые результаты исследования влияния пандемии COVID-19 на миграционную мобильность населения, выполненные учеными Института демографических исследований ФНИСЦ РАН под руководством директора института члена-корреспондента РАН С.В. Рязанцева, опубликованы в журнале «Научное обозрение» в 2020 г. В статьях раскрываются проблемы глобальной миграции в условиях пандемии COVID-19, региональные и этнодемографические аспекты миграции в различных странах, социально-демографические последствия пандемии для лиц старших возрастов, молодежи, студентов [Глобальные миграции..., 2020].

Новые реалии и вызовы требуют поиска и разработки альтернативных подходов к оценке международной миграции с позиций системного анализа и использования методического арсенала, накопленного в различных областях науки.

Методы исследования и данные

Методологической основой исследования является диалектический подход, согласно которому миграционная мобильность населения в условиях развития общественных отношений и производительных сил имеет тенденцию к росту. При прогнозировании численности международных мигрантов использовались методы экстраполяции и структурных сдвигов, исходя из разноскоростного характера изменения подвижности населения стран, входящих в различные миграционные подсистемы.

Статистической базой исследования являются данные по международной миграции Росстатта, Статистического комитета СНГ, МОМ, ОБСЕ и других международных организаций, прогнозы численности населения и международных мигрантов по странам мира, осуществляемые ООН.

Результаты исследования

Анализ показывает, что рассмотрение миграционных процессов в рамках только отдельных макрорегиональных объединений стран, таких как Евразийский Союз, ЕС и т.п., недостаточно и не позволяет в полной мере раскрыть все многообразие и противоречивость перемещений населения и рабочей силы, оценить влияние международной миграции на экономику, рынок труда и уровень жизни, социокультурное развитие человека. По нашему мнению, речь должна идти не об отдельных миграционных системах, а о единой мировой миграционной системе (ЕММС), в рамках которой формируются и проявляются как общие тенденции, так и особенности миграционных процессов в отдельных регионах и субрегионах.

Под единой мировой миграционной системой ЕММС следует понимать всю совокупность исторически сложившихся миграционных потоков и связей между странами, группами стран и континентами, сформировавшимися под воздействием сил выталкивания и притяжения, природно-климатических, экономических, социальных, этнических и культурных факторов. В ЕММС входят отдельные миграционные подсистемы, состоящие из группы стран, объединенные по географическому принципу, с устойчивыми миграционными связями, локальным и макрорегиональным рынком труда (см. рис. 1).

Рис.1. Единая мировая миграционная система (ЕММС)

Fig. 1. Unidied world migration system

Миграционные подсистемы могут состоять из отдельных субрегиональных образований. Например, в Африканской миграционной подсистеме выделяются субрегионы Западной, Центральной, Восточной и Южной Африки.

Формирование ЕММС завершилось в основном в конце XX и начале XXI столетия, определились ее географические контуры, центры притяжения, формы и механизмы функционирования. Вместе с тем ЕММС не является застывшим, раз и навсегда сложившимся образованием, ее границы и внутренние контуры могут меняться. После распада Союза ССР на базе новых независимых государств возникла новая Евразийская миграционная подсистема. Это молодая, еще до конца не сформировавшаяся миграционная подсистема, включающая территории стран, расположенных в двух частях света – в Европе и в Азии. В Ближневосточную миграционную подсистему входят как страны Ближнего Востока, так и часть стран Северной Африки. Основная же территория Африки остается слабововлеченной в единую мировую миграционную систему.

Становление и развитие миграционных подсистем осуществляется под воздействием общесистемных факторов, к которым относятся:

- более полное использование преимуществ международного разделения труда в условиях глобализации и формирование нового технологического уклада;
- нарастание неравенства между странами в уровнях экономического и социального развития;
- ухудшение среды жизнедеятельности человека в результате изменения климата, экзогенных и эндогенных катастроф, пандемии и др.;
- угроза распространения международного терроризма, оказывающего всевозрастающее влияние на масштабы и характер миграционных процессов.

Общесистемные факторы влияют на все миграционные подсистемы, будь то Европейская, Североамериканская, Евразийская, Ближневосточная или любая другая, хотя степень этого воздействия может быть неодинаковой и различаться в разные периоды.

Помимо общесистемных факторов каждая межрегиональная миграционная подсистема испытывает влияние внутренних факторов. Среди них следует выделить особенности половозрастной, семейной, национальной структуры населения, состояние рынка труда, спроса и предложения рабочей силы, уровень безработицы, религиозные и конфессиональные различия, особенности традиций и жизненного уклада и т.д. Для евразийской миграционной подсистемы важное значение имеет исторический опыт совместного проживания народов бывших союзных республик в едином государстве – Союзе ССР, наличие языка межнационального общения, культурных и родственных связей. Для миграционной подсистемы стран Ближнего Востока немалую роль играет религиозный фактор – межконфессиональные противоречия между отдельными направлениями ислама.

Влияние общесистемных факторов на международную миграцию

Продолжает углубляться социально-экономическое неравенство между странами и регионами. В XXI столетии развивающиеся страны добились более высоких темпов роста в сравнении со среднемировыми показателями. Однако этот положительный результат был достигнут развивающимися странами, прежде всего, за счет экономического ускорения Китая и Индии. Если же исключить эти страны из ряда, то окажется, что разрыв в уровнях социально-экономического развития между раз-

вивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки и остальным миром не только не сократился, а даже увеличился. В. Варнавский подсчитал, что «если процесс так называемого догоняющего развития и дальше будет идти с такой же скоростью, то на ликвидацию бедности в мире потребуется ... не менее 500 лет» [Варнавский, 2019].

В докладе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объединяющей более 30 стран, отмечено, что уровень экономического неравенства в странах ОЭСР достиг максимума за последние 30 лет. Средний доход 10% богатейших жителей этих стран в 9,6 раза выше доходов 10% беднейшего населения. В 1980-х гг. соотношение по доходам составляло 7:1, в 2000-х гг. – 9:1. По данным американской компании Boston Consulting Group, 1% домашних хозяйств на Земле обладает 35% всех богатств мира¹.

Мощным ускорителем миграционных процессов выступает экологический фактор – изменение окружающей природной среды под воздействием деятельности человека.

В результате глобального потепления увеличивается среднегодовая температура в большинстве стран, возникает угроза засух и масштабных пожаров со всеми негативными последствиями. Возрастает число наводнений и ураганов в разных регионах мира – страдают страны Карибского бассейна, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Повышается уровень мирового океана, что таит угрозу затопления многих островов и прибрежных территорий. В докладе межправительственной группы экспертов по изменению климата предполагается, что к середине 2090 г. уровень Мирового океана повысится в диапазоне от 0,22 до 0,44 м выше уровня 1990 г. Под угрозой затопления окажутся Нидерланды, Северная Германия, Санкт-Петербург, полуостров Ямал, некоторые страны Персидского Залива. Природные катаклизмы вызовут массовые потоки беженцев и вынужденных переселенцев из районов стихийных бедствий. В течение XXI столетия вынужденная экологическая миграция достигнет огромных масштабов: по имеющимся оценкам, к 2100 г. численность климатических беженцев в мире может составить не менее 200 млн человек [Рязанцев, 2012].

Серьезное влияние на развитие мировой миграционной системы, масштабы и интенсивность вынужденных миграций и потоки беженцев оказывает международный терроризм. Наибольшее число беженцев, по данным управления Верховного Комиссара ООН по делам беженцев, находится в странах Африки – 4,4 млн, Европы – 4,3 млн, Азии и Тихоокеанского региона – более 3,8 млн².

Основными странами исхода беженцев и вынужденных переселенцев являлись: Сирия – 4,2 млн, Афганистан – 2,6 млн, Сомали – 1,1 млн, Южный Судан – 744,1 тыс., Судан – 640,9 тыс. В 2020 г. в связи с урегулированием ситуации в Сирии вернулись на родину около 1 млн сирийцев.

Новым фактором, оказавшим значительное влияние на миграционную ситуацию в мире, выступила пандемия коронавирусной инфекции, распространившаяся во многих странах в течение 2020 г. По данным университета Джона Хопкинса, на 4 ноября 2020 г. насчитывалось 47,4 млн заболевших COVID-19. Из 216 стран мира наи-

¹ ОЭСР: экономический рост тормозится социальным неравенством, достигшим максимума за 30 лет. [Электронный ресурс] // *News Ru*. 21 мая 2015 г. (обновлено 7 декабря 2017 г.). URL: <https://www.newsru.com/finance/21may2015/inequal.html> (дата обращения: 21.09.2020).

² Global Trends: Forced Displacement in 2015. Geneva: UNHCR. 2016 URL: <https://s3.amazonaws.com/unhcrsharedmedia/2016/2016-06-20-global-trends/2016-06-14-Global-Trends-2015.pdf>

большее число заболевших отмечается в США – 9,4 млн, Индии – 8,3 млн, Бразилии – 5,6 млн, России – 1,7 млн, Франции – 1,4 млн, Испании – 1,3 млн человек. Среди стран, где зафиксирована пандемия, есть и небольшие – Монако, Лихтенштейн, Тайвань, Фиджи, Фолклендские острова и др.

Распространение пандемии по всему миру выступает еще одним важным свидетельством единства мировой миграционной системы. Все меры по борьбе с пандемией, принимаемые правительствами стран, носят ограничительной или запретительный характер. Закрытие границ и введение карантина во многих странах привело к сокращению объемов иммиграции и увеличению потоков возвратной миграции. Например, в России число прибывших иммигрантов за январь–август 2020 г. уменьшилось по сравнению с соответствующим периодом 2019 г. на 50395 человек, или на 11,7%, а число выбывших за границу за этот же период возросло на 47 178 человек, или 17,0 %. В итоге миграционный прирост населения России за счет внешней миграции сократился за январь–август 2020 г. на 97 553 человека, или на 58,5%.

Пандемия коронавирусной инфекции усилила турбулентность (неопределенность) в системе управления мировыми миграционными процессами.

Прогноз численности международных мигрантов

Прогноз ООН 2017 г. исходит из учета некоторого снижения темпов роста численности международных мигрантов в 2010–2017 гг. и сохранения их доли в мировом населении на уровне нынешних 3,1%. Это даст увеличение численности международных мигрантов с 272 до 321 млн человек, т.е. на 49 млн, или на 18%. На наш взгляд, данный прогноз ООН является заниженным. Нами предлагается альтернативный вариант прогноза, учитывая разнонаправленный характер влияния факторов на международную миграцию, до 2050 г.

Исходя из цикличности развития экономики, мировой системный кризис последнего десятилетия сменится подъемом, что скажется на росте спроса на рабочую силу на международном рынке труда, и, соответственно, на увеличении трудовой миграции. Продолжится тенденция усиления диспропорций между странами с высоким и низким уровнями доходов, что также скажется на увеличении потоков миграции. Возрастут масштабы экологической миграции из-за природных катаклизмов и ухудшения экологической среды.

Введение странами ограничительных мер в период пандемии, как правило, сдерживает миграционную активность населения, кроме того, срабатывают инстинкты самосохранительного поведения. Международный терроризм, как правило, выталкивает массы людей с обжитых мест из-за угрозы жизни и здоровью населения, вынуждая искать защиту в других странах и увеличивая потоки беженцев. Вместе с тем, угроза терроризма может оказывать сдерживающее воздействие на миграцию, меняя планы населения на переселение. Однако, в целом, общий вектор действия общесистемных факторов, влияющих на подвижность населения, в перспективе будет направлен на увеличение масштабов и интенсивности миграционных потоков. При этом значительная часть миграций будет носить вынужденный характер. И доля таких перемещений может возрасть.

С учетом прогноза численности населения стран мира до 2050 г., осуществленного ООН, в альтернативном прогнозе численности международных мигрантов по миграционным подсистемам предусмотрен рост мобильности. В

2019 г. разница в интенсивности миграций по миграционным подсистемам достигала 5 и более раз (1,7% в странах Латинской Америки, 2,0–2,2% – в странах Африки и Азии, тогда как в странах Европы она составляла – 11,1%).

В результате к 2050 г. общая численность международных мигрантов увеличится с 271,7 млн до 482,0 млн человек – на 210,3 млн человек, или на 77,4%, а доля их в общей численности населения мира – с 3,1% до более 5% (см. табл. 2).

Таблица 2

**Прогноз численности международных мигрантов
по миграционным подсистемам, 2050 г.**

Table 2

**Forecast of the number of international migrants
in migration subsystems, 2050**

Континенты	Миграционные подсистемы	Международные мигранты, млн человек		2050 г., в % к 2019 г.	Удельный вес в %	
		2019	2050		2019	2050
Весь мир	Единая мировая миграционная система	271,7	482,0	177,4	100,0	100,0
Африка	Африканская миграционная подсистема	26,5	63,0	237,7	9,7	13,1
Азия	Ближневосточная миграционная подсистема, Азиатско-Тихоокеанская миграционная подсистема	78,9	182,0	230,7	29,0	37,8
Европа	Европейская миграционная подсистема	75,3	100,0	132,8	27,7	20,7
Россия	Евразийская миграционная подсистема	11,7	16,0	136,8	4,3	3,3
Латинская Америка и Карибы	Латиноамериканская миграционная подсистема	11,8	26,0	220,3	4,4	5,4
Северная Америка	Северо-Американская миграционная подсистема	58,6	80,0	136,5	21,6	16,6
Океания	Океаническая миграционная подсистема	8,9	15,0	168,5	3,3	3,1

Источник: Probabilistic Population Projections Rev. 1 based on the World Population Prospects 2019 Rev. 1 [Electronic resource] // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). URL: <http://population.un.org/wpp/>

Прогноз численности международных мигрантов в Евразийской миграционной подсистеме на 2050 г. включает не только прогноз по России, но и другим странам СНГ с соответствующей корректировкой прогноза по Европейской, Ближневосточной и Азиатско-Тихоокеанской миграционным подсистемам.

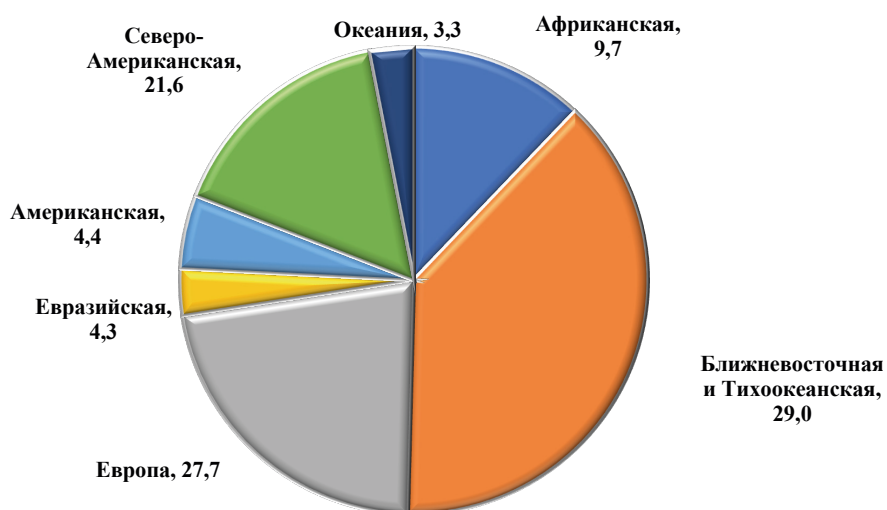

Рис.2. Структура международной миграции в 2019 г. по миграционным подсистемам, %

Fig.2. Structure of international migration in 2019 by migration subsystems, %

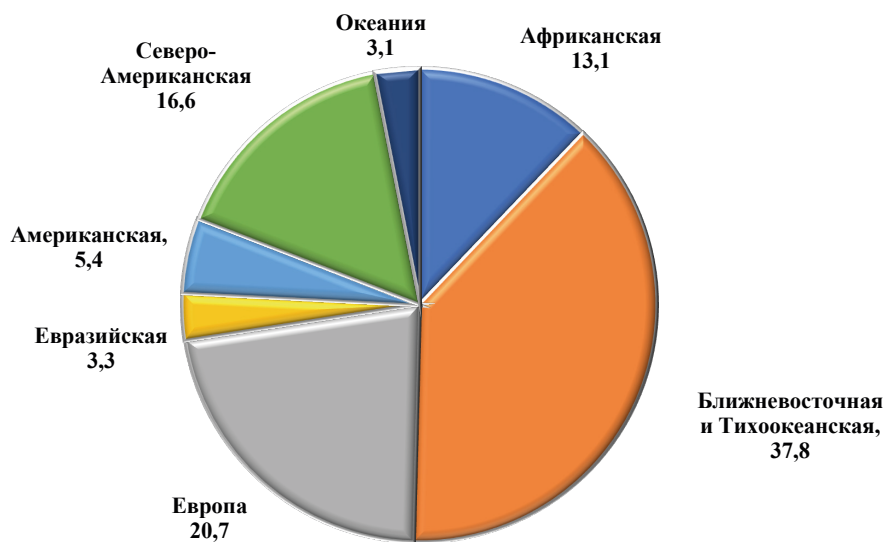

Рис.3. Прогноз структуры международной миграции в 2050 г. по миграционным подсистемам, %

Fig. 3. Forecast of the structure of international migration in 2050 by migration subsystems, %

Значительно возрастет участие в международном миграционном обмене стран Африки, Азии и Латинской Америки. По расчетам, при общем росте численности иммигрантов в мире к 2050 г. в 1,8 раза, в странах Африки их численность увеличится до 63 млн человек, или в 2,4 раза, в странах Азии – до 182 млн человек, или в 2,3 раза, в странах Латинской Америки – до 26 млн, или в 2,2 раза. Доля международных мигрантов, приходящихся на четыре миграционных подсистемы (Африканскую, Ближневосточную, Азиатско-Тихоокеанскую и Латиноамериканскую), увеличится с 43,1 до 56,3%, а Европейской и Североамериканской – уменьшится с 49,3 до 37,3% (см. рис. 2, рис. 3).

Более активное участие стран Азии, Африки и Латинской Америки в миграционном обмене в перспективе до 2050 г. обусловлено высоким демографическим потенциалом этих стран, значительными масштабами безработицы, расширением международных экономических и торговых связей. Молодежь в возрасте 15–25 лет составляет в этих странах 30–40% всего населения. Уровень безработицы по данным Всемирного Банка и МОТ, в 2019 г. в отдельных странах Африки достигает 20% и более: в ЮАР – 28,18%, Свазиленде – 22,08%, Намибии – 20,27%, Габоне – 20,0%, Ливии – 18,56%, Ботсване – 18,19%, Судане – 16,53%, Тунисе – 16,02%, при среднем уровне по миру в целом – 4,9%.

С другой стороны, в мире растет интерес к природным и трудовым ресурсам развивающихся стран, прежде всего со стороны США и Китая, что стимулирует приток иностранных инвестиций в энергетические и инфраструктурные проекты, необходимые для развития стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Более активное вхождение стран этих континентов в международный рынок труда будет способствовать расширению трудовой и учебной миграции, привлечению квалифицированных специалистов, преподавателей и профессоров высших учебных заведений.

Россия занимает особое место в мировой миграционной системе. Являясь центром миграционного обмена в Евразийской миграционной подсистеме, Россия после распада Союза ССР приняла большой поток реэмигрантов и иммигрантов из стран СНГ. Только за период первой волны депопуляции 1992–2008 гг. Россия получила за счет положительного миграционного прироста в обмене с бывшими союзными республиками 6,8 млн человек, что позволило компенсировать 54% естественной убыли населения. Миграционный потенциал бывших союзных республик за 30 лет, с 1991 г. многократно сократился. По имеющимся оценкам, величина миграционного потенциала может составлять от силы 2–4 млн человек [Рыбаковский, Кожевникова, 2019].

Перед Россией стоят проблемы активизации миграционных связей с другими миграционными подсистемами, территориальными объединениями, например, БРИКС, поиска новых механизмов для привлечения квалифицированных кадров и молодежи. Необходимо расширять каналы учебной миграции, используя положительный советский опыт. Так, например, на середину 1980-х гг. в период сотрудничества Союза ССР со странами Африки, более 150 тыс. рабочих и специалистов были подготовлены в ходе строительства и эксплуатации объектов сотрудничества, и свыше 80 тыс. африканцев получили дипломы советских высших учебных заведений [Киселев, 1981]. Россия должна выстраивать новую стратегию в отношениях со странами Африки [Абрамова, Фитуни, 2019], в том числе в вопросах миграционной политики.

Заключение

Рассмотрение международных миграционных процессов, как единой мировой миграционной системы дает возможность осуществлять более комплексное, глубокое изучение основных тенденций мировых миграций, выявить факторы, определяющие масштабы и интенсивность миграционных потоков, разрабатывать механизмы регулирования и методологию прогнозирования миграций с учетом различных гипотез изменения миграционного поведения населения.

Развитие мировой миграционной системы осуществляется под воздействием комплекса факторов, оказывающих разнонаправленное влияние на масштабы и интенсивность миграционных потоков. Баланс их влияния на международную миграцию складывается таким образом, что в перспективе будет усиливаться действие факторов, связанных с глобальным изменением климата, стихийными бедствиями, чрезвычайными ситуациями. Технический прогресс и создание искусственного интеллекта будут способствовать уменьшению негативных последствий вынужденных миграций.

В перспективе следует ожидать увеличения масштабов и интенсивности международной миграции. Сегодня в миграционном движении занято лишь 3% мирового населения, а 97% его немобильно. Движение к открытости миграционных подсистем, т.е. увеличение включенности в миграционный обмен с другими подсистемами, в международный рынок труда, должно идти через рост внутренней миграции населения между городом и сельской местностью, регионами внутри страны или странами, входящими в одну миграционную подсистему.

В условиях возрастания рисков, связанных с жизнедеятельностью мигрантов и населения, должна быть повышена роль международных институтов в разработке и реализации программ регулирования международной миграции. Распространение пандемии COVID-19 по всему миру еще раз показало всю важность решения проблем регулирования миграции общими усилиями.

Евразийская миграционная подсистема должна противостоять разрушительному воздействию внешних факторов, укрепляя единое экономическое, социальное, культурное пространство за счет активных шагов по развитию ЕАЭС, пресечения нелегальной миграции и создания благоприятных условий для более эффективного перераспределения и использования совокупного трудового и интеллектуального потенциала стран Содружества. Нужна новая модель экономической интеграции, опирающаяся на модернизацию экономик всех стран СНГ, в первую очередь – государств с большим демографическим потенциалом и ресурсами труда, и нацеленная на качественный рост человеческого капитала.

Список литературы

1. *Абрамова И., Фитуни Л.* Новая стратегия России на африканском направлении. *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. Т. 63. № 12. С. 90–100. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100
2. *Биссон Л.С.* Регулирование легальной миграции в Европейском союзе // Доклады Института Европы № 371. – М.: ИЕ РАН, 2020. – 150 с. DOI: 10.15211/report42020_371
3. *Варнавский В.В.* Глобализация и структурные сдвиги в мировом пространстве // *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. Т. 63. № 1. С. 25–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-25-33
4. *Д. С. Массей.* На пути к всеобъемлющей модели международной миграции // Миграция и развитие. Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир» / Гл.

ред. В.А. Ионцев. – Вып. 20. – М., 2007. – С. 146-172.

5. *Ивахнюк И.В.* Евразийская миграционная система: теория и политика. – М.: МАКС-Пресс, 2008. – 192 с.

6. *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.

7. *Кошелев П.Я.* Советско-африканское сотрудничество: итоги и перспективы // Доклад на советско-африканской научно-политической конференции «За мир и социальный прогресс». М.: Институт Африки, 1981. – 22 с.

8. *Монусова Г.А., Цапенко И.П.* Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 90–105.

DOI: 10.17976/jpps/2017.04.07

9. *Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И.* Международная миграция населения России: обмен населением со странами нового зарубежья // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 106–115. DOI: 10.31857/S013216250006665-4

10. *Рязанцев С.В.* Демографические последствия глобального потепления и изменения климата: что ожидает мир и Россию? // Миграционные мосты в Евразии. М.: Экон-Информ, 2012. – С. 462-472.

11. *Тюркин М.Л.* Историко-правовой анализ миграционных систем России, США, Франции и ФРГ. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – 118 с.

12. Управление миграцией и модели миграционной политики: возможности и риски / Отв. ред. А.А. Громько; ФГБУН Институт Европы РАН. – М.: ИЕ РАН 2020. – 188 с.

13. *Цапенко И.П.* Трансформации глобальной миграции населения // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 8. С. 65–76.

14. *Kritz M.* International Migration Policies: Conceptual Problems // *International Migration Review*. Vol. 21. No 4. 1987. P. 947–966. DOI: 10.2307/2546499

15. *Zlotnik H.* The Concept of International Migration as Reflected in Data Collection Systems. *International Migration Review*. Vol. 21. No 4. 1987. P. 925–946. DOI: 10.2307/2546498

Сведения об авторе:

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: topilinav@mail.ru; PИНЦ Author ID: 453113; ORCID ID: 0000-0002-4432-8943; Scopus Author ID: 6507485591.

Статья поступила в редакцию 28.08.2020; принята в печать 20.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ON A SYSTEMATIC APPROACH TO THE STUDY OF INTERNATIONAL MIGRATION PROCESSES

Anatoly V. Topilin

Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: topilinav@mail.ru

For citation: Anatoly V. Topilin. On a systematic approach to the study of international migration processes. DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 17–30. DOI: 10.19181/demis.2021.1.12

Abstract. The article is devoted to the review of current trends in international migration in conditions of turbulence. The article substantiates the need to study migration processes within the framework of a single global migration system consisting of separate migration subsystems formed on a geographical basis and having stable internal and external migration links. The concept of “unified world migration system EMMS is given. The nature of the impact of all system-wide factors on international migration is considered. Along with the impact of socio-economic factors, in particular, the reaction of migrants to crisis phenomena

in the economy, which is reflected in the scientific literature, attention is paid to the nature of the impact on the mobility of the population of factors related to the deterioration of the human environment, climate change, disasters, and the coronavirus pandemic. As a hypothesis, the article substantiates the assumption that the system-wide factors influence the scale and speed of migration exchange between individual migration subsystems in different directions, which served as the basis for providing for an increase in migration activity of the population in the future. Analytical and statistical methods, as well as the method of geographical zoning, were used to solve the research problems. The forecast of the number of international migrants by migration subsystems up to 2050 is made, and structural shifts in the distribution of international migrant flows by migration subsystems are revealed. In the international migration exchange in 2050, the number and share of migrants from the migration subsystems of Africa, Asia and Latin America will increase. The results obtained can be used for further in-depth research of migration patterns within the framework of a single global migration system, development of a methodology for predicting movements, taking into account various hypotheses of changes in migration behavior of the population.

Keywords: migration, population, world migration system, migration subsystem, migration factors, forecast.

References

References

1. Abramova I., Fituni L. Russia's New Strategy in the African Direction. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. Vol. 63. No. 12. Pp. 90–100. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100 (in Russ.)
2. Bisson L.S. Legal migration governance in the European Union. *Reports of the Institute of Europe*. No. 371. M.: The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 2020. 150 p. (in Russ.)
3. Varnavskii V. Globalization and Structural Changes in the World Economy. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. Vol. 63. No. 1. Pp. 25–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-1-25-33 (in Russ.)
4. Douglas S. Massey. Towards a comprehensive model of international migration. *Migration and development*. Scientific series «International migration of the population: Russia and the modern world» Ed. V. A. Iontsev. Issue 20. Moscow, 2007 (Russ ed. Duglas S. Massej. Na puti k vseob"emlyushchej modeli mezhdunarodnoj migracii. Migraciya i razvitie. Nauchnaya seriya «Mezhdunarodnaya migraciya naseleniya: Rossiya i sovremennyy mir» / Gl. red. V.A. Ioncev. Vyp. 20. M. 2007. 255 p. (in Russ.)
5. Ivahnjuk I.V. *Evrazijskaya migracionnaya sistema: teoriya i politika* [Eurasian migration system: theoretical and political approaches]. M.: MAKS-Press. 2008. 192 p. (in Russ.)
6. Ioncev V.A. *Mezhdunarodnaya migraciya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International migration of the population: theory and history of study]. – M. Dialog. MGU. 1999. 370 p. (in Russ.)
7. Kiselev P.Ya. *Sovetsko-afrikanskoe sotrudnichestvo: itogi i perspektivy* [Soviet-African cooperation: results and prospects]. Report at the Soviet-African scientific and political conference «For peace and social progress». Moscow. Institute of Africa. 1981. 22 p. (in Russ.)
8. Tsapenko I.P., Monusova G.A. Integration Capacity of Ethno-Cultural Diversity in European Societies. – *Polis. Political Studies*. 2017. No. 4. Pp. 90–105. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.07 (in Russ.)
9. Rybakovskiy L.L., Kozhevnikova N.I. International Migration of Population of Russia: Exchange of Population with the Post-USSR Countries. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. 2019. No 9. Pp. 106–116
10. Ryazantsev S.V. Demograficheskie posledstviya global'nogo potepeniya i izmeneniya klimata: chto ozhidaet mir i Rossiyu? [Demographic consequences of global warming and climate change: what does the world and Russia expect?] In the collection *Migration bridges in Eurasia*, Moscow: Ekon-inform. 2012. Pp. 462–472. (in Russ.)
11. Tyurkin M.L. *Istoriko-pravovoj analiz migracionnyh sistem Rossii, SSHA, Francii i FRG* [Historical analysis of the migration systems of Russia, USA, France and Germany]. M. VNII MVD Rossii. 2004. 118 p. (in Russ.)
12. *Upravlenie migraciej i modeli migracionnoj politiki: vozmozhnosti i riski* / Ed. by A.A. Gromyko [Migration management and migration policy models: opportunities and risks]. M. 2020. 188 p. (in Russ.)
13. Tsapenko I.P. Transformations of global migration of population. *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. No. 8. Pp. 65–76. (in Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-8-65-76
14. Kritz M. International Migration Policies: Conceptual Problems. *International Migration Review*. Vol. 21. No 4. 1987. Pp. 947–966. DOI: 10.2307/2546499
15. Zlotnik H. The Concept of International Migration as Reflected in Data Collection Systems. *International Migration Review*. Vol. 21. No 4. 1987. Pp. 925–946. DOI: 10.2307/2546498

Bio note:

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute For Demographic Research of The Federal Center of Theoretical And Applied Sociology of The Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: topilina@mail.ru; RSCI Author ID: 453113; ORCID ID: 0000-0002-4432-8943; Scopus Author ID: 6507485591.

Received on 28.08.2020; accepted for publication on 20.11.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

ГЕНЕЗИСНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Максимова А. С.

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: lubijizn@yandex.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.3

Ссылка для цитирования: Максимова А.С. Генезисная структура населения России. ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 31–37. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.3

Аннотация. В статье приведены результаты оценки структуры населения по продолжительности проживания на основе эмпирических данных лонгитюдного исследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Автором описана динамика генезисной структуры населения России за два десятилетия 1998–2018 гг. в разрезе 3-х пятилетних групп по продолжительности проживания среди тех, кто проживает до 16 лет, и четвертой группы – наиболее длительно проживающих в месте последнего жительства – 16 и более лет. При распространении результатов на генеральную совокупность было установлено, что 42–43% граждан от всего населения России переезжали хотя бы раз в жизни и населенный пункт их проживания не совпадает с населенным пунктом их рождения. С учетом местных уроженцев, переселившихся, но возвратившихся в населенный пункт своего рождения, доля населения России, имевшего когда-либо опыт переселения, составляет 56,5–58,1%. Автором предложено введение понятий «генезисный возраст» и «средний генезисный возраст» населения. Первое идентично понятию «продолжительность проживания», второе отражает среднюю продолжительность проживания, является расчетной величиной и представляет собой среднее количество человеко-лет, непрерывно прожитое жителями отдельной территории, включая местных и неместных уроженцев до момента проведения обследования, критического момента переписи или иной временной точки отсчета. Увеличение показателя среднего генезисного возраста свидетельствует о меньшей подвижности населения. Предложена методика и проведен расчет среднего генезисного возраста населения России в 2018 и 2008 гг. Полученные результаты, наряду с увеличением доли местных уроженцев за указанный период, подтверждают меньшую подвижность населения в последние годы по сравнению с прошлым десятилетием.

Ключевые слова: генезисная структура, продолжительность проживания, миграция, новоселы, старожилы.

Введение

Проблематика изучения генезисной структуры населения тесно связана с миграцией и миграционной подвижностью. Генезисная структура представляет собой кумулятивный результат миграционного движения, своеобразный срез накопленных поколениями миграций, поэтому расширенное описание генезисной структуры должно восходить к глубинному поколенческому анализу. Генезисная (генетическая) структура населения территории – это его структура по происхождению (рождению) и (или) по продолжительности проживания [Демография для..., 2005]. Миграционная привлекательность отдельных стран, имеющих высокие показатели результативности миграции, делает генезисную структуру существенно более разнообразной. Так, генезисная структура населения США будет значительно отличаться от генезисной структуры Италии, являющейся страной «новой иммиграции». В генезисной структуре населения выделяются две основные группы: коренное и пришлое население, подразделяющееся на местных и неместных уроженцев. В структуре неместных уроженцев (то есть населения, проживающего не с рождения) выделяют старожилы (проживающие более 10 лет в последнем месте вселения) и новоселов (проживающих менее 10 лет).

В представленном исследовании генезисной структуры населения современной России внимание сфокусировано на продолжительности проживания мигрантов в месте вселения, без изучения их миграционной биографии и векторов перемещения.

Методы и данные

Для анализа был использован массив микроданных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимого Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Результаты проведенной с 10.2018 по 01.2019 27-й волны обследования содержат данные об индивидах ($n=12161$), представляющих собой репрезентативную выборку по населению России в целом, но не репрезентирующую население в региональном разрезе, что ограничивает аналитические возможности проведения регионального анализа дифференциации населения по показателям, составляющим исследовательскую задачу. Представленный набор данных также не позволяет классифицировать переселившихся по виду совершенной миграции и позволяет рассматривать только межстрановую и внутристрановую миграции, не разделяя последнюю на межрегиональную и внутрирегиональную.

В 2018 г. у 42,9% респондентов населенный пункт их постоянного проживания не совпадал населенным пунктом рождения, при этом у 2,4% из них, отсутствуют данные о годе начала проживания в населенном пункте постоянного проживания в период проведения опроса. Рассмотрим изменение соотношения местных и неместных уроженцев за два десятилетних периода 1998–2018 гг. (см. рис 1). В 1998 г. доля неместных уроженцев составляла 49,9%, в 2008 г. уже 47,7% и к 2018 г. снизилась до 42,9%. Таким образом, происходит смещение генезисной структуры населения России в сторону местных уроженцев.

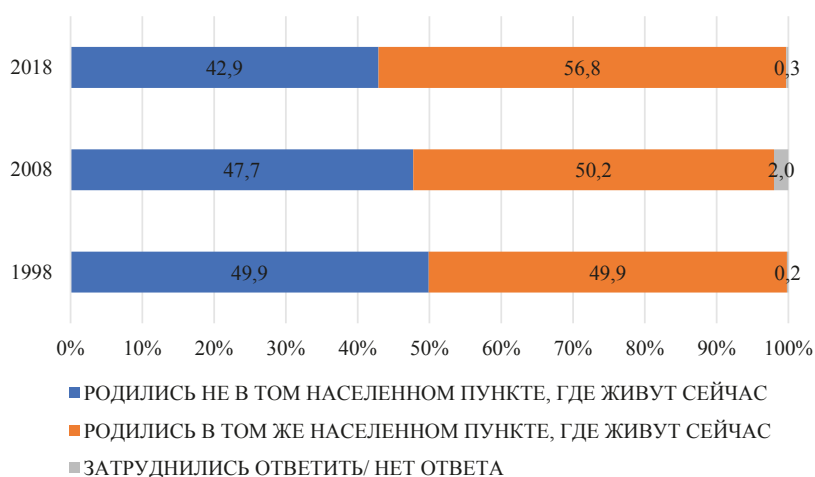

Рис.1. Структура населения России,

по соответствию населенного пункта рождения и населенного пункта постоянного проживания, 1998–2018 гг., в % [рассчитано по данным 3]

Fig. 1. Population structure,

according to the correspondence of the locality of birth and the locality of permanent residence, 1998–2018, in % [calculated from data 3]

Однако отметим, что изменения в структуре могут быть обусловлены как подлинным изменением самой структуры, так и изменением состава выборочной совокупности за счет выбытия из панели одних респондентов и включения других. При распространении на генеральную совокупность интервал оценок параметра хотя и сгладит различия структуры в динамике, однако они будут явными. Таким образом, если речь идет о подлинном изменении соотношения местных и неместных уроженцев, это может быть объяснено естественным движением населения, сокращающим численность когорты многочисленных переселенцев Советского периода наряду с гораздо низкими показателями миграционного движения в настоящее время, либо интенсификацией возвратной миграции в населенный пункт рождения в последние десятилетия.

Результаты и обсуждение

Среди неместных уроженцев было выделено 4 группы по продолжительности проживания: проживающие не более 5 лет (переселившиеся в период 2018–2014 гг.), проживающие от 6 до 10 лет (переселившиеся в период 2013–2009 гг.), проживающие от 11 до 15 лет (переселившиеся в период 2008–2004 гг.), проживающие 16 и более лет (переселившиеся в 2003 г. и ранее) (см. табл. 2). Подобное дробление не соответствует основным категориям переселенцев по продолжительности проживания, которые принято выделять в генезисной структуре населения, однако оно позволяет рассмотреть структуру переселенцев более детально и в рамках вторичного анализа данных укрупнить группы для приведения их к соответствию терминологии генезисного анализа. Распределение населения по продолжительности проживания в населенном пункте постоянного проживания дает возможность оценить генезисную структуру населения, распространив данные на генеральную совокупность – население России в целом. (Средняя ошибка выборки для доли при типической выборке составила $m_p=0,00222$, а предельная ошибка $\Delta=0,00435$ при $P=0,95$).

Таблица 1

Генезисная структура переселенцев по группам продолжительности проживания (по данным 27-й волны обследования RLMS-HSE), 2018 г.

Table 1

Genesis structure of migrants by length of residence groups (according to the 27th wave of the RLMS-HSE survey), 2018

Продолжительность проживания в населенном пункте прохождения опроса	Численность, чел.	Доля в общей численности переселенцев, %	Доля в выборке, %	Доля в генеральной совокупности, %
менее 6 лет	295	5,66	2,43	1,99-2,86
от 6 до 10 лет	230	4,41	1,89	1,46-2,33
от 11 до 15 лет	216	4,14	1,78	1,34-2,21
16 и более лет	4346	83,37	35,74	35,30-36,17
отсутствуют сведения о годе начала проживания	126	2,42	1,04	0,60-1,47
Всего проживающих не с рождения:	5213	100,00	42,87	41,99-43,75

Источник: Данные обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rlms/spss>

Распространение выборочных данных на генеральную совокупность позволяет сделать следующие выводы: чуть более 40% (от 42,0 до 43,8%) населения России переселились хотя бы раз в жизни и населенный пункт их постоянного проживания в настоящее время не совпадает с населенным пунктом их рождения. При этом от 5,9 до 6,8 % всего населения родились за пределами России. Для сравнения, по данным ООН, в странах G7 доля лиц иностранного происхождения составляет: 15,3% населения – в США (2017 г.), 21,5% – в Канаде (2017 г.), 10,0% – в Италии (2017 г.), 12,2% – во Франции (2017 г.), 14,8% – в Германии (2017 г.), 13,4% – в Соединенном Королевстве (2017 г.)¹.

В структуре населения, проживающего не с рождения, значительно преобладает когорта проживающих в последнем месте вселения 16 и более лет. Доля переселенцев в каждой из трех пятилетних когорт по продолжительности проживания (не более 5 лет, от 6 до 10 лет и от 11 до 15 лет) отличается между собой незначительно и составляет около 2%. При подобном равномерном распределении когорты проживающих в последнем месте вселения постоянно от 11 до 15 лет, как и ожидалось, немного уступает по численности двум другим пятилетним когортам, что связано с обстоятельствами, сокращающими ее численность: последующими переселениями лиц, когда-то входивших в когорту переселенцев данных лет, или их смертностью.

В структуре переселенцев из-за пределов России распределение по когортам периода переселения за последние 15 лет иное: доля проживающих в последнем месте вселения не более 5 лет (3,76%) ниже доли переселившихся 11–15 лет назад (5,44%). Однако доли настолько малы – на каждую из 5-летних когорт приходится около 0,3% всех переселившихся когда-либо из-за пределов России, что могут давать смещение выборочных средних по параметрам, характеризующим структуру каждой из когорт (см. табл. 2).

Таблица 2

Структура проживающих в России не с рождения по продолжительности проживания в стране, (по данным 27-й волны обследования RLMS-HSE), 2018 г.

Table 2

Structure of people living in Russia not from birth by length of residence in Russia, (according to the 27th wave of the RLMS-HSE survey), 2018

Продолжительность проживания и период переселения в РФ	Численность, чел.	Доля в общей численности проживающих в России не с рождения, %	Доля в выборке, %
не более 5 лет (2018–2014 гг.)	29	3,76	0,24
от 6 до 10 лет (2013–2009 гг.)	36	4,66	0,30
от 11 до 15 лет (2008–2004 гг.)	42	5,44	0,35
16 и более лет (2003 г. и ранее)	631	81,74	5,19
отсутствуют сведения о годе начала проживания	34	4,40	0,28
Всего проживающих не с рождения	772	100,00	6,35

Источник: Данные обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/r/lms/spss>

¹ United Nations Statistics Division [Electronic resource]. – <http://data.un.org/>

Заметим, что формулировка задаваемого респондентам вопроса «Вы родились в том же населенном пункте, где проживаете сейчас?» предполагает совпадение указанных населенных пунктов, то есть ответ «да», даже при наличии одного или нескольких актов миграции в биографии респондента, при условии, что переселившееся лицо в результате ряда переселений возвратилось вновь в населенный пункт своего рождения. Поэтому лица, не имевшие миграционного опыта, могут быть выявлены только в результате совпадения значений переменных, отражающих год рождения респондента и год начала проживания в населенном пункте прохождения опроса. Несмотря на то, что в вопросе о начале проживания в данном населенном пункте не указана непрерывность, как условие: «С какого года Вы живете в данном населенном пункте?», примем допущение, что в ответах респондентов речь идет именно о непрерывном проживании.

Из 6909 лиц, проживающих в том же населенном пункте, где они родились, только у 5152 совпадает год рождения и год начала проживания в данном населенном пункте, то есть именно они не имели в своей жизни миграционного опыта, в то время как 24,0% всех лиц, проживающих в настоящее время в месте своего рождения, переселялись и вновь возвратились к нему. Респонденты, в сведениях о которых отсутствуют записи года начала проживания по причине «затруднились ответить», были причислены нами к местным уроженцам, имевшим миграционный опыт, но возвратившимся к месту рождения, в то время как респонденты, в сведениях о которых отсутствуют записи года начала проживания по причинам «отказ от ответа» и «нет ответа», нельзя отнести ни к одной из групп.

Подобная возвратная миграция предполагает, что процесс переселения был совершен данными лицами как минимум дважды, в то время как среди лиц, населенный пункт постоянного проживания которых не совпадает с населенным пунктом их рождения, переселение могло быть совершено только один раз. С учетом местных уроженцев, переселявшихся, но возвратившихся в населенный пункт своего рождения, доля населения России, имевшего когда-либо опыт переселения, составляет 56,5–58,1%.

Согласно данным З.Т. Голенковой и П.Е. Сушко, «россияне за свою жизнь в большинстве случаев совершают не более трех переездов на длительный срок», и на долю тех, кто совершает в течение жизни только один переезд, приходится 23% всего населения [Голенкова, Сушко, 2016: 100]. Согласно данным этих же исследователей, ни разу не переселялись 62,7% россиян, однако принимались во внимание переселения с переменной места жительства на срок от 6 месяцев. В связи с этим сравнение с полученными результатами 27-й волны RLMS-HSE, согласно которым около 43% населения ни разу не переселялись, можно делать с некоторыми допущениями.

Для изучения генезисной структуры населения целесообразным полагается введение также понятий «генезисный возраст» и «средний генезисный возраст». Первое идентично понятию «продолжительность проживания», а второе отражает среднюю продолжительность проживания, является расчетной величиной и представляет собой среднее количество человеко-лет, непрерывно прожитое жителями отдельной территории, включая местных и неместных уроженцев, до момента проведения обследования, критического момента переписи или иной временной точки отсчета. Рассчитывается средний генезисный возраст как частное от суммы всех генезисных возрастов населения и общей численностью населения:

$$\overline{GA} = \frac{\sum GA}{P},$$

где GA – генезисный возраст каждого респондента;

\overline{GA} – средний генезисный возраст населения;

P – общая численность населения.

Здесь стоит оговориться, что для местных уроженцев количество человеко-лет, прожитых в месте рождения, равно их возрасту, поэтому для расчета необходимо иметь данные о возрасте местных уроженцев и продолжительности проживания в месте вселения неместных уроженцев.

Заключение

Генезисный возраст, как и средний генезисный возраст, является характеристикой миграционной подвижности населения и позволяет производить сравнение ее дифференциации на различных территориях: чем выше средний генезисный возраст населения, тем менее подвижное население. Однако на значение данного показателя оказывают влияние также процессы естественного движения населения: к примеру, высокая рождаемость сокращает генезисный возраст, как и высокая численность прибывающих на данную территорию мигрантов. С учетом вышесказанного показатель среднего генезисного возраста может рассматриваться как показатель «обновляемости» населения.

В 2018 г., согласно данным анализируемого опроса, значение среднего генезисного возраста населения России было равно 39,08 лет; для сравнения: в 2008 г. оно составляло 30,49 лет (в 1998 г. вопрос о времени начала проживания не задавался), что, наряду с увеличением доли местных уроженцев, подтверждает меньшую подвижность населения в последние годы по сравнению с прошлым десятилетием.

Список литературы

1. Демография для практических работников / Под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦПС, 2005. – 208 с.
2. *Голенкова З.Т., Сушко П.Е.* Социальная мобильность в контексте миграционных биографий россиян // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 95–104.

Сведения об авторе:

Максимова Анастасия Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры социологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: lubijzn@yandex.ru; РИНЦ Author ID: 729354; ORCID ID: 0000-0003-3847-1791; Web of Science Researcher ID: R-7401-2016; Scopus Author ID: 57211520007.

Статья поступила в редакцию 15.07.2020; принята в печать 28.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

GENESIS STRUCTURE OF THE RUSSIAN POPULATION

Anastasia S. Maksimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: lubijzn@yandex.ru

For citation: Anastasia S. Maksimova. Genesis structure of the population of Russia // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 30–37. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.3

Abstract. The article presents the results of assessing the population structure by length of residence based on empirical data from the longitudinal study “Russian Longitudinal Monitoring survey» RLMS-HSE. The author describes the dynamics of the Genesis structure of the Russian population over the two decades of 1998-2018 in the context of 3 five-year groups by length of residence among those who live up to 16 years, and the fourth group-the longest living in the last place of residence-16 years or more. When extending the results to the General population, it was found that 42-43% of the total population of Russia moved at least once in their life and the locality of their residence does not coincide with the locality of their birth. Taking into account local natives who resettled, but returned to the locality of their birth, the share of the Russian population that has ever had the experience of resettlement is 56.5-58.1%. The author proposed the introduction of the concepts of “Genesis age” and “average Genesis age” of the population. The first is identical to the concept of “duration of stay”, the second reflects the average length of stay is a calculated value and represents the average number of man-years continuously lived by people of a particular territory, including natives and non-natives, until the time of the survey, census, or other temporary point of reference. An increase in the average Genesis age indicates a lower mobility of the population. The method is proposed and the average Genesis age of the Russian population in 2018 and 2008 is calculated. The results obtained, along with an increase in the share of local natives over the specified period, confirm the lower mobility of the population in recent years compared to the last decade.

Keywords: Genesis structure, duration of residence, migration, new settlers, old residents.

References

1. *Demografiya dlya prakticheskikh rabotnikov*. Pod red. L.L. Rybakovskogo [Demographics for practitioners. Ed. by L.L. Rybakovskogo]. M.: CPS, 2005. 208 p. (in Russ.)
2. Golenkova Z.T., Sushko P.E. Social mobility in the context of migration biographies of Russians. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2016. No 12. Pp. 95–104. (in Russ.)

Bio note:

Anastasiya S. Maksimova, Candidate of Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: lubijzn@yandex.ru; RSCI Author ID: 729354; ORCID ID: 0000-0003-3847-1791; Web of Science Researcher ID: R-7401-2016; Scopus Author ID: 57211520007.

Received on 15.07.2020; accepted for publication on 09.09.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

НАСЕЛЕНИЕ И КРИЗИСЫ

COVID-19 AND INTERNATIONAL LABOR MIGRATION IN AGRICULTURE

Ph. Martin

University of California – Davis, USA.

E-mail: plmartin@ucdavis.edu

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.4

For citation: Martin P. COVID-19 and international labor migration in agriculture // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 38–44. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.4

Abstract. Two thirds of the 272 million international migrants in 2019 were employed in the destination country. Demographic and economic inequalities between countries, combined with globalization that reduced barriers to migrants, were expected to continue to increase the number of international migrant workers. Covid-19 closed many national borders to non-essential travelers, with limited exceptions. Seasonal farm workers were one of the notable exceptions, suggesting that many governments do not expect local workers to fill seasonal farm jobs despite record-high unemployment rates. For agriculture, the longer term effects of the pandemic include faster mechanization, more guest workers, and rising imports. Responses are likely to vary by commodity and be shaped by government policies. This article provides a review of the distribution and activities of the world's 164 million international migrant workers in 2017, including the 111 million in high-income countries. The analysis focuses on the North American migrant worker and the differences between their integration in the agricultural industries. American agricultural systems are integrating in the sense that Canadian blueberries, Mexican avocados and U.S. meat trade freely, but the farm workforces in each country are increasingly Mexican.

Keywords: Covid-19, international migration, migrant worker, agriculture, food system.

Introduction

Table 1 shows that the number of international migrants more than tripled between 1970 and 2019, from 84 million to 272 million, and that the migrant share of the world's population rose from 2.3 percent to 3.5 percent. Over 60 percent of the world's international migrants are in Asia (84 million migrants) and Europe (82 million), but migrants are a much larger share of Europe's 740 million people, 11 percent, than of Asia's 4.6 billion people, 1.8 percent. Migrant shares of regional populations were highest in Oceania, with eight million or 21 percent migrants among 38 million people, and North America (Canada and US), with 59 million migrants among 370 million people, making migrants 16 percent of residents.

Table 1

International Migrants, 1970-2019

Year	Number of migrants	Migrants as a % of the world's population
1970	84,460,125	2.3
1975	90,368,010	2.2
1980	101,983,149	2.3
1985	113,206,691	2.3
1990	153,011,473	2.9

End of table 1

Year	Number of migrants	Migrants as a % of the world's population
1995	161,316,895	2.8
2000	173,588,441	2.8
2005	191,615,574	2.9
2010	220,781,909	3.2
2015	248,861,296	3.4
2019	271,642,105	3.5

Migrants move to opportunity. Two-thirds or 176 million international migrants are in the high-income countries, and another third are in middle-income developing countries such as Costa Rica, Turkey, or South Africa. There were 13 million migrants or five percent of the total stock of migrants in low-income countries.

The ILO estimated there were 164 million migrant workers among 258 million international migrants in 2017, which means that 70 percent of international migrants 15 and older were employed or looking for work in the country to which they moved. The ILO estimated 150 million migrant workers in 2013, suggesting an average increase of 3.5 million international migrant workers a year between 2013 and 2017.

Men were 58 percent of international migrant workers in 2017. The share of men 15 and older who were in the labor force was 75 percent for both migrants and natives in destination countries, but the share of international migrant women in the labor force, 64 percent, was higher than for native women, 48 percent. One reason for the higher labor force participation of international migrant women is that many are employed in health, child, and elderly care in industrial countries, and as domestic workers in middle-income developing countries.

Table 2 shows that over 111 million migrant workers, 68 percent, were in the high-income countries with a sixth of the world's 3.5 billion workers. Migrants were almost 20 percent of workers in high-income countries, but less than five percent of workers in low-income countries.

By region, 24 percent of migrant workers in 2017 were in Europe, 23 percent were in North America, and 14 percent were in the Arab states. Almost 41 percent of all workers in the Arab states were migrants, followed by 21 percent of all workers in North America and 18 percent of all workers in Europe.

Table 2

International Migrant Workers in 2017

Migrant workers by income level of countries, 2017	Low-income	Lower middle-income	Upper middle-income	High-income	All
Total workers	292.6	1216.7	1,355.9	599.5	3,464.7
Total workers in %	8.4	35.1	39.1	17.3	100
Labour force participation rate for total population	75.0	57.4	65.0	60.3	62.0
Migrant population aged 15+	8.1	27.7	43.6	154.6	234.0
Migrant population aged 15+ in %	3.5	11.8	18.6	66.1	100

End of table 2

Migrant workers by income level of countries, 2017	Low-income	Lower middle-income	Upper middle-income	High-income	All
Migrants as a proportion of population aged 15+	2.1	1.3	2.1	15.5	4.2
Migrant workers	5.6	16.6	30.5	111.2	163.8
Migrant workers in %	3.4	10.1	18.6	67.9	100.0
Labour force participation rate for migrant population	68.5	59.9	69.9	71.9	70.0
Migrant workers as a proportion of all workers	1.9	1.4	2.2	18.5	4.7

Note: Numbers are given in millions for the following categories: total workers, migrant population aged 15+ and migrant workers; workers and migrant workers include both the employed and unemployed, the labour force participation rate is the ratio of workers (employed plus unemployed) to working age population (population aged 15+).

Source: ILO, 2018¹.

Covid-19 and Migrant Exceptions

Many governments ordered non-essential businesses to close in March 2020, and closed their borders to non-essential travelers as Covid-19 spread around the world. Agriculture was considered an essential industry, which means that farm and food system workers were expected to report to work despite general stay-at-home orders. Similarly, most governments made exceptions for truckers and others moving food and other items from farmers to supermarkets and over national borders [Moroz, Shrestha, Testaverde 2020].

Food system workers include higher-than-average shares of migrant workers in occupations that range from farm worker to food preparation worker. Many migrant restaurant workers lost their jobs as non-essential businesses closed, but most farm workers kept their jobs as crop production ramped up in spring 2020 in the Northern Hemisphere.

Most governments have special programs that allow farmers to employ foreign workers to fill seasonal jobs². Despite record-high unemployment rates, governments opened otherwise closed borders to seasonal farm workers, prompting farmers in some countries to charter planes to transport workers over closed borders that the migrant workers they wanted to hire would have to cross, as with German farmers who arranged charter flights for Romanian workers³.

Many governments tried to persuade local jobless workers to accept seasonal farm jobs. The results were mixed. British labor recruiter Concordia reported that only 10 percent of the 1,000 British workers who responded to the “Pick for Britain” campaign in April 2020

¹ ILO. 2018. Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology [Electronic resource]. – Access mode: www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_652106/lang-en/index.htm

² Martin Ph. 2016. Migrant Workers in Commercial Agriculture. ILO [Electronic resource]. – Access mode: [Electronic resource]. – Access mode: http://www.ilo.org/global/topics/labour-migration/publications/WCMS_538710/lang-en/index.htm

³ Alderman L., Eddy M., Tsang A. 2020. Migrant Farmworkers Whose Harvests Feed Europe Are Blocked at Borders. New York Times. March 27. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.nytimes.com/2020/03/27/business/coronavirus-farm-labor-europe.html?searchResultPosition=1>

went to work on farms; the others cited the short duration of the job, difficulties getting from their homes to farms with jobs, and the need to care for children. Many British farmers said they preferred experienced Bulgarians and Romanians to jobless local workers⁴.

Germany similarly created a web site (<https://www.daslandhilft.de/>) to link jobless nonfarm workers with seasonal farm jobs, and provided economic incentives for jobless local workers to accept seasonal farm jobs. Furloughed workers who accepted farm jobs could continue to receive the 80 percent of their regular pay while working up to 115 days in a seasonal farm job without paying social security taxes on their farm earnings. However, most local workers did not start or stay in seasonal farm jobs⁵.

A million people are employed in Italian agriculture. In 2020, some 150,000 Eastern European migrants could not travel to Italy to fill farm jobs, prompting efforts to attract jobless Italians into farm work. Some farmers reported that five or more Italians applied for each seasonal job available, but that many did not report to work or soon quit. A \$1.1 billion farm support government proposal in May 2020 included legalization for unauthorized farm workers, which critics said would not add to the seasonal farm workforce since the unauthorized workers who would benefit were already in Italy⁶.

Figure 1 shows that the US food system accounts for 11 percent of US jobs, many of which are seasonal or part time and most of which are in sectors that process, sell, and serve consumers, including 60 percent in food service and eating and drinking places [Martin, 2020]. Hired workers account for 1.5 million or almost 60 percent of average employment in farming. However, since many farm jobs are seasonal, some 2.5 million unique workers are employed sometime during the year for wages on US farms.

Most of the hired farm workers in the US were born in Mexico, and about half are not authorized to work in the US, which limits their access to government Covid-19 relief programs. There were fears that Covid-19 could spread rapidly among hired farm workers, many of whom live in crowded housing, but during the first three months of the pandemic there were few reports of farm workers contracting Covid-19 [Beatty et al., 2020]. By contrast, there were well-publicized outbreaks of Covid-19 among meatpacking plant workers, often refugees and other legal immigrants who work in close proximity on “disassembly” lines⁷. Meat and poultry processing employed an average 520,000 workers in 2018 for average weekly wages of \$800, and larger meatpackers often had to raise wages and offer bonuses to persuade meatpacking workers to continue reporting to work.

Relatively few jobless US workers sought seasonal farm jobs for several reasons. First, most jobless workers are in cities and lack links to the labor contractors and crew bosses who match most farm workers with jobs; nonfarm workers would also have to find temporary housing in agricultural areas. Second, unemployment benefits may exceed agricultural

⁴ O’Carroll L. Horowitz J., Groves S., Tareen S. 2020. British workers reject fruit-picking jobs as Romanians flown in. *Guardian*, April 17. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.theguardian.com/environment/2020/apr/17/british-workers-reject-fruit-picking-jobs-as-romanians-flown-in-coronavirus>

⁵ Melissa E. 2020. Farm Workers Airlifted Into Germany Provide Solutions and Pose New Risks. May 18. *New York Times* [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.nytimes.com/2020/05/18/world/europe/coronavirus-german-farms-migrant-workers-airlift.html>

⁶ Horowitz J. 2020. For Some Italians, the Future of Work Looks Like the Past. *New York Times* [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.nytimes.com/2020/05/24/world/europe/italy-farms-coronavirus.html?searchResultPosition=1>

⁷ Groves S., Tareen S. 2020. Worker shortage concerns loom in immigrant-heavy meatpacking. *Washington Post*. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.washingtonpost.com/business/worker-shortage-concerns-loom-in-immigrant-heavy-meatpacking/2020/05/25/0ebb5bde-9f02-11ea-be06-af5514ee0385_story.html

earnings. A laid-off California worker who was earning \$3,000 a month would receive \$350 a week in unemployment benefits, plus \$600 a week in federal pandemic unemployment benefits through July 31, 2020, making benefits of \$950 a week more than the \$500 a week average earnings of employees of labor contractors⁸.

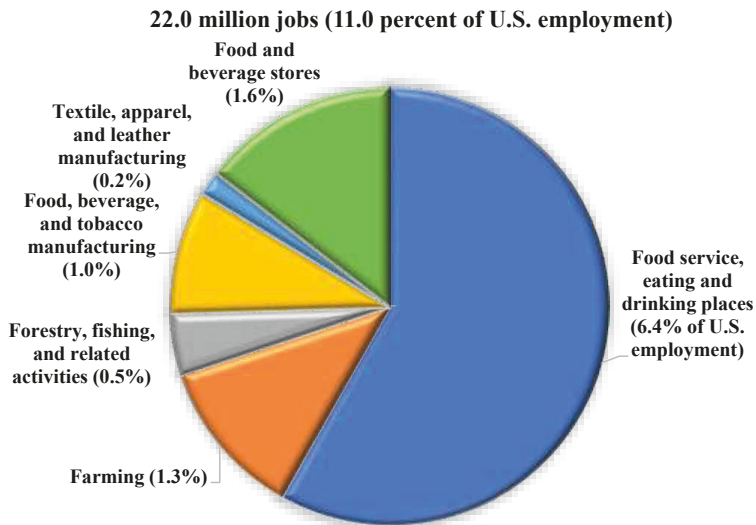

Fig. 1. Employment in the US Food System, 2018

Instead of hiring jobless workers in the US, more farm employers requested certification to employ H-2A foreign workers in 2020 [Rural Migration News 2020]. The H-2A program allows farm employers to recruit and employ foreign workers to fill farm jobs that last up to 10 months. The US Department of Labor (DOL) certified 257,666 jobs to be filled with H-2A workers in FY19, and the US Department of State (DOS) issued almost 205,000 H-2A visas, over 90 percent Mexicans (some H-2A visa holders fill two farm jobs while in the US).

The number of US farm jobs that were certified to be filled with H-2A workers remained below 100,000 until 2014, doubled to over 200,000 in 2017, and has continued to increase despite Covid-19. As part of the immigration exceptions for agriculture, the US DOS granted visas to H-2A workers without the in-person interviews that are normally required. Two-thirds of H-2A visas are issued in Monterrey, Mexico, where US consular officers issue up to 2,000 H-2A visas a day.

Conclusions

The Covid-19 pandemic is widely expected to transform labor markets, substituting machines for workers in many services to reduce the risk of transmitting the virus. Even after stay-at-home orders are lifted, there are predictions of less employment in the food and beverage industry as take-out meals and consumption at home replace restaurant meals and drinking in bars.

Agriculture has always been a slightly different industry, and was treated differently during the Covid-19 pandemic. Farming was considered an essential business, with farm

⁸ Rural Migration News. 2020a. Labor, Virus, H-1B. Vol 26. No 2. [Electronic resource]. – Access mode: <https://migration.ucdavis.edu/rmn/more.php?id=2413>

workers expected to report to work. Governments unable to persuade jobless local workers to fill seasonal farm jobs instead made exceptions to closed borders for foreign farm workers.

The Covid-19 pandemic is adding to rising farm labor costs, which will accelerate the three major labor trends in industrial country agricultural systems: labor-saving mechanization, more guest workers, and more imports of labor-intensive commodities. Mechanizing hand tasks on farms requires a systems perspective, cooperation between biologists and engineers, and trial-and-error innovation. This means examining the entire process from farm to fork, developing uniformly ripening commodities that can be harvested in one pass through the field, and perhaps offering machine and hand harvested commodities at supermarkets in a manner similar to conventional and organic.

The failure of local jobless workers to fill seasonal farm jobs during the pandemic has seemingly persuaded many governments that international migrant workers are the core of the seasonal farm workforce. Most governments require farm employers to try and fail to recruit local workers before they are allowed to employ foreign guest workers, but these recruitment efforts rarely find local workers and have become a go-through-the-efforts exercise. Governments require farmers to pay housing and transportation costs for guest workers, which raises farm labor costs but provides employers with reliable workers who will not abandon their jobs.

Finally, the pandemic could increase trade in labor-intensive commodities. The virus is not spread via food and, with the same production technologies but lower labor costs in developing countries, more fresh fruits and vegetables could be produced in one country and consumed in another. The US already imports half of its fresh fruit, and a third of its fresh vegetables, most from Mexico, and the share of imports in US fruit and vegetable consumption is rising⁹.

Covid-19 introduces new uncertainties for everyone. For agriculture, the longer term effects of the pandemic include faster mechanization, more guest workers, and rising imports. Responses are likely to vary by commodity and be shaped by government policies. For example, if governments subsidize mechanization and open their borders to fresh produce, there are likely to be fewer guest workers. Alternatively, easing farmer access to guest workers and closing borders to imported produce means more international migrant workers.

References

1. Beatty T., Hill A., Martin P.L., Rutledge Z., “Covid-19 and Farm Workers: Challenges Facing California Agriculture.” ARE Update 23(5) (2020): 2–4. University of California Giannini Foundation of Agricultural Economics
2. Moroz, Shrestha M., Testaverde M. 2020. Potential Responses to the COVID-19 Outbreak in Support of Migrant Workers. World Bank. DOI: 10.1596/33625
3. Martin P. 2020. Immigration and Farm Labor. Challenges and Opportunities. Chapter 4 in M. Philip, R. Goodhue, B. Wright. Eds. 2020. *California Agriculture: Dimensions and Issues Giannini Foundation*. [Electronic resource]. – Access mode: <https://giannini.ucop.edu/publications/cal-ag-book/>

Bio note:

Philip Lester Martin, PhD (Economics), Prof., Department of Agriculture and Resource Economics, University of California, Davis, USA.

Contact information: e-mail: martin@primal.ucdavis.edu; ORCID ID: 0000-0002-1547-2137.

⁹ Agustin E., Martin P., Starbridis O. 2019. Farm Labor and Mexico’s Export Produce Industry. Wilson Center [Electronic resource]. – Access mode: www.wilsoncenter.org/publication/farmlabor-and-mexicos-export-produce-industry

Received on 17.07.2020; accepted for publication on 15.09.2020.
The author has read and approved the final manuscript.

COVID-19 И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Мартин Ф.

Калифорнийский университет в Дейвисе, США.

E-mail: plmartin@ucdavis.edu

Аннотация. В 2019 г. две трети из 272 млн международных мигрантов были трудоустроены в принимающих странах. Ожидается, что в будущем возрастающее демографическое и экономическое неравенство между странами в сочетании с глобализацией, устранившей многие барьеры для миграции, будут продолжать способствовать росту численности международных трудовых мигрантов. Пандемия Covid-19 привела к закрытию многих национальных границ для тех, чьи перемещения не являются необходимыми, за некоторыми исключениями. Сезонные сельскохозяйственные рабочие были одним из таких исключений. Это свидетельствует о том, что большинство правительств не ожидают, что местные работники будут заполнять сезонные рабочие места в сельском хозяйстве, несмотря на рекордно высокий уровень безработицы. Долгосрочные последствия пандемии для сельского хозяйства включают более быструю механизацию, увеличение количества иностранных рабочих и рост импорта. Ответы на новые вызовы, вероятно, будут зависеть от производимых товаров и будут определяться государственной политикой. В этой статье представлен обзор распределения и деятельности 164 млн международных трудящихся-мигрантов в мире в 2017 г., в том числе 111 млн в странах с высоким уровнем доходов. Особое внимание уделяется трудовым мигрантам в Северной Америке и различиям в их интеграции в сельскохозяйственные отрасли. Американские сельскохозяйственные системы взаимосвязаны в том смысле, что канадская черника, мексиканские авокадо и мясо из США торгуются свободно, но в составе рабочей силы на фермах в каждой из этих американских стран все больше становится доля мексиканцев.

Ключевые слова: Covid-19, международная миграция, трудовой мигрант, сельское хозяйство, продовольственная система.

Сведения об авторе:

Мартин Филип Лестер, доктор экономических наук, профессор Департамента сельского хозяйства и экономики ресурсов Калифорнийского университета в Дейвисе, Дейвис, США.

Контактная информация: e-mail: martin@primal.ucdavis.edu; ORCID ID: 0000-0002-1547-2137.

Статья поступила в редакцию 17.07.2020; принята в печать 15.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

AFRICAN IMMIGRANTS IN RUSSIA

J. Virkkunen,

University of Eastern Finland, Joensuu, Finland.

E-mail: joni.virkkunen@uef.fi,

M. Piipponen,

University of Eastern Finland, Joensuu, Finland.

E-mail: minna.piipponen@uef.fi

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.5

For citation: Virkkunen J., Piipponen M. African immigrants in Russia // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 45–52. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.5

Abstract. *While the Russian migration literature captures well social and economic realities of Central Asian labour migrants, it takes only an infrequent notice of other less visible groups of immigrants. One of such groups, African immigrants, is estimated to consist of about 40,000 individuals, mainly from North and Sub-Saharan Africa. This paper looks at the African immigrants in Russia. After identifying the African immigrants, the article focuses on refugees and economic migrants in more detail. Who are the African immigrants in Russia? How do they see Russia and Finland as the countries of immigration? The study is based on scholarly literature of African immigration to Russia and asylum interview documents of the African asylum seekers in Finland. The most prominent group of Africans in Russia are immigrants distributing advertisements at metro stations in large cities such as Moscow. However, these immigrants struggling with their poor status are only part of the Africans in Russia. The highly educated African diaspora and businessmen trained in the Soviet Union, as well as the staff of the delegations, live well-off lives in Russia and there is little interaction between the above-mentioned “new” immigrant groups. In this article, we focus especially on the “new” immigrants who arrived in Russia after the break-up of the Soviet Union and their stories of everyday insecurity. International crime and human trafficking enable asylum seekers to move around in Europe today. At the same time, it puts several groups of people, such as women, children and the low-skilled, particularly vulnerable to various forms of exploitation during the journey.*

Keywords: *African immigrants, irregular migration, Europe, Finland, Russia.*

The study is conducted with support of the Academy of Finland, projects No. 303480, 322407, 325449.

Introduction

Russia is one of the biggest countries of immigration in the world. While majority of Russian migration literature captures well different aspects of Central Asian labour migrants in Russia, the scholarly interest toward other groups of immigrants has been infrequent. One of such groups, African immigrants, is estimated to consist of about 40,000 individuals, mainly from North and Sub-Saharan Africa [Bondarenko, 2018]. Due to its heterogeneous geographical and social background, the group is very diverse. On one hand, it consists of a small but relatively highly educated and linguistically very competent group of well-off businessmen and diplomats, many of whom arrived in the country already during the Soviet times. On the other hand, Russia is also an important (or ‘alternative’) destination of African refugees and economic migrants who come to Russia with a sincere hope to either to perform in the country or re-migrate to the West.

This paper looks at the African immigrants in Russia in more detail. After a short introduction of the African immigrant community in the country, we will focus on refugees and economic migrants. This group of immigrants is very different from the more educated and well-off African immigrants. Most of them are newcomers, have only few years of basic education, poor knowledge of Russian language and culture, and face numerous social and economic difficulties as immigrants. In this article we will discuss the following questions: Who are the African immigrants in Russia? How do they see Russia and Finland as the

countries of immigration?

The study is based on scholarly literature of African immigration to Russia and 117 asylum interview documents of African asylum seekers in Finland. African and Afghan asylum seekers made over a half of all the 1164 asylum seekers who came to Finland through the so-called 'Arctic route' from Russia during the 2015-2016 'refugee crisis'. Most of the 202 African citizens of the route were from North or Sub-Saharan Africa. The biggest groups of them were the 117 asylum seekers who came to Russia as labour migrants, students or refugees, and resided in the country before coming to Finland. The most of them were young adult men between 29-30 years from Cameroon, Nigeria, Democratic Republic of Congo and Sudan. They came to Finland usually without any family members after living in Russia usually from 2 to 3 years, but sometimes even over 10 years.

Africans in Russia

The roots of the African immigration in Russia is longer than we may think. Russia does not have a similar colonial history than many of the countries in the West [Bondarenko et al., 2014: 208]. The first Africans, or individuals of African origin, came to Russia already during the Russian empire in 17th and 18th century. With the increasing foreign trade, some individuals of African origin came with European or American traders as sailors. Dark skinned adopted children and exotic servants with turbans (that functioned almost as decoration), were status symbols of the aristocracy. [Blakely, 2007: 37-45]. One of the most known Africans in the country's history was the Ethiopian grandfather of the writer Alexander Pushkin, Ibrahim Gannibal who was adopted to Saint Petersburg Palace through Constantinople in 1704. However, the most important periods of the contemporary African migration and diaspora are the early Soviet industrialisation, the era of Soviet ideological propaganda between 1950's and 1980's, and the post-Soviet migration.

The first considerably large group of Africans came to Soviet Union during the VI International Youth Festival that was held in Moscow in 1957. The festival was organized as part of a wider cultural diplomacy and the aim to promote the connections of Soviet citizens abroad. The country was just opening from the Stalinist introversion [Koivunen, 2014: 67; Matusevich, 2012]. The African delegations enjoyed the broad attention and their hotels became international meeting places of the 'summer of love' where local youth had a possibility to get acquainted with the 'exotic' visitors from the south [Matusevich, 2012: 333; 2009: 21].

The Patrice Lumumba University is one of the most known international educational centres in Russia and around the world. It was established in 1960 in the post-colonial world political situation where education had a particular role in modernisation and development [Katsakioris, 2017; Zheltov, 2012: 4] estimates that up to 100,000 Africans had received their education in the Soviet Union by 1980, including 700 Candidates and Doctors of Science. These highly educated professionals with good knowledge of Russian language and culture form the well-off and 'respectable' African diaspora in Russia. Apart from active social encounters with fellow students, their language skills and social integration was ensured by paid personnel of the University, e.g. psychologists [Bondarenko et al., 2014: 213]. Good knowledge of Russian language and culture (often combined by marriage with a Russian citizen), strongly supports the social position of the African businessmen, journalists, university teachers, medical doctors, musicians and artists living in Russia.

The second group that forms the basic focus group in our research material, consists of the newly arrived refugees and economic migrants who have left their countries of origin

due to war, persecution, social or political pressure, or abuse. Most of them were from the countryside, had a very low level of education and, in Russia, suffered from unemployment, problems with housing, residence permits or registration, racism and corruption among authorities (particularly among the police). They are also very poorly aware of their rights and responsibilities and are, thus, easily cheated by authorities, employers, smugglers and traffickers who may present themselves as kind helpers. Most of these ‘new’ Africans fall into the position of irregular immigrants (stay in the country without the required visa, residence or work permit, or resident registration) as the documents were either fake to start with, organized by the smugglers, or the renewal of the documents does not go as planned. According to some estimates, up to 90 per cent of these Africans consider Russia as the country of transit on their way to Europe [Bonadrenko, 2018; Bondaenko, 2014; Ivakhniyuk, 2004].

The following statement by one of the asylum seekers in our material exemplify well the overall frustration related to the ‘new’ Africans’ situation in Russia: *“We were like clowns on the beach. We lifted children and danced.”* [Congolese man, row 1049]. Even though the territorial images are not necessarily based on facts or experiences but contrasting media images and rumours in social networks, the following sections looks at how this group of Africans consider Russia and Finland as countries of immigration.

Everyday Insecurity in Russia

John Round and Irina Kuznetsova [Round, Kuznetsova, 2016] observe that immigrants find it difficult to follow all the complicated formal regulations in Russia, and their enforcement practices are weak. In our research material, narrated stories of the African asylum seekers in Finland, this was clear and materialized in strong descriptions of insecurities that seemed to accumulate in migrants’ everyday life. Much of the insecurities were related to formal and informal practices of the bureaucracy related to visas, residence and working permits and registration as well as the logic of grey economy that left lots of space for exploitation [see Reeves, 2013; Nikiforova, Brednikova, 2018]. The insecurities were deeply rooted in the status of the ‘new’ Africans as irregular immigrants that had direct implications for their everyday life, e.g. employment, housing, access to public services, and for the extremely hostile social settings that the migrants coped with. A Cameroonian woman, for example, ended up doing illegal cleaning jobs in Moscow and making African hair styles in a resort by the Black Sea after her studies in Nizhnyi Novgorod, and after her study visa in Russia expired.

“I went to Moscow to visit some friends. I was in the country illegally for 3 years. After my studies I was not able to renew my visa. [...] In Russia, I worked as a cleaner, illegally. In the summer time, I went with other Africans to the beach to prepare, for example, African coiffures.” [Cameroonian woman, row 378].

Without a legal status possibility to earn a living were scarce. The immigrants could find only occasional jobs e.g. handing out advertisement leaflets, driving a taxi, cleaning, washing dishes, and sales work in market places. The work opportunities were clearly entwined with extremely wide-spread incidents of racism, corruption and exploitation. Dmitry Bondarenko’s [Bondarenko, 2018] claim about low educational level, poor linguistic and cultural skills, and very limited financial resources were evident in our material as well. Even a more educated Congolese man, a journalist by education, ended up living in Russia for four years mainly without valid documents. His painful experiences with employers and authorities was shared by most of the applicants.

“Once in a while you do get work from somewhere but, if you don’t have documents, the employers don’t pay. That happened to me in December 2013. I got a small job at a construction site and they

promised to pay salary after two weeks. We never saw that salary. Then we called the police, and the police just evicted us and said that you will not get any salary." [Congoles man, row 1049]

Problems with authorities did not relate only to the strict asylum policy of Russia, that formally fulfils international conventions and guarantees refugees with a status, but especially to clear contradictions between regulations and law enforcement practices, and to the arbitrary (and sometimes illegal) conduct of authorities [Ivanova, 2004; Burtina et al., 2015; Litvinova, 2016; Kunichoff, 2018]. The above presented Congoles immigrant shared his frustration to the corrupted police. Most of the 'new' African immigrants in our material had similar experiences.

"Police arrested if you did not have documents, or gave a fine. If you did not have documents or money, they could take your phone away. In 2014, the policy was tight and already then I thought about possible migration. In the suburbs, we had to pay bribes to the police, and we collected those once a month. The money was paid to the police so that we would not get into trouble." [Congoles man, row 1049].

A Gambian refugee describes explicitly the attitude of the Russian asylum authorities and the police. The authorities not only refused him for help but, explicitly harassed him by laughing and mocking. These had a direct impact on his wellbeing in Russia and acted as one of the sources for remigration to Finland.

"I wanted to apply for asylum but I was not able to find where I could do that. I asked about that from the police but they were just laughing about the whole thing. [...] There were racists, people were just insulting and mocking me, and every time I was at work, they ridiculed. Life was too hard for me over there." [Gambian man, row 872].

The Gambian's experiences of racism and race-motivated discrimination and violence were directly related to their background and different outlook [see Boltovskaya 2010]. As the Russian landlords primarily look for 'Slavic' tenants, most of the Africans ended up living in joint overcrowded apartments with up to 20 fellow citizens in a two-room flat. As the police tends to bust the apartments every now and then, the tenants of African origin desire to have a low profile and collect money to avoid punishment and possible expulsion.

As many of the Africans came to Russia as students or labour migrants, the above-described insecurities and everyday struggles resulted in great disappointments. News reports of African and Asian refugees heading to the EU over the Mediterranean in 2015, combined with circulating rumours of 'the open border' in the North, turned into hopes of remigration. A Cameroonian man described it:

"When I came to Russia, I registered to a school where I began my classes. Two months later, the school was closed. When it was shut, that was my destiny. As I was not living in the dorm, I had to do something in order to be able to pay my bills, rent and other things. [...] With the help of another Cameroonian, I was able to get myself a car with which I tried to engage with taxi business. [...] When I was sorting things out, thanks God I found out that the border between Russia and Finland had been opened." [Cameroonian man, row 933].

Longing for Security in Finland

Most of the African immigrants came to Russia with high hopes for security and some form prosperity in our material. With the above-described struggles and insecurities, we can say that Russian reality did not live up to the expectations and they started to look for a way out. While the well-off African diaspora has not had reasons to emigrate, the 'new' African immigrants facing tremendous everyday difficulties look for different possibilities of exiting Russia [Bondarenko, 2018]. During the 'Arctic route', Finland certainly was not the first priority but, rather, 'Europe' or the European Union. Apart from everyday security and

future life perspectives, several 'pull factors' became evident when analysing the Africans' asylum interviews in more detail.

The examples of two Cameroonian men who delivered adds at Moscow metro stations since 2012 and 2013 illustrated well the accidental character of the destination choice among African immigrants. For them, Russia was not only a country of possible employment and income that failed to fulfil the expectations of future but also, as irregular migrants, was experienced as unwelcoming and stressful due to racism, corruption, inadequate access to public services such as health care and education. In this context, media news in social media and the internet as well as rumours of Finland as a refugee welcoming were appealing. They left to Finland only as 'Finland takes refugees' and, as most of the Africans argued, the 'border was open'.

"I thought that Russia is in Europe, I can get some work, save up some money and build up a future. [...] In Moscow, the applicant found a man who told him to go to the Schengen area as, the man told the applicant, Russia was not good for him. The man also promised to help with travel arrangements. [...] Left from Russia at that point as the borders were open." [Cameroonian man, row 785].

"In Russia we thought that we would have been welcomed. The situation was however very difficult, if not worse than at home. Neither social services nor work were available. [...] Tells that the children's' rights were not fulfilled in Russia as the applicant's child did not get to school as the wealth of the family was not enough for the required papers. [...] Decided to come to Finland after searching for information in the internet and hearing about different options from his foreign friends in Moscow. Wants to come to Finland as Finland takes asylum seekers." [Cameroonian man, row 750].

An immigrant from the Democratic Republic of Congo [row 838] who had worked at Moscow metro stations since 2011 (as irregular after his first visa expired) had another often-repeated motivation for remigrating from Russia to Finland. Not only was he afraid of ever getting married with such a small and irregular income in Russia but he also struggled with extreme loneliness. Many of the African immigrants migrated to Russia and further to Finland without families, alone. Yet, he ended up in Finland as it was closest to Russia and he could finally begin a new phase in his life in a country that had 'good rights' and 'the rule of law'. The latter ones were clear motivations for homosexual asylum seekers who made up one of the distinct groups among Africans who used the Arctic route to Finland. The example of a Cameroonian man [row 507] exemplifies this as well as the intersectional discrimination that even reinforces the feeling of insecurity among immigrants.

"I thought that in Russia I could have life without suffering. It went vice versa. [...] In Russia it was also hard. I cannot support myself even I worked night and day. I cannot even get married. [...] I went from Russia to Finland as I knew that Finland is a country with the rule of law and I can get a new life in Finland. [...] I apply for asylum in Finland as Finland is close to Russia and people have good rights in Finland." [Congoles man, row 838].

"In Russia I was able to express myself better than in Cameroon. But my skin colour made some people furious. [...] Even though Russia is part of Europe, they do not respect human rights; There are lots of people who do not accept or respect sexual orientation of others. [...] If a homosexual goes to the police office to report a crime, the reaction of the police is that why do you come here to complain, go home. [...] I was ready to go anywhere where I can freely express my sexual orientation." [Cameroonian man, row 507].

The other distinct group of African immigrants on the Arctic route was trafficked women. Many of the trafficked women were from poor conditions, unemployed, with very low educational background, orphan or, originally, came to Russia as labour migrants or students. Stories of trafficked women in our material followed the general media imageries

of women who faced serious gender based violence and sexual abuse during the process. So did the geographical origin of the trafficked women – most of them were Nigerians who had been tricked to Russia with hope of a ‘regular’ job in hairdresser’s, restaurant or dressmakers. Nevertheless, for them Finland represented a country of physical safety.

“The applicant was told that she could get a better life in Russia as a hairdresser but in Russia she was forced for prostitution. “The sister of a woman I met in Nigeria welcomed me in Russia and brought me to a house. At night she demanded me to go to the street for prostitution. [...] The applicant refused from prostitution and the woman who brought her to Russia threatened to kill her. [...] I thought that in Finland I would be safe. The woman cannot hurt me any more in Europe. In Russia, she has contacts and can bribe the police. Here in Finland I can tell the police about all these problems but she cannot hurt me anymore.” [Nigerian woman, row 770].

Conclusion

In this paper, we have looked at the African immigrants in Russia by focusing especially on the recently arrived refugees and economic migrants from Sub-Saharan Africa to Russia. They have come to Russia in order to escape poverty, war, persecution or political pressure, abuse or to study. For them, Russia represented secure and better prospects for future.

The position of these Africans is very different from the position of more educated and nowadays quite well-off African diaspora that was formed by former students who came to study in the Soviet Union and integrated well due to their good cultural and language skills, as well as through marriages. In order to get an image of how the ‘new’ African immigrants saw Russia and Finland as the countries of immigration, we studied asylum interview documents of those 117 African asylum seekers who resided in Russia as immigrants and arrived in Finland through the so called ‘Arctic route’ in 2015-2016. The ones who used Russia as the country of transit was not included in this analysis.

The asylum documents of the African immigrants from Russia materialized in their strong narrated stories insecurities that accumulated in these migrants’ everyday life in Russia. The insecurities were deeply rooted in the irregular status that most of the ‘new’ African immigrants ended up in. This had direct implications for their employment and housing possibilities, access to public services, and for the extremely hostile social settings that the migrants had to cope with. The stories repeated problems related to getting and renewing residence and work permits in Russia, finding any work other than cleaning or delivering leaflets at metro stations, problems with exploiting employers and landlords, and with law enforcement. Arbitrary (and sometimes illegal) conduct of authorities, especially of the police, was one of the major security affecting complaints among African immigrants in Russia. That was closely related to the experiences of racism and race-motivated discrimination. The most vulnerable groups among African immigrants were homosexuals and trafficked women who did not face only race-motivated discrimination but also physical violence and abuse in Russia.

Most of the recently-arrived African immigrants came to Russia with high hopes for security and some form prosperity. However, Russian reality did not live up to the expectations and they started to look for a way out. The stories materialized in great disappointments and experiences of exclusion that were reinforced by scarce cultural and language skills, the low income and irregular status that offered them almost non-existent resources for integration. In this context, Finland (and the European Union) became a new imagined source of security and asylum when Finland’s Northern border crossing points during the autumn 2015 suddenly ‘opened’.

References

1. “African Imprints on Russia: A Historical Overview,” in Maxim Matushevich, ed., *Africa in Russia, Russia in Africa: Three Centuries of Encounters* (Trenton, N.J.: Africa World Press, 2006), 37–59.
2. Boltovskaya S. *African Communities in Moscow and St. Petersburg – Issue of Inclusion and Exclusion*. In Gdaniec C. *Cultural Diversity in Russian Cities. The Urban Landscape in the Post-Soviet Era*. New York: Berghahn books, 2010. Pp. 94–114.
3. Bondarenko D. Interview. Institute of Africa. Russian Academy of Sciences. Moscow, 10.12.2018.
4. Bondarenko D., Demintseva E., Usacheva V., Zelenova D. African Entrepreneurs in Moscow: How They Did It Their Way. *Urban Anthropology and Studies of Cultural Systems and World Economic Development*. 2014. Vol. 43: 1–3. Pp. 205–254.
5. Burtina E., Korosteleva E., Simonov V. *Rossija kak strana ubezhishcha. Doklad ob ispolnenii Rossiiskoi Federatsii Konventsii o statuse bezhentsev 1951 goda*. Moskva, 2015. 324 p. Access mode: https://memohrc.org/sites/default/files/rossiya_kak_strana_ubezhishcha_source.pdf. (In Russ.)
6. Ivanova T. *Est' li budushchee v Rossii y afganskikh bezhentsev?* Otechestvennye zapiski. 2004. No 5. Access mode: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/est-li-budushchee-v-rossii-u-afganskikh-bezhencev>. (In Russ.)
7. Ivakhniouk I. Illegal Migration: Russia. *European Security*. 2004. Vol. 13:1–2, Pp. 35–53. DOI: 10.1080/09662830490484791.
8. Katsakioris C. *The Lumumba University in Moscow. Higher Education for a Soviet-Third World Alliance 1960-1990*. Online lecture. 2017. New York: NYU Jordan Center, 21.4.2017. Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=62xyYdpfcFM>.
9. Koivunen P. Suojasään myytinen festivaali venäläisten silmin. *Idäntutkimus*. 2014. Vol. 21:1. Pp. 67–81. Access mode: <https://journal.fi/idantutkimus/article/view/79402/40279>. (на финском?)
10. Kunichoff Y. More Than 1000 Fan ID Holders Are Seeking Asylum in Russia, Aid Group Says. *The Moscow Times*, 20.8.2018. Access mode: <https://themoscowtimes.com/2018/08/20/more-than-100-fan-idholders-seek-asylum-russia-human-rights-group-says-a62582>.
11. Litvinova D. Russia’s Refugees: They Picked the Wrong Country. *The Moscow Times*, 14.10.2016. Access mode: <https://themoscowtimes.com/articles/they-picked-the-wrong-country-55702>.
12. Matushevich M. Expanding the boundaries of the Black Atlantic: African Students as Soviet Moderns. *Ab Imperio*. 2012. Vol. 2/2012. Pp. 325–350. DOI: 10.1353/imp.2012.0060.
13. Matushevich M. Probing the Limits of Internationalism: African Students Confront Soviet Ritual. *Anthropology of East Europe Review*. 2009. Vol. 27:2. Pp. 19–39. Access mode: <https://scholarworks.iu.edu/journals/index.php/aeer/article/view/166/259>.
14. Nikiforova E., Brednikova O. On Labor Migration to Russia: Central Asian Migrants and Migrant Families in the Matrix of Russia’s Bordering Policies. *Political Geography*. 2018. No 66. Pp. 142–150. DOI: 10.1016/j.polgeo.2018.04.006.
15. Reeves M. Clean fake: Authenticating documents and persons in migrant Moscow. *American Ethnologist*. 2013. No 3. Pp. 508–524. DOI: 10.1111/amet.12036.
16. Round J., Kuznetsova I. Necropolitics and the Migrant as a Political Subject of Disgust: The Precarious Everyday of Russia’s Labour Migrants. *Critical Sociology*. 2016. No 7–8. Pp. 1017–1034. DOI: 10.1177/0896920516645934.
17. Zheltov A. Rossiya i Afrika – Istorija i sovremennost. *Vestnik Sankt-Peterburskogo universiteta*. 2012. Vol. 13:4, Pp. 3–13. (In Russ.)

Bio note:

Joni Virkkunen, PhD, Research Manager, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Joensuu, Finland.

Contact information: e-mail: joni.virkkunen@uef.fi, ORCID ID: 0000-0002-8845-1396.

Minna Piipponen, PhD, Researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Joensuu, Finland.

Contact information: e-mail: minna.piipponen@uef.fi, ORCID ID: 0000-0002-3190-0728.

Received on 17.06.2020; accepted for publication on 02.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

ИММИГРАНТЫ ИЗ АФРИКИ В РОССИИ

Вирккунен Й., Университет Восточной Финляндии, Йозенсу, Финляндия.
E-mail: joni.virkkunen@uef.fi,

Пиппонен М., Университет Восточной Финляндии, Йозенсу, Финляндия.
E-mail: minna.piiipponen@uef.fi

Аннотация. В то время как российская литература о миграции подробно описывает социальные и экономические реалии жизни трудовых мигрантов из Центральной Азии, в ней редко упоминаются другие, менее заметные группы иммигрантов. Одна из таких групп, африканские иммигранты в России, насчитывает около 40 000 человек, в основном это мигранты из Северной Африки и Африки к югу от Сахары. Данная статья посвящена анализу их положения в России. В статье дается определение данной группы иммигрантов, а также более подробно рассматриваются проблемы беженцев и экономических мигрантов из Африки в России. Исследование призвано ответить на следующие вопросы. Кто такие африканские иммигранты в России? Какими они видят Россию и Финляндию как страны иммиграции? Исследование основано на научной литературе по африканской иммиграции в Россию, а также документах собеседований с мигрантами из Африки, ищущими убежища в Финляндии. Самая заметная группа африканцев в России – иммигранты, распространяющие рекламу на станциях метро в крупных городах, таких как Москва. Однако эти иммигранты, борющиеся со своим низким статусом, – лишь часть африканцев в России. Высокообразованная африканская диаспора и бизнесмены, прошедшие обучение в Советском Союзе, а также сотрудники делегаций живут в России благополучно, при этом вышеупомянутые группы «новых» иммигрантов мало взаимодействуют между собой. В этой статье мы уделяем особое внимание «новым» иммигрантам, прибывшим в Россию после распада Советского Союза, и их рассказам о своих повседневных проблемах. Международная преступность и торговля людьми сегодня позволяют лицам, ищущим убежища, перемещаться в Европу. В то же время они ставят несколько групп мигрантов – таких как женщины, дети и люди с низкой квалификацией – под угрозу различных форм эксплуатации во время перемещения.

Ключевые слова: иммигранты из Африки, нелегальная миграция, Европа, Финляндия, Россия.

Исследование проведено при поддержке Академии Финляндии, проекты № 303480, 322407, 325449

Сведения об авторах:

Вирккунен Йони, доктор наук, научный руководитель Карельского института Университета Восточной Финляндии, Йозенсу, Финляндия.

Контактная информация: e-mail: joni.virkkunen@uef.fi, ORCID ID: 0000-0002-8845-1396.

Пиппонен Минна, доктор наук, научный сотрудник Карельского института Университета Восточной Финляндии, Йозенсу, Финляндия.

Контактная информация: e-mail: menn.piiipponen@uef.fi, ORCID ID: 0000-0002-3190-0728.

Статья поступила в редакцию 17.06.2020; принята в печать 02.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ В ПОСТИНТЕРНАТНЫЙ ПЕРИОД: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Нестеров А.Ю.

*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия.
E-mail: ne7terov.ay@gmail.com*

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.6

Ссылка для цитирования: Нестеров А.Ю. Социальная адаптация детей-сирот в постинтернатный период: социологический аспект // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 53–63. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.6

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем, такой, как постинтернатная адаптация выпускников-сирот интернатных учреждений. Автором публикации определяется сущность межинституционального (межведомственного) взаимодействия в работе по постинтернатному сопровождению выпускников-сирот. Выявляются основные проблемы по постинтернатному сопровождению выпускников-сирот. Также автором публикации определяется понятие «постинтернатное сопровождение выпускников-сирот» в широком и узком смысле. Даются рекомендации по совершенствованию процесса постинтернатного сопровождения детей-сирот, выпустившихся из интернатных учреждений. Постинтернатная адаптация выпускников интернатных учреждений – самый сложный этап их жизни, поэтому результатом данного процесса должно стать формирование позитивных навыков социального приспособления в обществе – таких, как способность жить и взаимодействовать в социальном пространстве прав и обязанностей; потребность в учебе и труде как средствах самореализации личности; активное и ответственное отношение к себе и своей судьбе, а также проявление активного отношения к помощи и поддержке нуждающимся в этом людям. Практически все (или более 90%) воспитанники интернатных учреждений – сироты, особенно в юношеском возрасте, испытывают трудности при формировании системы ценностных ориентаций, в профессиональном и личностном самоопределении, установлении эмоциональных (позитивных) связей с другими людьми, в свободном овладении досуговой, общественной, бытовой деятельностью. Неоспорим и тот факт, что трудности процесса социальной адаптации выпускников-сирот интернатных учреждений обусловлены, с одной стороны, спецификой и видом самого интернатного учреждения, в котором воспитывался выпускник, использованием в процессе воспитания методик и приемов педагогического воздействия на сирот и т.д., с другой, – отсутствием семьи и семейного воспитания, а также положительного опыта пребывания в семейном окружении в жизни сирот, как главной функции института социализации.

Ключевые слова: дети-сироты, постинтернатная адаптация, социализация, школа-интернат, центр социальной адаптации, постинтернатное сопровождение выпускников-сирот, институт семьи и воспитания.

Введение

Наиболее актуальным остается вопрос социальной адаптации и успешной интеграции в общество российских детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся по 9–11 лет в интернатных учреждениях страны. Острота вопроса во многом зависела и от уровня заботы и воспитания сирот в интернатных учреждениях России, а также, от возраста воспитанников, социальной готовности их к самостоятельной жизни вне интернатных учреждений, овладению профессиональными (трудовыми), бытовыми навыками, от информированности о семейно-брачных отношениях, от материальной обеспеченности сирот, а также обеспеченности их собственным жилищем.

Как правило, сирота, воспитывающийся в интернатном учреждении, априори не владеет базовыми бытовыми и коммуникативными навыками. Его контакты поверхностны и зачастую бывают поспешными. Как правило, дети-сироты не разби-

раются в подборе друзей, бывают обмануты и, в последующем, оставлены в одиночестве.

Дети-сироты, дети-сироты с ОВЗ и приемные дети на сегодняшний день являются одной из уязвимых категорий детского населения России, это дети с особыми образовательными потребностями, для которых нет четко выстроенной системы поддержки их сопровождения в образовательных организациях для сирот. Отсутствует нормативный алгоритм действий по социализации данной категории детского населения страны. Организации работают в диспозитивном порядке.

Так, дети-сироты из интернатных учреждений вплоть до совершеннолетия затрудняются в рефлексии относительно эмоционального состояния своего сверстника или друга, в чтении его эмоции и т.п. Дети-сироты, воспитывающиеся в интернатных учреждениях VII вида, испытывают серьезные трудности в обучении и социализации, связанные с особенностями интеллектуального развития, развития эмоционально-волевой сферы и общего социального развития. Также у детей-сирот неправильно формирующийся опыт общения приводит к тому, что подросток-сирота занимает по отношению к другим совершенно не ожидаемую позицию поведения, и, как правило, она негативная. Поэтому именно в настоящий период становится наиболее актуальной проблема постинтернатного сопровождения и социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выпустившихся из детских домов и школ-интернатов в самостоятельную жизнь.

В настоящий период, а особенно с введением в России ограничительных мер в связи с COVID-19 в марте 2020 г., остро стоит проблема для выпускников-сирот с трудоустройством и профориентацией. На первый план можно вынести проблему с обеспечением выпускников-сирот жильем после выпуска из интернатного учреждения. Как было сказано выше, подростки-сироты имеют проблемы с коммуникативными навыками, у них отсутствуют навыки по формированию и расчету собственного бюджета, выпускники-сироты могут столкнуться с проблемой отстаивания своих личных прав и границ. Поэтому постинтернатное сопровождение детей-сирот рассматривается как процесс социальной адаптации выпускников-сирот к новым социальным условиям бытия вне интернатного учреждения.

Обзор научной литературы

Общие педагогические подходы к проблеме социализации личности в отечественной науке заложены в трудах М.В. Ломоносова, К.Д. Ушинского, Н.Ф. Бунакова, В.Я. Стоюнина, Н.К. Крупской, А.С. Макаренко, С.Т. Шацкого, В.А. Сухомлинского.

Основные проблемы процесса организации воспитательной работы в закрытых воспитательных учреждениях отражены в работах следующих выдающихся педагогов советского периода: А.В. Луначарский (1927), А.С. Макаренко (1929), В.А. Сухомлинский (1974), А.А. Католиков (1990) и др. Главная специфическая позиция указанных педагогов-практиков в области воспитания – это ориентированность на физический производственный труд и общественно-полезную деятельность воспитанников [Макаренко, 2003].

Необходимость подготовки к самостоятельной жизни детей данной категории подтверждается социологическими исследованиями И.Ф. Дементьевой. Проблема сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, исследовалась В.Н. Ефименко.

Проблемы социального сиротства, касающиеся его места в структуре россий-

ского социума, получили свое отражение в работах А.А. Лиханова, Е.М. Рыбинского, А.Б. Холмогоровой, В.Н. Ослон и др.

Об отношении общества к детям-сиротам писали А.И. Антонов, И.Ф. Дементьева, Г.И. Осадчая, И.И. Осипова, А.М. Нечаева, Ф.Э. Шереги, Н.В. Кузнецова. О социальной адаптации в постинтернатный период детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – Н.Е. Борисова, И.Б. Назарова, А.Ю. Нестеров, А.М. Нечаева, И.И. Осипова, Н.В. Присяжная. О социальной политике государства в интересах детей-сирот – Е.М. Рыбинский и Г.С. Красицкая, и др.

Методы и методология исследования

В статье представлены результаты авторских социологических исследований, осуществленные методами опроса (анкетированием и интервьюированием) в период 2019–2020 гг.

Материалы социологического исследования:

1. «Особенности постинтернатного жизнеустройства и социальной адаптации студентов-сирот в современном обществе» (2019–2020 гг.). Респонденты – сироты – студенты 1-х – 4-х курсов профессиональных образовательных учреждений Кемеровской области; МТКП (г. Москва) (дистанционное исследование). Массив: 287 юношей и 159 девушек (n=446) – сплошной опрос методом анкетирования, в т.ч. и результаты глубинного интервью выпускников-сирот (n=38). Возраст респондентов 17–20 лет.

2. Экспертный опрос (интервьюирование, анкетирование) специалистов, по роду своей профессиональной деятельности непосредственно связанных с работой в государственных и негосударственных профессиональных образовательных учреждениях начального и среднего образования; специалистов Управлений профессионального образования; специалистов органов опеки и попечительства, социальной защиты населения Кемеровской области (дистанционное исследование) (n=128), в т.ч. и результаты глубинного интервью экспертов (n=28) (2019–2020 гг.).

Основными задачами постинтернатного сопровождения сирот являются.

1. Получение среднего общего, среднего полного образования.
2. Приобретение элементарных навыков коммуникабельности со сверстниками и взрослыми.
3. Приобретение социально-бытовых навыков.
4. Содействие в поступлении в профессиональное учреждение НПО/СПО и ВО.
5. Приобретение элементарных трудовых навыков.
6. Содействие в первичном трудоустройстве на неполный рабочий день.
7. Организация собственного досуга, а также защита своих личных имущественных и неимущественных прав.
8. Обязательное обеспечение преемственности реабилитационной работы в постинтернатный период.
9. Содействие в оформлении всех необходимых документов (паспорт РФ, СНИЛС, ИНН, полис ОМС) и т.д.

В свою очередь, постинтернатное сопровождение выпускников-сирот понимается как система, осуществляющая на основе межведомственного (межинституционального) взаимодействия все необходимые социальные мероприятия по сопровождению сирот в самостоятельную жизнь, жизнь вне интернатного учреждения, которая будет определяться как более успешная социальная адаптация

и самореализация вне институциональных условий. Во многих регионах России каждый второй подросток-сирота состоит (состоял) в «группе риска» по выпуску из интернатного учреждения, нигде не работает, не учится, является асоциальным членом общества, у такого подростка отсутствует наличие собственного постоянного жилища, а также постоянного дохода; таким образом, от безвыходности подростки-сироты совершают преступления корыстной направленности, вследствие чего оказываются в местах лишения свободы.

В узком аспекте постинтернатное сопровождение выпускников-сирот представляется нам как индивидуальное сопровождение подростков-сирот социальными педагогами, социальными психологами и другими специалистами органов опеки и попечительства, социальной защиты населения, труда и занятости населения, оказывающими реальную помощь в становлении и социальной адаптации сирот в постинтернатном периоде. Такая работа может осуществляться в разных сферах жизнедеятельности подростка: таких, как трудоустройство, оформление наследства, оформление (восстановление) личных имущественных и неимущественных прав, получение профессионального образования, установление инвалидности (при наличии ОВЗ), оформление социальной пенсии по нетрудоспособности и т.д. Все эти мероприятия осуществляются на безвозмездной основе – основе договора постинтернатного сопровождения, заключенного двумя сторонами, одной из которых и является выпускник-сирота интернатного учреждения.

Результаты и обсуждение

Сегодня в России не практикуется такая гражданско-правовая форма, как оформление договора постинтернатного и постпенитенциарного сопровождения несовершеннолетних (достигнувших возраста согласия – 16 лет) по выпуску из интернатного учреждения либо освобождению из воспитательной колонии. Как правило, органами социальной опеки и попечительства несовершеннолетних, оставшихся в трудной жизненной ситуации, навязывают те или иные (государственные, муниципальные) услуги, которые иногда могут расцениваться как менее полезные либо, в индивидуальных случаях, не актуальные.

В свою очередь, предлагается оформлять двух- или трехсторонние гражданско-правовые договоры «О постинтернатном сопровождении несовершеннолетнего лица», «О постпенитенциарном сопровождении несовершеннолетнего лица», в которых и определялись бы: «Стороны договора», «Предмет договора», «Виды и сроки оказания (государственных, муниципальных) услуг (на безвозмездной основе)», «Права и обязанностей сторон», «Порядок и условия (прекращения) расторжения договора», «Заключительные и переходные положения», «Порядок обжалования в суде». Данная гражданско-правовая форма будет определять исполнителей, сроки исполнения, виды государственных и муниципальных услуг, оказываемых на безвозмездной основе конкретному лицу. За основу определения государственных и муниципальных услуг может быть взят Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ¹, в котором и определен перечень социальной

¹ Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 21.12.1996 N 159-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/ (дата обращения 15.07.2020).

поддержки детей-сирот в РФ. Гражданско-правовой договор «О постинтернатном сопровождении несовершеннолетнего лица» будет конкретизировать формы, сроки и исполнителей оказания тех или иных услуг. Под термином «сопровождение» следует понимать обязательный комплекс мер (действий), оказываемых лицу в постинтернатный период, ориентированных на успешную социальную адаптацию выпускников-сирот в социуме.

На современном этапе активно возникают новые модели работы с выпускниками-сиротами. Ситуация стала активно освещаться в СМИ, на профильных совещаниях в Аппарате Уполномоченного по правам человека в РФ и на заседаниях в Общественном совете при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка, а также научно-практических конференциях, на которых определяются эффективные меры по разрешению проблем в социальном становлении детей-сирот в постинтернатный период.

В 2019–2020 гг. Аппаратом и Экспертным советом при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка в рамках Десятилетия детства разрабатываются концептуальные рекомендации с целью повышения качества жизни детей-сирот с ОВЗ и детей, оставшихся без попечения родителей, выпустившихся из интернатных учреждений. Предложен пакет НПА по реализации права ребенка-сироты на собственное жилище в форме получения натурой либо возмещением компенсацией в виде жилищного сертификата, которым совершеннолетний сирота может воспользоваться на вторичном рынке жилья с целью приобретения жилища. Срок действия жилищного сертификата – три года. Также в настоящий период положительно решаются проблемы быта и становления детей-сирот, обучающихся в Детском доме – школе № 95 г. Новокузнецка Кемеровской области. С 2001 г. реализуются на базе интернатного учреждения Дом студентов и «тренировочная» квартира, которая открыта в рамках реализации «Комплекса мер по развитию системы подготовки к самостоятельной жизни воспитанников-сирот с целью освоения элементарных навыков по постинтернатному сопровождению и социальной адаптации подростков-сирот на территории Кемеровской области». Данная квартира полностью оснащена новой мебелью, современной бытовой техникой, в ней созданы все необходимые условия для комфортного (самостоятельного) проживания воспитанников, обучающихся в старших классах (9–11 кл.) школы-интерната № 95г. Новокузнецка.

Учебная квартира – это отличный старт в самостоятельную жизнь для подростка, готовящегося к выпуску из интернатного учреждения, в ней подростки приобретают все необходимые бытовые навыки. И опыт, полученный подростками в учебной квартире, будет необходим в самостоятельной жизни. Проживающим в квартире подросткам больше всего понравилась кухня, в которой они самостоятельно либо с помощью наставника (как правило, это студенты старших курсов педагогического института) с удовольствием творили свои кулинарные шедевры. Воспитанники узнали, что картофель нельзя хранить в морозильной камере, а перед тем, как загрузить одежду в стиральную машину, необходимо проверить карманы, чтобы не постирать телефон или личные документы, например паспорт.

Для детского дома – школы-интерната № 95 это уже вторая площадка учебной квартиры, которая является дополнением к уже действующей учебной квартире в Центре подготовки к выпуску сирот в самостоятельную жизнь. Квартиру в детском доме «Ровесник» сейчас обживают девушки, обучающиеся в 11-х классах. Девочки

принесли с собой все свои необходимые личные вещи, ноутбуки для выполнения учебной домашней работы и, конечно, свои любимые мягкие игрушки. И сразу идеально отремонтированное и оборудованное помещение наполнилось теплом и уютом. Для новоселов открывается много нового, например: в какую сторону повернуть переключатель печки или духовки, как пользоваться пароваркой или стиральной машиной, на какое время можно оставлять открытой дверцу холодильника?

Девочкам-сиротам найти ответы на эти и многие другие вопросы помогла опытный воспитатель Марина Владимировна Смирнова, которая с удовольствием делится своими знаниями².

Также и Челябинская область в своих интернатных учреждениях реализует программы постинтернатного сопровождения выпускников-сирот, которые включают в себя, следующие направления работы [Макаренко, 2003].

1. Диагностическую работу, заключающуюся в изучении уровня социально-психологического, физического благополучия подростка – по следующим параметрам:

– физическое, психическое состояние, анамнез и наличие заболеваний у подростка;

– условия и сфера жизни с окружающими подростка в группе и вне интернатного учреждения;

– социальное положение его родителей или близких родственников, материальное состояние (наличие жилища и т.п.; если отсутствует собственное жилище, то подросток ставится на учет по улучшению жилищных условий в региональный департамент жилища и жилищной политики) [Nesterov, 2020].

Проводятся тщательный анализ и обработка результатов психологического тестирования по проблемам, препятствующим успешной адаптации выпускников-сирот.

2. Развивающую и коррекционную работу. Осуществляется разработка индивидуальных маршрутов постинтернатного сопровождения выпускников-сирот; осуществляется развитие способностей принятия собственных эмоций, формирования стрессоустойчивости, поиска новых путей выражения положительных эмоций в социально приемлемой форме; ознакомление с технологиями эффективной коммуникации, например: механизмы межличностного восприятия, личной психологической защиты, преодоление барьеров в общении, активное либо пассивное восприятие информации, правила конструктивного общения и т.п. [Nesterov, 2019].

3. Проводится консультативная работа, которая заключается в индивидуальном консультировании выпускников-сирот по проблемам самочувствия в межличностных отношениях; профессиональной самореализации и саморегуляции в деловых и партнерских отношениях; по проблемам семейно-бытовых отношений; по вопросам брака и семьи; вопросам личных имущественных и неимущественных прав и т.д.

4. Информационно-просветительскую работу, которая заключается в размещении на официальных сайтах (гос. услуги, муниципальные услуги) государственных учреждений и НКО информации и материалов по вопросам постинтернатного со-

² ИАС «Куз-Пресс» Воспитанники детских домов Новокузнецка осваивают азы самостоятельной жизни в тренировочной квартире. Дата публикации: 23.01.2020 г. [сайт] URL : <https://kuzpress.ru/society/22-01-2020/72567.html> / (дата обращения: 20.07.2020).

проведения выпускников-сирот. Распространение информационных буклетов о правах и обязанностях выпускников-сирот. Активная пропаганда здорового образа жизни. Информирование о местах профессионального обучения или переобучения в организациях в государственных НПО/СПО и ВО за счет аедерального бюджета. Оповещение выпускников-сирот о мероприятиях, проводимых по плану интернатного учреждения и специалистами постинтернатного сопровождения совместно со специалистами центра занятости населения и иными профильными учреждениями муниципального образования, касающихся постинтернатной адаптации сирот.

5. Осуществляется организационно-методическая работа, которая заключается в методическом объединении специалистов города (муниципального образования), занимающихся постинтернатным сопровождением выпускников-сирот. Организация и проведение вечеров – встреч выпускников на базе интернатного учреждения с целью распространения положительного опыта в личностном становлении воспитанников-сирот в постинтернатном периоде. Обеспечение социально-правовой документации и методических материалов по постинтернатному сопровождению выпускников-сирот. Разработка и издание методических рекомендаций для специалистов, осуществляющих постинтернатное сопровождение выпускников-сирот. Разработка рабочих программ и передача положительного опыта посредством конференций и совещаний по постинтернатному сопровождению выпускников-сирот [Алибаева, Маметьева, 2018].

В настоящий период данной проблеме по постинтернатному сопровождению выпускников-сирот уделяется значительное внимание как на уровне государственной политики, так и в отдельных муниципальных образованиях с учетом региональной и местной специфики, учитываются обычаи и традиции населения, уровень жизни и доходы в регионе. Так, проблемы постинтернатного сопровождения выпускников-сирот нашли свое отражение в развитии отечественного законодательства. В рамках Президентской программы «Дети России» (Указ Президента РФ от 01.06.1992 г. № 543³ и Указ Президента РФ от 29.05.2017 г. № 240)⁴ существует и активно реализуется целевая программа «Дети-сироты», направленная на создание благоприятных условий для подготовки детей, лишившихся попечения родителей, к самостоятельной жизни в современной кризисной (посткризисной) социально-экономической обстановке, на развитие различных форм устройства осиротевших детей, на совершенствование здоровьесберегающих технологий, развитие кадровой и материальной базы интернатных учреждений, улучшение социально-экономического обеспечения в них воспитанников-сирот.

Несомненно, показательны в этом отношении и Послания 2018–2020 гг. Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации⁵ и направленные на их реализацию поручения Президента РФ, где принимались стратегические задачи по разработке и реализации программ постинтернатного сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, готовящихся к выпуску из

³ Указ Президента Российской Федерации от 01.06.1992 г. № 543 «О первоочередных мерах по реализации Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей в 90-е годы» [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank>

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41954>

⁵ См., напр.: Послание Президента Федеральному Собранию. 15 января 2020 г. // Президент России [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

интернатных учреждений (всех уровней), в том числе и в рамках межведомственного взаимодействия.

Однако на сегодняшний день в России, к сожалению, только незначительная часть регионов создала подобные модели по постинтернатному сопровождению выпускников-сирот из интернатных учреждений России, поэтому можно констатировать, что в большинстве регионов России отсутствуют практические модели межинституционального взаимодействия помощи в социальной адаптации сиротам в постинтернатный период, а в тех регионах, где реализуются данные программы, существует ряд проблем, которые связаны с несинхронным межведомственным взаимодействием органов исполнительной власти на местах, что и приводит к тотальной неразберихе, что сказывается на качестве подготовки к самостоятельной жизни подростка-сироты в процессе обучения в интернатном учреждении и в постинтернатном периоде⁶.

Заключение

Преодоление вышеуказанных проблем по интернатному и постинтернатному сопровождению подростков-сирот возможно исключительно посредством комплексной организации форм постинтернатного сопровождения, включающих ряд мер, таких как:

- совершенствование нормативно-правовой базы, в частности, принятия формы «договора постинтернатному (постпенитенциарному) сопровождению несовершеннолетних», внесение поправок в СК РФ, ТК РФ, ГК РФ и иные ФЗ и региональные нормативные правовые акты;
- создание и совершенствование имеющихся региональных моделей межинституционального (межведомственного) сопровождения (взаимодействия) подростков-сирот, выпустившихся из интернатных учреждений;
- реализация повсеместной практики во всех регионах России по постинтернатному сопровождению подростков-сирот с привлечением к работе некоммерческих общественных организаций (НКО) в рамках региональных и президентских грантов;
- оптимизация системы воспитания, обучения и социализации сирот в интернатных учреждениях с учетом достижений современных социально-педагогических технологий развития ребенка, реализуемых в современных условиях (в данную оптимизацию включается разукрупнение воспитательных групп до 5-7 детей в одной группе);
- обязательная профилактика правонарушений в подростковой среде на всех уровнях (в интернатном учреждении и в постинтернатный период);
- обязательное создание, модернизация научно-методического, информационно-аналитического и кадрового обеспечения, соответствующего требованиям регионального законодательства и практическим реалиям;
- повсеместное создание центров постинтернатного сопровождения (адаптации) выпускников-сирот (возможно и участие НКО) [Алибаева, Маметьева, 2018: 5].

Сегодня остро стоят проблемы социальной адаптации и интеграции в обще-

⁶ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2019 г. // Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка [сайт]. URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/May2020/51YpevfVd8zvvdAvGE47.pdf>

ство выпускников-сирот интернатных учреждений, острота вопроса во многом зависит от уровня подготовки воспитанников-сирот в интернатных учреждениях, а также наличия выработанной практики по постинтернатному сопровождению сирот в том или ином регионе страны. При отсутствии такой практики в регионах России можно спрогнозировать отрицательный исход по социальной интеграции в общество выпускника интернатного учреждения. Во избежание подобной практики необходимо выполнение вышеуказанных мер.

Постинтернатное сопровождение выпускников-сирот непосредственно заключается в технологии социальной работы учреждений (центров) постинтернатной адаптации, включающей:

- создание и апробацию инновационных социально-педагогических, социально-психологических моделей по постинтернатному сопровождению сирот;
- разработку и апробацию механизмов поддержки выпускников-сирот интернатных учреждений до достижения 23-летнего возраста (с учетом обучения выпускника на очной (заочной) форме в ССУЗе и ВУЗе), отслеживание динамики в социально-экономической и политической конъюнктуре;
- обязательное развитие и внедрение программ для работников и педагогических кадров образовательных организаций НПО и СПО по социальной (постинтернатной) адаптации сирот, обучающихся по соответствующим профессиональным программам;
- моделирование социально-педагогических отношений по постинтернатному сопровождению между педагогическим персоналом центра и подростком-сиротой, ориентируя его на успешную адаптацию и беспрепятственную интеграцию в общество [Алибаева, Маметьева, 2018: 4].

Таким образом, становление системы постинтернатного сопровождения выпускников-сирот можно охарактеризовать как новую (инновационную) модель социализации сирот в постинтернатный период, который непосредственно будет ориентирован на полное раскрытие положительного потенциала, а также на благоприятную социальную адаптацию и интеграцию сирот в современное российское общество.

Сам же процесс постинтернатной адаптации выпускников интернатных учреждений предполагает решение и усвоение множества жизненных задач, таких как:

- самосознание, под которым понимается личностное и профессиональное самоопределение выпускника-сироты; формирование образа гендерной роли и образа партнера; формирование социально ответственного поведения; построение системы ценностей как ориентиров поведения в обществе;
- коммуникативные задачи, связанные с установлением новых отношений со сверстниками противоположного пола; завоевание независимости от взрослых; способность устанавливать отношения независимости;
- задачи в сфере профессиональной деятельности: освоение профессиональных навыков и компетенций, умение применять профессиональные навыки на практике.

Список литературы

1. *Алибаева Д.С., Маметьева О.С.* Постинтернатное сопровождение выпускников государственных учреждений в России // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 1. С. 1–8.

2. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. – М.: ИТПК, 2003. – 736 с.

3. Nesterov A.Y. Institutional trial of minors condemned: International experience // The Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. – Almaty, 2020. No 1'2020. P. 255–263 DOI: 10.32014/2020.2518-1467.31 (in English).

4. Nesterov A.Y. Social adaptation of juvenile prisoners in the post-prison period: theory and practice // The Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Almaty, 2019. № 6'2019. P. 136–140. DOI: 10.32014/2019.2518-1467.155 (in English).

Сведения об авторе:

Нестеров Артем Юрьевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Контактная информация: e-mail: ne7terov.ay@gmail.com, ПИНЦ Author ID: 9487-0029, ORCID ID: 0000-0001-8244-9546.

Статья поступила в редакцию 10.08.2020; принята в печать 07.10.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SOCIAL ADAPTATION OF ORPHANS IN THE POST-BOARDING PERIOD: SOCIOLOGICAL ASPECT

Artem Y. Nesterov

Institute for Demographic Research

of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology

of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: ne7terov.ay@gmail.com

For citation: Artem Y. Nesterov. Social adaptation of orphans in the post-boarding period: sociological aspect // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 53–63. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.6

Abstract. *The article is devoted to one of the pressing problems, such as post-boarding adaptation of graduates-orphans of boarding schools. The author of the publication defines the essence of interinstitutional (interdepartmental) interaction in the work on post-boarding support for graduates-orphans. The main problems of post-boarding support for orphans are identified. Also, the author of the publication defines the concept of “post-boarding support for graduates-orphans” in a broad and narrow sense. Recommendations are given for improving the process of post-boarding support for orphans graduated from boarding schools. It is noted that post-boarding adaptation of boarding school graduates is one of the most difficult stages of their life, therefore, the result of this process is the formation of positive skills of social adaptation in society, such as the ability to live and interact in the social space of rights and responsibilities; the need for study and work as a means of personal self-realization; an active and responsible attitude towards oneself and one’s own destiny, as well as the manifestation of an active attitude in helping and supporting people in need. Almost all (or more than 90%) of orphans in boarding schools, especially in adolescence, experience difficulties in the formation of a system of value orientations, professional and personal self-determination, the establishment of emotional (positive) connections with other people, the free mastery of leisure, social, everyday activities ... It is also undeniable that the difficulties of the process of social adaptation of graduates-orphans of boarding schools are due, on the one hand, to the specifics and type of the boarding institution itself, in which the graduate was brought up, the use of methods and techniques of pedagogical influence on orphans in the process of education, etc. on the other hand, the lack of a family and family education, as well as a positive experience of being in a family environment in the life of orphans, as the dominant institution of socialization.*

Keywords: *orphans, post-boarding adaptation, socialization, boarding scale, center for social adaptation, post-boarding support of graduates-orphans, Institute of Family and Education.*

References

1. Alibaeva D.S., Mametyeva O.S. Post-boarding support for graduates of public institutions in Russia. *International student scientific bulletin*. 2018. No. 1. Pp. 1–8. (in Russ.).

2. Makarenko A.S. «Pedagogicheskaya poema» [“Pedagogical poem”]. М.: ИТРК, 2003. 736 p. (In Russ.)

3. Nesterov A.Y. Institutional trial of minors condemned: International experience. *The Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. Almaty, 2020. No 1'2020. Pp. 255–263 DOI: 10.32014/2020.2518-1467.31

4. Nesterov A.Y. Social adaptation of juvenile prisoners in the post-prison period: theory and practice. *The Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. Almaty, 2019. No 6'2019. Pp. 136–140. DOI: 10.32014/2019.2518-1467.155

Bio note:

Artem Y. Nesterov, Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, Institute For Demographic Research of The Federal Center of Theoretical And Applied Sociology of The Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ne7terov.ay@gmail.com, RSCI Author ID: 9487-0029, ORCID ID: 0000-0001-8244-9546.

Received on 10.08.2020; accepted for publication on 07.10.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

MIGRATORY TRAJECTORIES OF RUSSIAN-SPEAKING WORKERS IN THE TOURISM SECTOR OF NHA TRANG (VIETNAM)

Ohashi K.

Rikkyo University, Tokyo, Japan.

E-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.7

For citation: Kenichi O. Migratory trajectories of the Russian-speaking workers in the tourism sector of Nha Trang (Vietnam) // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 64–70. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.7

Abstract. *The purpose of this paper is to explore an aspect of the structural mechanism of Nha Trang as a post-Soviet space by investigating the migratory trajectories of Russian-speakers working in the tourism sector of Nha Trang. Based upon the case studies of Russian-speaking workers, this paper unraveled transnational composition of the social space mediated by the Russian language as cultural capital, and showed importance of tourism economy for the transnational mobility of Russian-speakers. The complex social and political contexts that have been generated historically from the relationships between Vietnam and Russia or the former USSR produced Russian-speaking tourism economy and tourist enclave in Nha Trang, and Nha Trang became a node of mobility for Russian-speakers who have various forms of mobility that go beyond the static conceptual frameworks of “tourism” and “migration”. This paper examines the linkage between tourism and migration and educes the multiple intermediate forms of human mobility in order to promote a deeper understanding of the process of the emergence of Russian speaking tourism economy in Nha Trang, which has been rapidly developed in the last decade, from the social and political contexts.*

Keywords: *migratory trajectory, Russian-speaking tourism economy, post-Soviet space, Nha Trang, Vietnam.*

The study was conducted with support from JSPS KAKENHI, grants No. JP16K03237, and JP19K01209

Introduction

Nha Trang, the capital city of Khanh Hoa province located in southern Vietnam, has been seen as one of the best beach resorts in Vietnam since its first development as a resort for colonial officials during the French colonial period. After the Vietnam War, Nha Trang also served as a resort for high-level officials of the socialist government. Since the introduction of economic reforms known as “Doi Moi” in 1986, tourism development has been accelerated in Nha Trang. Nha Trang is now a major tourism destination in Khanh Hoa province, and the province received more than 4.5 million tourists, both domestic and international, in 2016.

Since around 2010, the number of tourist arrivals from Russia to Nha Trang gradually started to increase, and the sharp increase has been observed especially after 2012. The number of tourist arrivals from Russia to Khanh Hoa province, where Nha Trang is the major tourist resort, reached 273,809 in 2016, and this number accounts for more than 60% of the total number of tourist arrivals from Russia to Vietnam in the same year (433,987). The number of tourist arrivals from Russia to the province in 2016 remarkably increased – more than 9 times of the number counted in 2010 – when the number of tourists from Russia started to increase [Mishukova, 2017]. This rapid and massive increase of Russian tourists

in Nha Trang brought to produce Russian-speaking tourism economy and tourist enclave in Nha Trang. Accordingly, many Russian-speakers with various social and cultural backgrounds started to come to Nha Trang to look for jobs and business chances especially in the tourism sector. These Russian-speakers come to Nha Trang not only from Russia, but also from various former Soviet republics through various paths and routes. This situation makes Nha Trang a part of the post-Soviet space.

The purpose of this paper is to explore an aspect of the structural mechanism of Nha Trang as a post-Soviet space by investigating the migratory processes and trajectories of the Russian-speakers working in the tourism sector of Nha Trang. Based upon the case studies of personal histories of those Russian-speaking workers, this paper aims to unravel the transnational composition of the social space mediated by the Russian language as cultural capital.

This study is based upon the qualitative data collected from the interviews with Russian-speaking workers in the tourism sector conducted in Nha Trang intermittently between December 2015 and March 2018 for about two months in total.

Literature Review

The social and political contexts of tourism phenomena are taken as one of the factors that affect the decision-making and destination choice of tourists in the previous tourism studies. For example, Matheson and Wall included the political, social and economic situations as a part of destination resources and characteristics, which is one of four factors that affect the decision-making process of tourists, along with tourist profile, travel awareness and trip features [Matheson, Wall, 1982]. However, these studies are mainly approached by psychological and marketing viewpoints, and they tend to focus on tourist individuals and point to model the whole process of the decision-making and destination choice of tourists. In such circumstances, the social and political contexts of tourism phenomena tend to be taken as one of many external and peripheral factors, despite the facts that the social and political contexts surround all of tourists, tourism industries and destinations, and affect each of them.

The researches on tourism in Vietnam have been increased and diversified along with the development of tourism itself in Vietnam. However, as tourism is taken as one of the most important sectors for national economic development, tourism studies tend to be based upon macroscopic frameworks [e.g. Var 1994]. Or, case studies in microscopic level tend to focus much upon each individual problem-solving for the development of tourism [e.g. Tran, Walter, 2014]. Some of the case studies are based upon qualitative and ethnographic approach, but this type of studies is mainly conducted by traditional anthropological interests and tend to deal with the cases on ethnic tourism [e.g. Michaud, Turner, 2017]. Sociological case studies focusing on social and political contexts of tourism phenomena are not yet well developed in the studies on tourism in Vietnam.

Concerning about the studies on Russian tourists, certain amount of studies is accumulated. However, more studies tend to deal with the cases of popular destinations among Russian tourists such as Finland [e.g. Suvilehto, Borg, 2001; Jakosuo, 2011], Turkey [e.g. Aktas et al., 2009] and Thailand [e.g. Lertputtarak et al., 2014]. Russian tourists in Vietnam have not yet much discussed internationally despite the great interests and concerns about this topic in Vietnam. The study on the social and political contexts of Russian tourism in Vietnam is one of the areas of research to be discussed more and this study is a preliminary attempt to discuss on this topic.

Background: Russian-Speaking Tourism in Nha Trang

The rapid and massive increase of Russian tourists in Nha Trang over the last decade was primarily and directly caused by the new business policies adopted by the major travel companies in Russia to develop a new market in the region and to send their clients to Nha Trang as an alternative destination to the popular tourist destinations among the Russians, such as Egypt and Tunisia, as well as to avoiding the political instability in North Africa and the Middle East in the early 2010-s. These companies organize affordable packaged tours and send their clients by charter flights directly from several Russian cities to Nha Trang. The rapid increase of Russian tourists in Nha Trang was mainly due to such kind of mass tourism system. Additionally, the Vietnam government's immigration policy introduced in 2009 to exempt Russian tourists from visa requirement for a short-term stay within 15 days, a decline of the Russian ruble's exchange rate, low performance of the Russian economy, and the restrictions on travel to Turkey and Egypt in 2015 also helped to increase the numbers of Russian tourists in Nha Trang.

The increase of Russian tourists in Nha Trang brought the accumulation of businesses and services, such as hotels, guest houses, restaurants, cafes, tour agents, souvenir shops for Russian tourists in the central part of Nha Trang city, and that formed a tourist enclave for the Russians [Pouille, 2014]. In this area, the Russian language is an important source of amenity for Russian tourists, and an important cultural capital for businessmen and workers as well. This environment attracts many Russian-speakers from Russia and the former USSR republics for business chances and job opportunities [Ohashi, 2018].

In the central part of Nha Trang city, at the small area of about 0.12 square kilometers, surrounded by Tran Phu Street, the city's main street facing to the beach, Hung Vuong Street and Nguyen Thien That Street, we can observe the accumulation of many hotels, guest houses, restaurants, cafes, tour agents, souvenir shops and other service facilities. Most of them are doing their business mainly for Russian tourists. Within this area, the special environment that makes possible to stay mostly only speaking in Russian is available. Many shops display signs in Russian and many restaurants prepare their menus in Russian. There are many store staffs, waiters and waitresses who speak Russian working in this enclave.

Some of the shops, restaurants, cafes and tour agents in the enclave are owned and managed by the Russians or other people from Russian speaking countries. The rapid and massive growth of Russian tourism in Nha Trang has prepared many business chances for both locals and foreigners. The Russians are not only situated in tourist side, but also in service supplier side in the enclave [Ohashi, 2017].

Migratory Trajectories of the Russian-speaking Workers in the Tourism Sector

The Russian-speakers who come to Nha Trang to work in the tourism sector have various socio-cultural backgrounds and migratory trajectories. To unravel the transnational social composition of Nha Trang as a post-Soviet space, 4 cases of different migratory trajectories are introduced and examined below.

[Case 1: Ms. A]

Ms. A is a young Russian in her late twenties who comes from Irkutsk. She works in the center of Nha Trang's Russian tourist enclave as a manager of a small restaurant owned by Russian businessman who comes from Khabarovsk. She firstly came to Nha Trang as a tourist for a holiday in 2016 and found that many Russians live and work in Nha Trang, so she got interested in emigrating to Nha Trang. During her two weeks' holiday in Nha Trang, she asked questions to many Russian-speakers in Nha Trang about job opportunities and

living to collect the information for her future plan. Also, she learnt that there exists the SNS site which is specially designed for Russian-speakers about the living in Nha Trang, and this SNS site helped her to collect the information about Russian-speakers' living in the city. Returning to Irkutsk from this holiday trip, she made up her mind to emigrate to Nha Trang in spite of having no prospects of job and living. Upon her arrival in Nha Trang in 2017, she looked for an apartment and job by the SNS site for the Russian-speakers in Nha Trang and timely found a job offer. She was lucky to get this job and started to work as a restaurant manager. She works from 4 pm till 10 pm for 6 hours a day at the restaurant and has one day-off a week. She is pleased with the job and her living in Nha Trang and plans to stay in Nha Trang for at least another half a year.

[Case 2: Mr. B]

Mr. B is a Ukrainian in his early thirties; he came to Nha Trang in 2014. In Ukraine, he studied international tourism at college. After graduation, he started to work for a travel company in Abu Dhabi, UAE selling excursion tours to Russian tourists. After working in UAE for 6 months, he moved to Antalya, a popular holiday resort among the Russians in southwestern Turkey, to work as a Russian-speaking tour guide for Russian tourists. He worked as a tour guide in Antalya for 8 months, and then moved to Thailand to continue to work as a Russian-speaking tour guide. In Thailand, he worked in Pattaya, Bangkok and Phuket for 3 years. And then his journey of career development in Vietnam continued. In 2014, he came to Nha Trang to work for a travel company at first; then he became a freelance photographer and designer for a tourism magazine published in Vietnam. He was also involved in setting up and managing a night club for tourists in the Russian tourist enclave in Nha Trang.

[Case 3: Mr. C]

Mr. C is a Kyrgyz in his early forties who owns and manages a small cafe in the Russian tourist enclave in Nha Trang. At first he came to Vietnamese Ho Chi Minh city, then he moved to Nha Trang, and there he opened his cafe in 2015. He took over this cafe business from its former owner who was a Tajik, and then he started up his own cafe together with his Kyrgyz wife hiring 3 local Vietnamese. In 2018, he also opened a sheesha bar in a hotel hiring 4 staff members from Kyrgyzstan, Russia, Moldova and Egypt. He left his homeland in his late twenties and started to work as a photographer for Russian tourists at first in Antalya, Turkey for 6 years, and then in Hurgada, Egypt for 5 years. Antalya and Hurgada were both very popular holiday resort among the Russians then. However, political situation of the region reduced the numbers of Russian tourists in Egypt. So he left Egypt, moved to Vietnam and chose Nha Trang for his business as a flourishing new tourist destination among the Russians.

[Case 4: Ms. D]

Ms. D is a Vietnamese in her late forties who comes from Hai Phong. She went to Russia in 2002 at her early thirties to get away from her family problems in Vietnam relying on her Vietnamese relatives in Barnaul for support. She prepared some funds for business upon her departure and started her business at a bazaar in Barnaul. She dealt in clothing and accessories, and learned Russian language practically through her business at the bazaar. She heard about Nha Trang from her Russian customers who traveled to Nha Trang for their holidays. They told her that Nha Trang is a paradise and advised her to do business there. In Nha Trang, her relatives opened a restaurant for Russian tourists with a Russian business partner in 2009. When she confronted the problem of visa renewal in Russia and had to leave the country in 2014, she returned to Vietnam and came to Nha Trang to work

as a manager at the restaurant opened by her relatives. Her Russian language skills and customer service know-hows for the Russians attained through her business experience in Russia contributed greatly to the success of the restaurant business.

Discussion and Conclusion

Each of the 4 cases given above shows that Nha Trang is connected dynamically with the post-Soviet space of countries such as Russia, Ukraine, Kyrgyzstan through various migratory processes and trajectories of these Russian-speaking workers.

At first glance, the Case 1 appears to be an example of simple process of labor migration from Russia to Vietnam, however there exists tourism mobility as a premise for this labor mobility. This case shows us that tourism mobility is an important trigger for labor mobility. Cases 2 and 3 show that there exist several tourist resorts for the Russians from every corner of the world, and these tourist enclaves are interconnected globally by the transnational mobility of the Russian-speaking workers in the tourism sector. Their transnational mobility creates a post-Soviet space mediated by tourism economy, and Nha Trang is a part of it. The Case 4 shows that the Vietnamese are also important actors in this social space. In the 1980-s, the Vietnamese labor migration composed an aspect of the migration in the former Soviet space, but it also composes an aspect of migration in the post-Soviet space today.

Nha Trang is socio-economically characterized by tourism. Tourism is a form of migration, but it is also a channel for labor migration. The demands for labor generated in tourist resorts attract many migrant workers to the tourism sector. It is because tourism is a labor-intensive industry, and human resources which create hospitality are the most important source of the industry. Meanwhile, tourism, which is very sensitive to the influence of political and economic conditions, has variable and unstable nature. However, on the other hand, this nature makes tourism labor market very flexible. These characteristics of tourism industry create the dynamics and complexity of migratory processes and trajectories of the workers in the tourism sector [Ohashi, 2019].

In Nha Trang, where the Russian language is an important component of the tourism amenity and hospitality, the Russian language is an important cultural capital for the Russian-speaking workers in the tourism sector. Russian-speakers move transnationally around the tourist enclaves for the Russians in the world to optimize their cultural capital, and this transnational mobility makes Nha Trang a part of the post-soviet space mediated by Russian-speaking tourism economy.

The social and political contexts of tourism phenomena are the structural and environmental factors that surround all of tourists, tourism industries and destinations and affect all of them. Not only the formation of images, emotions and information on tourist destinations, but government policies and business strategies are also affected much by the social and political situations. The social and political contexts are the major factors that affect the tourism phenomena rather than mere background.

Behind the phenomena, we could identify several different social and political factors, such as international political situations and special characteristics of the diplomatic and socioeconomic relationship between Vietnam and Russia or the former USSR, besides tourism marketing in narrow sense. Especially, various socioeconomic conditions and environments generated by the special relationship historically developed by Vietnam and Russia since the time of the Soviet Union have been closely related to the emergence of Russian speaking tourism economy in Nha Trang.

References

1. Aktas A., Cevirgen A., Toker B. Assessing Holiday Satisfaction of German and Russian Tourists Visiting Alanya. *Tourism and Hospitality Management*. Vol. 15, Issue 1. 2009. Pp. 1–12.
2. Jakosuo K. Russia and the Russian tourist in Finnish tourism strategies – the case of Karelian region. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. No. 24. 2011. Pp. 1003–1013. DOI: 10.1016/j.sbspro.2011.09.015.
3. Lertputtarak S., Lobo D., Yingyong T. Identification of the factors that impact Russian tourists in Thailand. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. No. 144. 2014. Pp. 133–142. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.07.282.
4. Matheson A., Wall G. *Tourism: Economic, Physical and Social Impacts*. London: Longman. 1982. 208 p. DOI: 10.1177/0047287583022001131.
5. Michaud J., Turner S. Reaching new heights: State legibility in Sa Pa, a Vietnam hill station. *Annals of Tourism Research*. No. 66. 2017. Pp. 37–48. DOI: 10.1016/j.annals.2017.05.014.
6. Mishukova D. Abdullah Cankaya: Vietnam-Russia tourism at a glance. *Business & Leisure*, 2017. Access mode: <http://business-leisure.ru/interview-pegas-touristik-vietnam/?lang=en&lang=en>.
7. Ohashi K. The Emergence of Russian Speaking Tourism Economy in Nha Trang, Vietnam: A Preliminary Study on the Social-Political Contexts. *Critical Issues for Sustainable Tourism Development in South East Asia*. Hanoi: Vietnam National University Press. 2017. Pp.95-103.
8. Ohashi K. Contemporary Development of “Socialist Mobilities”: Focusing on the Relations between Vietnam and the Former USSR/Russia. In K. Kurita (ed.) *Mobility and Migration*. Kyoto: Showa-do. 2018. Pp.89-113. (In Japanese).
9. Ohashi K. The Interpenetration of Migration and Tourism: The Case of Russian-speaking Tourism in Nha Trang, Vietnam. *RUDN Journal of Economics*. Vol. 27, No. 1. 2019. Pp.153–158. DOI: 10.22363/2313-2329-2019-27-1-153-158.
10. Pouille J. 250,000 Russian budget tourists hit Vietnam’s beaches. Costa del Cam Ranh. *Le Monde Diplomatique*. English edition, August 2014. Access mode: <http://mondediplo.com/2014/08/12russiavietnam>.
11. Suvilehto K., Borg P. Russian Tourists Visiting Finland. *Annals of Tourism Research*. Vol. 28, Issue 2. 2001. Pp. 500–503. DOI: 10.1016/S0160-7383(00)00037-2.
12. Tran L., Walter P. Ecotourism, gender and development in northern Vietnam. *Annals of Tourism Research*. Vol. 44. 2014. Pp. 116-130. DOI: 10.1016/j.annals.2013.09.005.
13. Var T. Tourism industry in Vietnam. *Annals of Tourism Research*. Vol. 21, Issue 2. 1994. Pp. 420–422. DOI: 10.1016/0160-7383(94)90064-7.

Bio note:

Kenichi Ohashi, PhD, Professor, Rikkyo University, Tokyo, Japan.

Contact Information: e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp, ORCID ID: 0000-0003-1836-1763.

Received on 08.07.2020; accepted for publication on 27.11.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

МИГРАЦИОННЫЕ ТРАЕКТОРИИ РУССКОЯЗЫЧНЫХ РАБОТНИКОВ В ТУРИСТИЧЕСКОМ СЕКТОРЕ НЯЧАНГА (ВЬЕТНАМ)

Охаси К.

Университет Рикке, Токио, Япония.

E-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp

Аннотация. Целью данной работы является исследование одного из аспектов структурного механизма Нячанга как постсоветского пространства путем изучения миграционных траекторий русскоязычных работников в туристическом секторе города. Основываясь на исследованиях, посвященных проблемам русскоязычных трудовых мигран-

тов, автор раскрывает транснациональную структуру социального пространства, опосредованного русским языком как культурным капиталом, и показывает важность экономики туризма для транснациональной мобильности русскоязычных мигрантов. Сложный социальный и политический контекст, исторически сложившийся в результате отношений между Вьетнамом и Россией или бывшим СССР, привел к появлению русскоязычной туристической экономики и туристического анклава в Нячанге, и Нячанг стал центром притяжения для русскоязычных мигрантов, которые демонстрируют различные формы мобильности, выходящие за рамки статичных концептуальных рамок «туризма» и «миграции». В этой статье исследуется связь между туризмом и миграцией и выявляются множественные промежуточные формы человеческой мобильности, чтобы способствовать более глубокому пониманию процесса возникновения русскоязычной экономики туризма в Нячанге, которая быстро развивалась в последнее десятилетие, исходя из социального и политического контекстов.

Ключевые слова: миграционные траектории, русскоязычная туристическая экономика, постсоветское пространство, Нячанг, Вьетнам.

Исследование проведено при поддержке JSPS KAKENHI, гранты № JP16K03237 и JP19K01209

Сведения об авторе:

Охаси Кэнити, доктор наук, профессор Университета Рикке, Токио, Япония.

Контактная информация: e-mail: ohashik@rikkyo.ac.jp, ORCID ID: 0000-0003-1836-1763.

Статья поступила в редакцию 08.07.2020; принята в печать 27.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

VIETNAMESE MIGRANT WOMEN WORKING ABROAD: RISKS AND CHALLENGES FOR ACCESSING SUPPORT SERVICES

Vu Thi Thanh

*Institute of Human Studies, Vietnam Academy of Social Sciences,
Ha Noi, Vietnam.*

E-mail: vuthanh0807@gmail.com

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.8

For citation: Vu Thi Thanh. Vietnamese migrant women working abroad: risks and challenges for accessing support services // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 71-78. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.8

Abstract. *Today Vietnam is a country with second largest number of migrant workers in Southeast Asia. Every year a great number of Vietnamese women migrate abroad by various ways for earning a living. They might experience many risks such as labor exploitation, violence and human trafficking. Basing on qualitative data collected from in-depth interviews and focus-group discussions with return women migrant workers and with provincial authority agencies in 5 provinces in Vietnam, the article reflects the risks faced by women migrant workers and their limitation of accessing help services during the time working overseas. The study also examines the ways that Vietnamese women migrate abroad. The survey proved that Vietnamese female migrant workers generally find illegal migration riskier, but easier and cheaper because it does not require a command of foreign languages, vocational skills or costly fees. Illegal migrants do not have to sign any contracts, so they can return home whenever they want. However, illegal women migrant workers experience various risks including being captured by the police, being unable to work freely and inability to access official migrant support services. The author argues that in order to increase the ability of women migrant workers to avoid risks and access support services when working abroad, it is necessary to strengthen communication channels, which would help people to know more about reliable services to send migrants to work overseas. Trainings and professional orientation workshops before departure should include more information about possible risks and the ways to find accessible support in Vietnam as well as in the destination countries.*

Keywords: *migration, women, migrant worker, Vietnam.*

A Brief Introduction of the Policies and Women Migrant Workers of Vietnam

Sending labor abroad is one of priorities for the economic development of Vietnam. The government of Vietnam has introduced various policies aimed at promoting sending labor overseas and protecting the interests of migrant workers when working abroad. Vietnam protects the legal rights and interests of migrants working overseas, as well as enterprises and non-business organizations that send workers abroad. The government also requests the authorities as well as labor supply agencies to organize training courses for migrant workers before sending them abroad. A decree issued by the government on overseas employment of Vietnamese workers and specialists [Decree No. 152/1999/ND-CP, 1999], has specified procedures and mechanisms to create favorable conditions for overseas employment of Vietnamese migrant workers. Particularly, migrant workers are required to be equipped with basic foreign languages skills, cultural knowledge of the country of destination, and vocational skills prior to migration to ensure the requirements of international labor markets. This is considered as the basis for the establishment of agencies that provide training services for migrant workers.

In 2006, Vietnam Law on Migrant Workers Working Abroad under Contract was adopted to cover all essential regulations on sending labor to foreign countries under one official legal document. Obligations of agencies, enterprises and non-profit organizations for sending laborers to work abroad are also specified in this Law, including the provision

of services to migrant workers prior and during migration. The chapter III of the Law clearly prescribes the rights of Vietnamese migrant workers, including the right to request information from private recruitment agencies and/or public employment agencies about the laws and policies of Vietnam and countries of destination; customs and practices of countries of destination; obligations of relevant parties in protecting Vietnamese migrant workers in the countries of destination; the right to transfer their income and personal belongings to Vietnam in accordance with Vietnamese laws and the laws of the country of destination; rights to receive counselling services such as information about recruitment process, fees, contract condition to effectively exercise their aforementioned rights as prescribed in their labor and internship contracts. The government has issued a decision detailing and guiding the implementation of a number of articles of the Vietnam Law on migrant workers working abroad under contract [Decree No. 126/2007/ND-CP, 2007], including the contents of support for laborers working overseas such as documents regulating job provision, support policies, documents on management and use of deposit, documents on appropriate forms of contract, etc. Also in 2007, the Ministry of Labour, Invalid and Social Affairs issued another decision regulating the state apparatus on sending workers abroad and the apparatus on training migrant workers with essential knowledge prior migration [Decision No. 19/2007/QĐ-BLĐTBXH, 2007]. Accordingly, the private recruitment agencies in addition to recruiting migrant workers, have to organize training courses providing necessary information on culture, identity, lifestyle, work style of destination countries; the basic contents related to the labor, criminal, civil and administrative laws of Vietnam and the country of destination; labor contracts; labor discipline, safety and hygiene; how to behave in work and life. The decision also has regulations on vocational skills and foreign languages training for migrant workers prior migration as requested by employers. Moreover, the private recruitment agencies have to coordinate with foreign parties in settling arising issues related to migrant workers during their time of working abroad under contracts; reporting and coordinating with overseas Vietnamese diplomatic and consular agencies to manage and protect the legitimate rights and interests.

Today Vietnam is a country with second largest number of migrant workers in Southeast Asia. According to the statistics from the Migration Department, there were more than 6,2 million Vietnamese people living outside Vietnam in 2015, and nearly 49% of them were female. The number of Vietnamese women who had migrated abroad increased considerably from 2,6 million in 2012 to nearly 3,1 million in 2015. Majority of female Vietnamese people go abroad at labor age (16-60 years old), commonly 20-49 years old. The review of Vietnamese migration abroad [Review..., 2012] reflects concerns about Vietnamese migrating abroad, including illegal migration, migrant smuggling, human trafficking, etc. This article examines the ways that Vietnamese women migrate abroad, the risks that they might experiences and their limitation in access to support when working overseas. The article is based on the data of the research mapping, and the assessment of the migration resource center model, and surveys that the author conducted in Vietnam for the UN Women and the ILO as a research consultant [Vietnam Migration Profile, 2017]. In particular, the article is based on findings from 15 in-depth interviews and 6 focus-group discussions conducted with return women migrant workers in 5 provinces (including Bac Ninh, Thanh Hoa, Phu Tho, Ha Tinh and Quang Ngai) in Vietnam in 2019.

The Ways of Migrating Abroad of Vietnamese Women Migrant Workers: Opportunities and Challenges

According to Vietnam Law on Migrant Workers Working Abroad Under Contract, Vietnamese people can migrate to work overseas under some types of contracts including: (i) employment contracts signed with private recruitment agencies providing overseas employment services, or with public employment agencies; (ii) labor contracts for sending workers abroad signed with contract-winning agencies in labor recruitment for labor migrants; (iii) contracts for sending workers abroad in the form of career skill development practice; (iv) individual contracts with enterprises at the country of destination. Nevertheless, it is found from the interviews with women migrant workers that there are some common ways for them to migrate overseas. The first is using services provided by public recruitment agencies, commonly by local Departments of Labor, Invalids and Social Affairs. However, it is difficult for many women to access the services of public recruitment agencies for many reasons. First, the information about the services and support measures for working abroad provided by public recruitment agencies is not easily accessible for everyone, especially for women who live in remote areas of the country. Second, many of them hesitate to use the services of public recruitment agencies because their procedures seem to be complicated and take much time. More importantly, people who want to go to work abroad via special government programs need to meet certain criteria: for example, have at least complete lower secondary education, good health conditions, pass a foreign language test or vocational skill assessment required by the programs. These requirements limit chances for migrating abroad through the government programs because of not meeting the required criteria.

In fact, the most common way by which women migrate abroad is through the services of private recruitment agencies or labor brokers. The private labor recruitment agencies make advertisements about labor migration in different areas of the country. They provide local people with more accessible services for going abroad for work. According to some participants of our survey, it is more convenient for them to use the information provided by such private labor recruitment agencies because of numerous communication channels and advertisements, for example, organizing seminars or counselling days in communes, hanging out posters and banners on the streets or in public places. The women using services of private labor recruitment agencies find it convenient and time saving because the agencies prepare migration-related documents for their service users. Nevertheless, the services of the private labor recruitment agencies are usually very costly and unaffordable for many women, especially those who live in poor areas. Unfortunately, some women are cheated by private labor recruitment agencies who receive money from potential migrants but do not arrange their successful migration abroad.

Notably, some women who could not find a job overseas through government programs because of having no information or not meeting the requirements, and women who cannot afford to pay for private labor recruitment services tried to go abroad by risky ways, including illegal migration. In this research, we analyzed interviews with women who migrated into labor importing countries such as China and Thailand for work illegally. They found illegal migration riskier, but easier and cheaper because it does not require a command of foreign languages, vocational skills or costly fees. Illegal migrants do not have to sign any contracts, so they can return home whenever they want. However, illegal women migrant workers experienced various risks including being captured by the police, being unable to work freely and inability to access official migrant support services in countries of destination.

Risks Experienced by Migrant Women Workers during Overseas Working Term

The common risk that some women migrant workers faced is labor exploitation. It is usually confronted by those who migrated abroad via private labor recruitment agencies. The common types of labor exploitation include not being paid as much as agreed in the contract, like in the examples as follows:

“Migrant workers often sign a labor contract which states the basic salary level; however, when working overseas, the salary level is different, for instance, extra working hours are not included in the payment.” (27 years old, Phu Tho province).

“In the signed labor contract, it was stated that my salary was 9 million dong but in fact, I did not get that salary.” (55 years old, Phu Tho province).

“The contract stated that my salary was 1,500 dollars per month but in fact, I was paid with only 1,000 dollars.” (36 years old, Phu Tho province).

According to the interviews with return women migrant workers, some of them had to work very long hours and overtime. A woman (36 years old) who used to work in Saudi Arabia said: *“The signed labor contract regulated that the migrant laborers would work 8 hours a day but in fact, we had to work for 15 – 16 hours a day.”*

Another risk that the migrant women workers face is violence, including mental and physical violence, as well as sexual harassment. Several women confided that they were treated badly, such as being insulted or scolded, even beaten. A woman who returned from Taiwan said:

“I was often scolded and beaten... I took care of a patient in a hospital. She asked me to go to buy some food for her and I had to come back within 30 minutes; however, I had to queue for a long time to buy food in the hospital shop. If I was late, I was beaten and left to starve.” (55 years old, Phu Tho province).

The woman also mentioned that some other Vietnamese migrant workers in Taiwan told her that they were beaten and were not allowed to eat by their employers.

Notably, some women migrant workers experienced domestic violence even when they lived separately from the household where they worked. As we know, there are various type of domestic violence (physical, sexual, mental and economic violence). The research found that some women suffered from mental violence caused by their husbands living in Vietnam. According to some interviewees, women migrant workers had to put up with the pressure from prejudices of Vietnamese people about female migrants, considering them as getting with adultery or sexual relation when living far away from their family. A woman (36 years old, Quang Ngai) who returned from South Korea said:

“People in our community think that women who migrate abroad for work will fall in love with other guys and have dates... My husband also thinks so. He phoned me every day suspecting and cursing me. He talked badly about me to many people in my commune. I was so sad and stressed, because he called and scolded me every day so much that I didn't want to pick up the phone when he called, because I couldn't bear it.”

None of the participants of the survey admitted that they faced sexual abuse, however, they reported sexual harassment to other Vietnamese women working abroad together with them. Some return women migrant worker told the stories of their friends who used to be sexually harassed by their male employers or robbers.

Women migrant workers are also at the risk of human trafficking. A woman in Bac Ninh province said that a member of her family was trafficked when migrating to Taiwan. A month after arriving in Taiwan, she was told by a stranger that she would work for another employer; however, after that she was taken to a brothel in the mainland in

China. She was imprisoned there and became a sex worker. After two years, she managed to escape from the brothel and found her way back to Vietnam.

Limitations in Access to Support Services for Women Migrant Workers

Although female labor migrants experienced various risks when working abroad, their access to support services was very limited. Most of them did not have an access to the psychological counseling services for releasing worries and stresses when working overseas. It was also difficult for them to find a support in the countries of destination. One of the reasons is that women migrant workers are not equipped with essential knowledge and skills to address with problems which arise when working abroad. When being asked what they did when facing risks, women migrant workers usually reported that they contacted the labor recruitment agencies which had sent them overseas or Vietnam's embassies in destination countries. They did not have much information about other support services in Vietnam or in destination countries.

Lacking information is a major cause of women migrant workers' limited access to support services. We found out that when preparing for migration abroad, women migrant workers are usually concerned more with economic issues (such as salary, working time, bonus) than possible risks and how to handle them. Hence, when experiencing risks, it is difficult for them to find help since they do not know enough about support services. A female migrant worker (29 years old, Quang Ngai province) who returned from South Korea recalled of difficulties when looking for help when another Vietnamese female worker was beaten and raped in the country. She said that they called the phone number that they had been given by their labor recruitment agency, however, they did not receive any help.

“When she called the recruitment agency, they did not send a staff to meet her, but gave her a contact number of an organization and told her that the organization could help, because there were Vietnamese people there. Then she called that number, but the call recipient spoke only Korean. She tried several times and finally a staff speaking Vietnamese answered her. However, after knowing that she was looking for help, that person began to speak to her in Korean... That organization did not want to help her and tried to avoid her.”

It appears that poor knowledge of foreign languages is a barrier preventing women migrant workers from using the support services of destination countries. In fact, when being exploited, violated or abused, women migrant workers usually contacted with labor brokers or private labor recruitment agencies who had sent them overseas. The common supports that the agencies supplied to the migrant workers are to negotiate with their employers about working time or salary, or arrange other jobs for them. In case they could not solve the problem, women migrant workers could be sent back to Vietnam. Nevertheless, we found out that coming back to Vietnam is not easy for some migrants. A woman (36 years, Phu Tho province) who returned from Saudi Arabia said that she could not tolerate bad treatment from her employer and asked the recruitment agency to terminate her contract and arrange her coming back to Vietnam. However, she was required to pay the agency 30 million Vietnamese dong because of breaking the contract. Her family in Vietnam had to borrow the money from their relatives to pay to the labor recruitment agency in order to arrange her return to Vietnam. As a consequence, her family got in debt when she came back to Vietnam because they had to get a credit loan to pay for her migration abroad and then to pay for her return. In fact, many women migrant workers did not receive any support from the agencies, so they had to put up with

financial inefficiency (they were paid less than it was agreed in their labor contracts) to continue their jobs.

When not being able to find any support overseas and solve their problems, some women asked for help from their family members in Vietnam who then reported about their situation to authority agencies in Vietnam asking for support. Nevertheless, according to a staff of the Social Worker Division in Vietnam (Phu Tho province), they experienced difficulties in giving support to women migrant workers on time because they sometimes could not contact the migrants directly and had to contact their family members instead. These might cause a delay in support or not having adequate information for providing the support that the migrant actually needs.

Conclusion

Women migrant workers face various risks during their overseas working terms, which commonly include labor exploitation and violence. Nevertheless, their access to support services overseas is limited. One of the reasons for it is that they do not know how to deal with the arising risks or where to seek resources for support. In addition, poor command of foreign languages is also a barrier for them to access support services overseas. In Vietnam, provision of support for overseas migrant workers who are at risks mainly relies on the information provided by family members of migrant workers. Hence, the support for women migrant workers overseas from competent agencies in Vietnam sometimes does not come on time.

Women migrant workers who faced risks overseas seldom asked for help from supports services in Vietnam or in their destination country; instead, they usually contacted labor recruitment agencies who had sent them oversea. Women also might not be able to access the counselling services when they have psychological problems. These might arise from their lack of information about support services which are available, accessible and reliable for women migrant workers.

In order to increase the ability of women migrant workers to avoid risks and access support services when working abroad, it is necessary to strengthen communication channels (such as loudspeakers in communes/villages, bulletins on labor dispatch, informing about safe ways of migration on TV channels) which are accessible for women, especially those who live in poor or remote areas of the country, which would help people to know more about reliable services to send migrants to work overseas. Trainings and professional orientation workshops before departure should include more information about possible risks and the ways to find accessible support in Vietnam as well as in the destination countries of women migrant workers.

References

1. Review of Vietnamese Migration Abroad. Consular Department, Ministry of Foreign Affairs of Vietnam. Ha Noi, Vietnam, 2012. 76 p. Access mode: https://eeas.europa.eu/archives/delegations/vietnam/documents/eu_vietnam/vn_migration_abroad_en.pdf.
2. Vietnam Migration Profile 2016. International Organization for Migration. Ha Noi, Vietnam, 2017. 96 p. Access mode: https://vietnam.iom.int/sites/default/files/IOM_Files/Migration_Data_Reports/VN_Migration_Profile_2016.pdf.
3. Decision No. 19/2007/QĐ-BLĐTБXH, dated 18 July 2007, of the Minister of MOLISA, on the promulgation of “the regulation on the organization of the system for placement of workers on overseas employment and the specialized system of essential supplemental training for workers prior to overseas employment.” Access mode: <https://vanbanphapluat.co/decision-19-2007-qd-bldtbxh->

essentialsupplemental-training-workers-prior-to-overseas-employment.

4. Law on Vietnamese Guest Workers No. 72/2006/QH11. Vietnam National Assembly, 2006. Official Gazette – The English Translation of Công Báo, 2007-05, Issue Nos. 09-10. Pp. 4-33. Access mode: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_isn=91702&p_lang=en.

5. Decree No. 152/1999/ND-CP on overseas employment of Vietnamese workers and specialists. Vietnam's Government, 1999. Cong Bao [English translation], 1999-10-31, No. 40. Pp. 8-15. Access mode: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_isn=56205&p_lang=en.

6. Decree No. 126/2007/ND-CP detailing and guiding the implementation of a number of articles of the law on Vietnamese laborers to work abroad under the contracts. Vietnam's Government, 2007. Access mode: <https://vanbanphapluat.co/decree-no-126-2007-nd-cp-detailing-and-guiding-the-implementation-of-a-number>.

Bio note:

Vu Thi Thanh, PhD, Institute of Human Studies, Vietnam Academy of Social Sciences, Ha Noi, Vietnam.

Contact information: e-mail: vuthanh0807@gmail.com.

Received on 02.08.2020; accepted for publication on 15.11.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

ВЬЕТНАМСКИЕ ЖЕНЩИНЫ-МИГРАНТЫ, РАБОТАЮЩИЕ ЗА ГРАНИЦЕЙ: РИСКИ И ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА К СЛУЖБАМ ПОДДЕРЖКИ

Тхи Тхань Ву

*Институт гуманитарных исследований,
Вьетнамская академия общественных наук,
Ханой, Вьетнам.*

E-mail: vuthanh0807@gmail.com

Аннотация. *Сегодня Вьетнам – это вторая страна в Юго-Восточной Азии по числу отправляемых ей за границу рабочих-мигрантов. В том числе ежегодно большое количество вьетнамских женщин мигрируют за границу различными способами, чтобы заработать себе на жизнь. Они могут столкнуться со многими рисками, такими как трудовая эксплуатация, насилие и торговля людьми. Основываясь на качественных данных, собранных в ходе глубинных интервью и обсуждений в фокус-группах с вернувшимися на родину женщинами-мигрантами, а также с местными органами власти в пяти провинциях Вьетнама, в статье отражены риски, с которыми сталкиваются трудящиеся женщины-мигранты, и проблемы ограничения их доступа к службам помощи мигрантам во время работы за границей. В работе также рассматриваются способы миграции вьетнамских женщин за границу. Исследование показало, что женщины, выезжающие из Вьетнама с целью трудоустройства, обычно считают нелегальную миграцию более рискованной, но более простой и дешевой, поскольку для этого не требуются владение иностранными языками, профессиональные навыки или дорогостоящие сборы. Незаконным мигрантам не нужно подписывать никаких контрактов, поэтому они могут вернуться домой, когда захотят. Однако нелегальные трудовые мигрантки сталкиваются с различными рисками, включая задержание полицией, невозможность работать свободно и ограниченность доступа к официальным службам поддержки мигрантов. Автор доказывает, что для повышения способности трудящихся женщин-мигрантов избежать этих рисков и улучшения их доступа к службам поддержки во время работы за границей необходимо укреплять каналы коммуникации, которые помогли бы им узнать больше о надежных услугах по трудоустройству в других странах. Тренинги и семинары по профессиональной ориентации перед отъездом должны включать дополнительную информацию о возможных рисках и способах получения доступной поддержки во Вьетнаме, а также в странах назначения.*

Ключевые слова: миграция, женщины, трудовые мигранты, Вьетнам.

Сведения об авторе:

Тхи Тхань Ву, доктор наук, Институт гуманитарных исследований Вьетнамской академии общественных наук, Ханой, Вьетнам.

Контактная информация: e-mail: vuthanh0807@gmail.com

Статья поступила в редакцию 02.08.2020; принята в печать 15.11.2020.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

РОЛЬ ТРУДОВОЙ ЭМИГРАЦИИ В РАЗВИТИИ РЫНКА ТРУДА СОГДИЙСКОЙ ОБЛАСТИ ТАДЖИКИСТАНА

Ризокулов Т. Р.,

*Таджикский государственный университет права,
бизнеса и политики, Худжанд, Таджикистан.*

E-mail: t_rizokulov@mail.ru,

Акрамов Ш. Ю.,

*Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия.*

E-mail: sharif_akram@mail.ru,

Абдуллоева А. Т.,

*Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики,
Худжанд, Таджикистан.*

E-mail: adolatchon.abdulloeva@mail.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.9

Ссылка для цитирования: Ризокулов Т.Р., Акрамов Ш.Ю., Абдуллоева А.Т. Роль трудовой эмиграции в развитии рынка труда Согдийской Области Таджикистана // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 79–86. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.9

Аннотация. В статье обоснована объективность миграционных процессов в мировом масштабе, рассмотрены тенденции их развития. Изучены применяемые в развитых странах особые подходы по вопросам регулирования миграции в современных условиях. Аргументированы последствия рыночных реформ на региональном рынке труда в отечественной экономике, а также проанализированы предложение и спрос на трудовые ресурсы на региональном рынке труда и выявлены проблемы, в частности – низкие доходы и недостаточно высокая квалификация работников, негативно влияющие на развитие рынка труда в регионах Республики Таджикистан, в том числе в Согдийской области. Авторами был рассчитан коэффициент миграционной компенсации для районов Согдийской области Республики Таджикистан. Охарактеризована роль внешней миграции в развитии экономики региона и сформулированы выводы об общих тенденциях воздействия внешней миграции на развитие регионального рынка труда на примере Согдийской области Республики Таджикистан. Интерпретация данных позволила сформулировать авторам следующие выводы: трудовая миграция практически во всех районах Согдийской области превышает естественный прирост населения. При этом тенденция к ее росту еще сохраняется: в частности, в г. Истиклол она приняла такие масштабы, что возникает угроза полного оттока населения и опустошения района. Подобное положение объясняется тем, что найти приемлемые рабочие места в данном районе крайне сложно, его жителям проще отправиться на заработки за пределы страны. Относительно стабильный рост населения демонстрирует только Горноматчинский район, где уровень трудовой миграции гораздо меньше естественного прироста населения.

Ключевые слова: миграция, рынок труда, глобализационные процессы, мигрантопринимающие страны, трудоизбыточные регионы, сбалансированная занятость, региональный рынок труда, предложение и спрос на трудовые ресурсы, коэффициент миграционной компенсации.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01153А

Введение

Историей мировой экономики доказано, что миграция является неотъемлемым спутником развития человеческой цивилизации. В последние годы, в связи

с ростом информатизации общества и усилением воздействия глобализационных процессов, в странах, принимающих мигрантов, постепенно увеличивается спрос на высококвалифицированные кадры, и это придает новое качество вопросу о регулировании миграционных процессов. Это объяснимо многими аргументами, в частности, следующим – профессиональные кадры являются стратегическим фактором устойчивого развития, что создает благоприятные предпосылки для повышения мобильности высококвалифицированной рабочей силы. В этом контексте в современной литературе обозначено: «Благодаря процессам глобализации высокообразованные талантливые люди получили невиданные прежде возможности беспрепятственного передвижения по миру. Они реально стали частью новой глобальной экономики. Страны конкурируют между собой за таких мигрантов, для них разрабатываются специальные каналы иммиграции, предлагаются разного рода стимулы, от преференций в получении гражданства до налоговых льгот» [Ивахнюк, 2016]. Такой подход наиболее развит в передовых в экономическом плане странах, особенно в Японии, США и ряде государств Европы. Например, в Японии используются различные программы: специальное стимулирование иностранных ученых и инженеров в сфере информационных технологий (с помощью грантов и других средств), а также выдаются стипендии или ссуды одаренным иностранным студентам для привлечения их со всего земного шара.

В США созданы специальные фонды и программы, которые предназначены для привлечения в американскую экономику посредством денежного вознаграждения наиболее талантливых иностранных инженеров, ученых и молодых специалистов со всего мира.

В некоторых европейских странах, таких как Дания, Германия, Нидерланды, Великобритания, Ирландия, Испания, Норвегия и Греция, действует ускоренная процедура выдачи иностранным ученым виз и разрешений на работу. Учитывая подобный разнообразный подход, имеющий место в мировом миграционном процессе, таджикским мигрантам в будущем следует принять меры, чтобы быть востребованными на рынке труда стран мира, принимающих мигрантов. В этом контексте в первую очередь требуются повышение квалификации, рост профессиональных навыков в различных областях хозяйственной деятельности. На наш взгляд, такой подход будет главной прерогативой в подготовке кадров на национальном рынке труда. Однако сегодня при регулировании внешней трудовой миграции обращается мало внимания на эти вопросы, что является серьезным упущением. Предполагаем, что в будущем, по объективным причинам, эти вопросы найдут свое решение, поскольку все трудовые ресурсы постараются быть конкурентоспособными и востребованными как на национальном, так и на внешнем рынке труда [Бекашев, 2016].

Материалы и методы исследования

В современной экономической науке и практике разработаны и используются методики оценки социально-экономического вклада миграции в развитие региона. В рамках данной работы использованы методы сравнения, сопоставления, диалектической логики. Для определения степени воздействия внешней трудовой миграции на развитие рынка труда использован коэффициент миграционной компенсации. Этот коэффициент представляет собой соотношение миграционного прироста к значению естественной убыли (приросту) населения [Панькин, 2018].

Сравнения, сопоставление и расчет исследуемых показателей осуществлены на

основе опубликованных данных Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан в Согдийской области.

Результаты и обсуждение

Сегодня проблема соотношения демографических показателей и уровня развития производительных сил на отечественном рынке труда имеет резко выраженный региональный характер, что проявляется в трудоизбыточности из-за несбалансированности взаимосвязей между такими явлениями, как «демографическая ситуация», «спрос на рабочую силу», «создание рабочих мест». Излишки трудовых ресурсов в этом контексте приводят к тому, что дешевая рабочая сила становится невостребованной внутри страны и движется в другие страны ради получения рабочих мест. В то же время недостаток рабочей силы в отдельных зарубежных странах вынуждает производителей искать ей замену с целью расширения производства, в результате чего оказывается задействованной и иностранная рабочая сила [Рынок труда... 2018].

В республике в целом, а также во всех ее административно-хозяйственных единицах становление рыночной экономики привело к ликвидации бесперспективных хозяйств, расформированию многих министерств и ведомств, закрытию ряда нерентабельных предприятий и к ускоренному развитию негосударственного сектора во всех регионах страны. Изменение форм и видов собственности, появление новых субъектов хозяйствования сопровождаются перераспределением рабочей силы, главным образом из госсектора в негосударственную сферу деятельности. При этом часть работников оказывается вытесненной из экономики, другими словами, попадает в число безработных, являющихся неотъемлемым атрибутом рыночного хозяйствования. В этом контексте необходимо поддерживать сбалансированную занятость в масштабе всей страны, в частности – по областям и районам, в городской и сельской местности.

Экономическая реформа, проводимая в стране, наряду с трансформацией форм собственности и структурной перестройкой производства, привела к формированию ряда проблем, связанных со значительными структурными сдвигами в занятости населения.

В настоящее время произошла утечка кадров из промышленности, строительства, транспорта, сельского хозяйства и других отраслей национальной экономики в товарно-посредническую деятельность. Так, в 2017 г. по сравнению с 2001 г. среднегодовая численность занятых в промышленности сократилась на 29 тыс. человек, в сельском хозяйстве – на 253 тыс. человек¹.

Как показывают данные таблицы 1, для Согдийской области Республики Таджикистан характерна проблема превышения предложения рабочей силы над спросом на нее. Только в последние 5 лет излишки трудовых ресурсов увеличились на 11,5%, в то время как потребность предприятий в работниках имеет нестабильную динамику и за этот же период сократилась на 20,5%.

¹ Статистический ежегодник Согдийской области (Статистический сборник). Худжанд: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан в Согдийской области, 2018. С. 70–80.

Таблица 1

**Соотношение предложения и спроса на трудовые ресурсы
в Согдийской области, 2010–2017 гг.**

Table 1

The ratio of supply and demand for labor resources in Sughd region

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Трудовые ресурсы, всего (тыс. чел.)	1387,0	1403,1	1434,8	1464,0	1491,6	1521,4	1569,5	1598,7
в % к пред. году	-	101,2	102,0	103,9	101,9	102,0	103,1	101,8
Занятое население	771,1	774,7	774,5	791,5	804,8	798,7	802,0	797,5
в % к пред. году	-	100,5	99,97	102,2	101,7	99,2	100,4	99,4
Заявленная предприятиями потребность в работниках (человек)	3029	2881	3614	3113	2728	2220	2019	2407
Превышение трудовых ресурсов над потребностями (тыс. чел.)	1384,0	1400,3	1431,2	1460,9	1488,9	1519,2	1567,5	1596,3
в % к пред. году	-	101,2	102,2	102,1	101,9	102,0	103,2	101,9

Источник: Статистический ежегодник Согдийской области.

Согласно представленным в таблице 1 данным, в последние пять лет численность трудовых ресурсов увеличивается в 2–3 раза быстрее, чем численность занятого населения. Из этого следует, что ежегодно более половины вступающей в работоспособный возраст молодежи не имеют возможности найти себе работу на территории Согдийской области и вынуждены будут отправиться на заработки за границу. Таким образом, анализ показывает, что предложение рабочих-мигрантов Республикой Таджикистан будет ежегодно увеличиваться, по крайней мере более чем на 1%, поскольку рост численности трудовых ресурсов в регионе больше, чем создаваемых рабочих мест.

Такое положение является источником социально-экономических проблем, которые постепенно препятствуют развитию экономики отдельного региона и страны, в целом. Например, получение достаточно высоких и стабильных доходов в регионе в условиях трудоизбыточности не представляется возможным. Низкие доходы не способствуют получению новым поколением образования и хорошей квалификации. Снижается уровень образованности, работники оказываются неспособными выполнять наукоемкую деятельность. Способом решения проблемы занятости в регионе является внешняя трудовая миграция населения, то есть перемещение излишков трудовых ресурсов в трудодефицитные страны для того, чтобы выжить и обеспечить себя материальными средствами.

На наш взгляд, влияние миграции на рынок труда следует рассматривать в двух ракурсах: на основе соотношения доли трудовых мигрантов и общей численности населения, а также на основе вычисления коэффициента миграционной компенсации для отдельных районов Согдийской области.

В 2017 г. население Согдийской области насчитывало 2 608 человек, в том же году, по официальным данным Управления государственной службы по надзору в сфере труда, миграции и занятости населения по Согдийской области Республики Таджикистан, численность граждан, выехавших на заработки за рубеж, составила

137 181 человека, из которых 116 573 – мужчины, а 20 608 – женщины². Число трудовых мигрантов составляет 5,3% от общей численности населения, или 17,2% от числа занятых в экономике, то есть миграция ощутимо влияет на содержание отечественного рынка труда.

Был рассчитан коэффициент миграционной компенсации для районов Согдийской области Республики Таджикистан (см. табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент миграционной компенсации для районов Согдийской области Республики Таджикистан

Table 2

Migration compensation coefficient for districts of Sughd region of the Republic of Tajikistan

Районы Согдийской области	2015			2016			2017		
	Естественный прирост населения, чел.	Миграционный прирост, чел.	Коэффициент миграционной компенсации	Естественный прирост населения, чел.	Миграционный прирост, чел.	Коэффициент миграционной компенсации	Естественный прирост населения, чел.	Миграционный прирост, чел.	Коэффициент миграционной компенсации
Аштский р-н	3995	10 872	2,7	3283	8119	2,5	3373	8096	2,4
Айнинский р-н	1849	2727	1,5	1691	3051	1,8	1670	2866	1,7
Бабаджангафуровский р-н	8039		1,8	6613	15 683	2,4	6723	15 522	2,3
Деваштинский р-н	4141	10 094	2,4	3727	10 759	2,9	3749	10 540	2,8
Зафарабадский р-н	1621	3541	2,2	1521	4321	2,8	1516	3982	2,6
г. Истиклол	260	636	2,4	213	1363	6,4	201	1415	7,0
Истаравшанский р-н	6123	10 558	1,7	5565	11 168	2,0	5384	10 965	2,3
Исфаринский р-н	5322	13 451	2,5	4889	14 718	3,0	4779	14 779	3,1
Канибадамский р-н	3859	6521	4,3	3299	15 581	4,7	3278	16 171	4,9
Горноматчинский р-н	566	40	0,07	606	45	0,07	545	35	0,6
г. Гулистон	902	1760	1,9	771	2870	3,7	716	2525	3,5
Матчинский р-н	3337	4271	1,3	3233	4336	1,3	3138	4024	1,3
Пенджикентский р-н	6941	11 496	1,6	6306	11 128	1,8	6423	10 788	1,7
Спитаменский р-н	3074	10 443	3,4	2793	9885	3,5	2578	9745	3,8
г. Худжанд	3149	8996	2,8	3097	11 457	3,7	2785	10 401	3,7
Шахристанский р-н	1055	888	0,8	979	1482	1,5	1037	1320	1,3
Джабборрасуловский р-н	2869	11 014	3,8	2773	9232	3,3	2413	9340	3,9
Г. Бустон	613	1428	2,3	665	1983	3,0	478	1875	3,9
Всего по области	57 715	133 155	2,3	52 024	137 181	2,6	50 832	134 389	2,6

Источник: Статистический ежегодник Согдийской области.

Данные таблицы 2 демонстрируют, что трудовая миграция практически во всех районах Согдийской области Республики Таджикистан превышает естественный прирост населения. При этом тенденция к ее росту еще сохраняется: в частности, в г. Истиклол она приняла такие масштабы, что возникает угроза полного оттока на-

² Статистический ежегодник Согдийской области (Статистический сборник). Худжанд: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан в Согдийской области, 2018. С. 65–76.

селения и опустошения района. Подобное положение объясняется тем, что найти приемлемые рабочие места в данном районе крайне сложно, его жителям проще отправиться на заработки за пределы страны. Относительно стабильный рост населения демонстрирует только Горноматчинский район, где уровень трудовой миграции гораздо меньше естественного прироста населения.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что трудовая миграция, учитывая ее масштабы, оказывает существенное влияние на процесс развития регионального рынка труда в национальной экономике Таджикистана, поскольку трудовая миграция, являясь формой занятости населения, становится источником формирования доходов населения. Разумеется, доходы населения в свою очередь становятся фактором, определяющим их предельную склонность к потреблению, сбережению и инвестиционной активности. В годы суверенитета в целом и в экономике Согдийской области в частности трудовая миграция постепенно преобразовалась в отдельный обособленный «сектор», обеспечивающий трудовые ресурсы рабочими местами. Одновременно с этим трудовая миграция оказывает прямое воздействие на структуру рабочей силы в аспекте определения востребованности профессий рабочей силы и их квалификации.

Внешняя трудовая миграция сегодня, как и в стране в целом, так и в регионах, является одним из механизмов снижения напряжения в сфере занятости трудоизбыточного региона Согдийской области.

Список литературы

1. *Бекяшев Д.К.* Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции. Монография: Д.К. Бекяшев. – М.: Проспект, 2016. – 837 с.
2. *Ивахнюк И.* Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Интелпрос. Век глобализации. 2016. №1-2. С.10.
3. *Панькин П.В.* Влияние трудовой миграции на рынок труда Липецкой области и целевые ориентиры его развития // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6. DOI: 10.24158/tpog.2018.6.10
4. Рынок труда в Республике Таджикистан. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2018. 236 с.

Сведения об авторах:

Ризокулов Туракул Рабимкулович, доктор экономических наук, профессор, проректор по науке и инновационному развитию, Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики, Худжанд, Таджикистан.

Контактная информация: e-mail: t_rizokulov@mail.ru

Акрамов Шариф Юлдашевич, кандидат экономических наук, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sharif_akram@mail.ru

Абдуллоева Адолатжон Толибджоновна, старший преподаватель, Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики, Худжанд, Таджикистан.

Контактная информация: e-mail: adolatchon.abdulloeva@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.08.2020; принята в печать 12.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

THE ROLE OF LABOR EMIGRATION IN THE DEVELOPMENT OF THE LABOR MARKET IN THE SOGD REGION OF TAJIKISTAN

Turakul R. Rizokulov,

Tajik State University of Law, Business and Policy, Khujand, Tajikistan.

E-mail: t_rizokulov@mail.ru

Sharif Y. Akramov,

Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russia.

E-mail: sharif_akram@mail.ru

Adolatjon T. Abdulloeva,

Tajik State University of Law, Business and Policy, Khujand, Tajikistan.

E-mail: adolatchon.abdulloeva@mail.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.9

For citation: Turakul R. Rizokulov, Sharif Y. Akramov, Adolatjon T. Abdulloeva. The role of labor emigration in the development of the labor market of the Sughd Region of Tajikistan // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 79–86. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.9

Abstract. The article substantiates the objectivity of migration processes on a global scale, examines the trends of their development. The special approaches applied in developed countries to the issues of migration regulation in modern conditions have been studied. The consequences of market reforms on the regional labor market in the domestic economy are argued. The supply and demand for labor resources in the regional labor market are analyzed and problems are identified, in particular, low incomes and insufficiently high qualifications of workers negatively affect the development of the labor market in the regions of the Republic of Tajikistan, in particular, in the Sughd region. The authors calculated the coefficient of migration compensation for the districts of the Sughd region of the Republic of Tajikistan. The role of external migration in the development of the regional economy is characterized and conclusions are formulated about the general trends in the impact of external migration on the development of the regional labor market on the example of the Sughd region of the Republic of Tajikistan.

Keywords: migration, labor market, globalization processes, migrant-receiving countries, labor-surplus regions, balanced employment, regional labor market, supply and demand for labor resources, migration compensation coefficient.

The reported study was funded by RFBR according to the research project No 18-011-01153A.

References

1. Bekyashev D.K. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vyzhdennoj i trudovoj migracii [International legal regulation of forced and labor migration]. Monograph: D.K. Bekyashev. M.: Prospect, 2016. 837 p. (in Russ.)
2. Ivahnyuk I. Development of migration theory in the context of globalization. *Intelros*. The age of globalization. 2016. No 1–2. P. 10. (in Russ.)
3. Labor market in the Republic of Tajikistan [The labour market in the Republic of Tajikistan]. – Dushanbe: Agentstvo po statistike pri Prezidente Respubliki Tadjikistan, 2018. – 236 p. (in Russ.)
4. Pan'kin P.V. The impact of labor migration on the labor market in the Lipetsk region and its development targets. *Theory and practise of social development*. 2018. No 6. DOI: 10.24158/tipor.2018.6.10 (in Russ.)

Bio note:

Turakul R. Rizokulov, Doctor of Economics, Professor, Vice-Rector for Science and Innovative Development, Tajik State University of Law, Business and Politics, Khujand, Tajikistan.

Contact information: e-mail: t_rizokulov@mail.ru.

Sharif Y. Akramov, Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, Institute For Demographic Research of The Federal Center of Theoretical And Applied Sociology of The Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sharif_akram@mail.ru; RSCI Author ID: 256478; Scopus ID: 57192987864; Web of Science Researcher ID: F-5579-2018.

Adolatjon T. Abdulloeva, Lecturer, Tajik State University of Law, Business and Politics, Khujand, Tajikistan.

Contact information: e-mail: adolatchon.abdulloeva@mail.ru.

Received on 27.08.2020; accepted for publication on 12.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

ИММИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

Морозова Н. М.,

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.*

E-mail: 4379037@gmail.com

Алымова А. Г.,

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.*

E-mail: arinaag9912@mail.ru

Яковлева Е. С.

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.*

E-mail: elenayakovleva99@yandex.ru^c

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.10

Ссылка для цитирования: Морозова Н.М., Алымова А.Г., Яковлева Е.С. Иммиграция и миграционная политика в странах Северной Европы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 87–96. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.10

Аннотация. Одной из особенностей современной системы международных отношений в контексте усиления глобализации выступают интенсификация миграционных процессов, усложнение структуры миграционных потоков. По сравнению с миграционным кризисом, случившимся в странах Центральной Европы, ситуация в Северной Европе выглядит несколько оптимистичнее. Тем не менее, как показывают данные официальной статистики, число прибывающих мигрантов увеличивается с каждым годом, что создает дополнительную нагрузку на социальные институты общества, усиливает напряженность. Еще одной проблемой становится образование национальных анклавов на территории стран-реципиентов. Для исследования были выбраны страны, входящие в регион Северной Европы: Дания, Швеция, Исландия, Норвегия, Финляндия. Данные государства входят в рейтинг «самых счастливых» стран и привлекают мигрантов высоким уровнем жизни. Но их географическое положение делает их чуть менее привлекательными, чем страны Центральной Европы. Анализ мероприятий, осуществляемых в рамках миграционной политики, показывает, что государства Северной Европы реализуют разные подходы к решению миграционного вопроса. Наиболее жесткую модель миграционной политики демонстрируют Дания и Норвегия, наиболее мягкую – Швеция и Финляндия. Исландия, в силу своего географического положения, в меньшей степени сталкивается с проблемами в области миграции и демонстрирует весьма лояльную политику в отношении мигрантов. Скандинавские страны долгое время находились перед выбором: с одной стороны, существовала и продолжает сохраняться потребность в рабочей силе, с другой – приток огромного количества мигрантов является угрозой стабильности государства. Миграционный кризис в Европе, достигший своего пика в 2015 г., вынудил страны с «мягким» миграционным законодательством принимать меры в сторону ужесточения контроля над миграционными потоками.

Ключевые слова: миграция, Северная Европа, Дания, Швеция, Исландия, Норвегия, Финляндия.

Введение

Феномен миграции представляется одной из ключевых характеристик современного мира, развивающийся под влиянием глобализационных процессов. Авторы статьи фокусируют внимание на миграционной ситуации в регионе Северной Европы. На протяжении второй половины XX и в начале XXI в. страны данного региона стали центрами притяжения иммигрантов благодаря высоким темпам развития экономики и привлекательной системе социального обеспечения. Статистические данные, характеризующие современные миграционные процессы на европейском пространстве, наглядно демонстрируют устойчивый интерес мигрантов к странам Северной Европы. По международным базам данных сайта FactsMaps.com, к 2050 г. население Норвегии должно увеличиться на 19,98%, Швеции – на 21,21%, а Исландии – на 21,49%¹.

Скандинавские страны имеют самые лучшие социальные программы в Европе [Большакова 2010], что подтверждается исследованием «World Happiness Report», которое проводится ежегодно с 2012 г. Дания, Финляндия, Швеция, Исландия, Норвегия занимают лидирующие позиции среди «самых счастливых стран».

Проблемы миграции в Северной Европе вызывают пристальный интерес среди исследователей. Так, вопросы адаптации иммигрантов нашли отражение в работах Г.А. Большакова [Большаков, 2013: 226], А.С. Матвеевской [Денисенко и др., 2003], О.В. Чернышовой [Чернышова, 2007: 318]. Вопросам эволюции миграционного законодательства посвящены работы М.Б. Денисенко [Денисенко, 2003], Н.С. Плевако [Плевако, 2011: 240], Д.В. Михеева и др. Проблемам влияния миграционного кризиса, разворачивающегося в Европе, посвящены работы Д.В. Михеева [Михеев, 2017: 114], Т.Г. Хришкевича [Хришкевич, 2017: 145].

Методология

В качестве цели исследования был определен анализ особенностей современной миграционной ситуации в странах Северной Европы и выявление напряжений в данной области общественных взаимодействий.

Интерес к данной проблеме обоснован интенсификацией миграционных процессов в современном мире, что порождает специфику в осуществлении национальной политики того или иного государства, регламентирующей вопросы пересечения мигрантом государственной границы, его правовой статус на территории государства, определяющей механизмы интеграции в принимающее общество и т.д. Страны Северной Европы, отличаясь высоким уровнем жизни, включены в сферу активных миграционных перемещений, что вызывает необходимость анализа специфики складывающейся обстановки, включая анализ структуры миграционных потоков, причин возникновения конфликтов, проблем интеграции (или адаптации) мигрантов, их отношений с представителями принимающего общества и т.д. Исходя из вышесказанного, в рамках данной работы был определен круг исследовательских задач: анализ структуры и динамики миграционных потоков в указанных странах за последние годы и анализ деятельности органов власти в ответ на увеличение количества мигрантов.

В своем исследовании авторы основываются на принципах системного подхо-

¹ Projected Population Change in European Countries, 2017 to 2050 // *FactsMaps* [site]. URL: <https://factsmaps.com/projected-population-change-european-countries-2017-2050/> (дата обращения: 10.08.2020)

да, позволяющего, во-первых, комплексно рассматривать миграционную ситуацию в выбранных странах, во-вторых – учитывать влияние внешних факторов, стимулирующих приток мигрантов.

Данные официальной статистики и нормативно-правовые акты в области регулирования миграционных потоков Дании, Швеции, Финляндии, Исландии, Норвегии составили основные источники, на которые опирались авторы в процессе анализа.

Результаты и обсуждение

Дания. В настоящее время иммигранты и их потомки составляют 10% от общей численности населения. Официальная статистика Дании включает иммигрантов и их потомков в категорию «иностранцев», независимо от их гражданства.

В последние годы страна испытывает явную нехватку высоко- и низкоквалифицированной рабочей силы, что, по прогнозу экспертов, негативно скажется на прямых инвестициях в страну. По заказу министерства финансов было проведено исследование относительно того, какой экономический эффект могла бы принести либерализация миграционного законодательства. Оказалось, что из-за его чрезмерной жесткости государственный бюджет ежегодно недосчитывается около 3 млрд евро, которые могли бы поступить в него в виде налогов от работающих мигрантов.

Вместе с тем, по данным Министерства финансов Дании, иммиграция из стран третьего мира стоит датскому казначейству более 30 млрд датских крон, или 4 млрд евро в год², что стимулирует ужесточение миграционной политики. «Новая политика в отношении иностранцев» направлена, во-первых, на ограничение числа иностранцев, прибывающих в Данию, и ужесточение требований к их финансово-экономическим возможностям (они не должны превратиться в дополнительное бремя для системы социального обеспечения страны); во-вторых – на ускорение интеграции иностранцев, уже проживающих в стране.

В феврале 2019 г. Парламент Дании (фолькетинг) принял пакет законов, который предусматривает ряд мер по ужесточению миграционной политики. В соответствии с новыми законами уменьшился размер пособий для мигрантов, вводятся ограничения на число воссоединяющихся с семьей. Вид на жительство станет временным, упрощается процедура его отзыва.

По мнению Фрэнсиса Фукуямы, растущее число мигрантов в Дании может стать причиной социальных и политических кризисов³. Молодежные банды, торговля наркотиками, организованная бандами, насильственные нападения вызвали общественную тревогу. Даже несмотря на строгие ограничительные меры со стороны правительства уровень преступности среди мигрантов выше среднего по стране более чем на 70%, а количество преступлений сексуального характера, наряду со Швецией, – самый большой в Европе⁴. Несмотря на то, что Дания демонстрирует наиболее эффективную модель управления миграционной политикой, прибегая к жесткому

² Seneste nyt fra Finansministeriet [Electronic resource] // *Finansministeriet* [site]. URL: <https://www.fm.dk/nyheder/pressemeddelelser/2019/09/kommunerne-faar-2-komma-2-mia-mere-tilvelfaerd-i-2020>

³ Heeger T., Fukuyama F. Voksende antal indvandrere i Danmark kan udløse sociale og politiske kriser [Electronic resource] // *Berlingske* [site]. URL: <https://www.berlingske.dk/debatinterview/francisk-fukuyama-voksende-antal-indvandrere-i-danmark-kan-udloese>

⁴ Denmark Statistical Yearbook 2017 [Electronic resource] // *Statistics Denmark* [site]. URL: <https://www.dst.dk/en/Statistik/Publikationer/VisPub?cid=22257>

контролю над миграцией, правительство использует провокационные методы борьбы с миграционными потоками, начиная с манипуляций через СМИ, заканчивая принятием нормативно-правовых актов, которые граничат с нарушением прав человека. Это ведет к формированию в среде датского общества ксенофобии и расистских настроений.

Финляндия. На протяжении долго времени Финляндия считалась страной эмиграции, однако за последние 19 лет, благодаря привлекательным социально-экономическим показателям (высокоразвитой инфраструктуре, качественному образованию, скорости в освоении новых технологий и благоприятному для бизнеса деловому климату), она стала одной из наиболее привлекательных стран для иммиграции. С начала 2000-х гг. число мигрантов с 0,5% возросло до 4% от общего количества населения (5,5 млн чел.) [9].

Кроме того, в обеспечении конкурентоспособности Финляндии важными являются и такие факторы, как уровень политической стабильности, признание равноправия полов, взаимодействие между предприятиями, научно-техническими центрами и университетами.

Состав мигрантов, проживающих на территории государства, неоднороден, переселенцы расселены по территории неравномерно. По данным Центра официальной статистики Финляндии, мигранты концентрируются в восточных муниципалитетах и столичном округе, где зафиксированное число иностранцев составляет более 8% населения. Исследователи отметили, что родными языками более чем для 20% проживающих в районах Хельсинки, Эспоо и Вантаа являются не финский, шведский или саамский, а русский, эстонский, сомалийский, арабский и т. д.

Результаты исследования показали, что в районах с большой долей проживающих иностранцев преобладают лица с уровнем доходов ниже среднего, вследствие чего там зафиксировано больше социальных проблем. Обеспокоенность правительственных структур вызывает тот факт, что внутри городов возникают отдельные районы, между которыми пролегает виртуальная ограничительная черта. В результате данного явления многие коренные жители Финляндии стремятся избегать мест высокой концентрации иностранных групп. Проведенный опрос среди высококвалифицированных мигрантов в Финляндии показал, что причина социальных проблем кроется в недостаточном владении ими финским языком⁵. (Так, например, у мигрантов возникают трудности при аренде жилья).

Для содействия интеграции иностранных граждан в жизнь финского общества в 1999 г. был принят закон «Об интеграции иммигрантов и приеме лиц, ищущих убежище от 1999 г.»⁶ с целью создания для иностранных граждан достаточных возможностей для полноценного участия в жизнедеятельности финского общества. Предполагается, что для этого иммигрантам необходимо обладать определенными навыками и знаниями. При этом ответственность за интеграцию иммигрантов закон возлагает не только на различные государственные структуры, но и на самих прибывших. Положения этого закона определяют интеграцию как процесс индивидуального развития иммигранта, который позволяет ему активно участвовать в экономической и

⁵ Preliminary population statistics [Electronic resource]. June 2019, Appendix figure 4. Immigration by quarter 1997–2018 and preliminary data 2019 // *Statistics Finland* [site]. URL: http://www.stat.fi/til/vamuu/2019/06/vamuu_2019_06_2019-07-25_kuv_004_en.html

⁶ Act on Integration of Immigrants and Reception of Asylum Seekers (1999) [Electronic resource]. URL: <http://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/en19990493.pdf>

социальной жизни финского общества, сохраняя при этом знание родного языка и собственную культурную идентичность.

Соблюдение прав гарантируется также и законом «Об иностранных гражданах» от 2004 г.⁷ Целью данного закона являются создание и развитие системы управления и обеспечение защиты прав иностранных граждан, находящихся на территории Финляндии, поощрение иммиграции, юридическая и международная защита иммигрантов в соответствии с принципами защиты прав человека и положениями международных соглашений, подписанных Финляндией.

Миграционный кризис оказал существенное давление на финское общество. В 2014 г. в Финляндию прибыло 3600 беженцев, в 2015 г. их число превысило 32 тыс., несмотря на то, что в 2015 г. вступило в действие соглашение о перераспределении по всем странам Европейского союза мигрантов, массово въезжающих в Грецию и Италию, и квота Финляндии по соглашению составила 800 человек⁸. Число находящихся на территории Финляндии иностранных граждан за последние годы также неизменно увеличивается. Если в декабре 2013 г. в стране постоянно проживало 208171 иностранцев, то в декабре 2016 г. это число выросло до 250000 человек.

В начале 2017 г. ряд стран, из которых наблюдался отток беженцев в Финляндию (Афганистан, Ирак, Сомали), были признаны «небезопасными». И Финляндия пресекла возможность получения убежища для граждан данных государств.

Исландия. Исландцы – одна из наиболее «однородных» наций в мире, история ее «родословной» насчитывает 1200 лет. Население Исландии составляет более 350 тыс. человек (на 2018 г.); по данным статистического управления Исландии, около 11% населения – иммигранты. 20 лет назад иммигранты составляли 2% населения Исландии, за это время их число выросло на 430%⁹.

Сегодня Исландия стремительно развивается как в экономическом, так и в политическом плане, в связи с чем наблюдается заметное увеличение потока иммигрантов. Так, например, за последние 30 лет количество иммигрантов постоянно увеличивалось, показатель «чистой миграции» вырос приблизительно в 7,5 раза. В 2018 г. число иммигрантов составило 14 275 по сравнению с 14 929 в 2017 г. В то же время число эмигрантов увеличилось с 6 689 до 7 719 человек¹⁰. Предполагается, что в течение следующих 50 лет население Исландии вырастет с 360 000 до 452 000 человек, главным образом за счет миграции¹¹. Это означает, что рост населения Исландии будет проходить быстрее, чем в любой другой стране Северной Европы.

На сегодняшний день одной из самых привлекательных областей в экономике Исландии является туризм. За последние 10 лет поток туристов в Исландию увеличился в 3 раза. В Рейкьявике строится больше ресторанов и отелей, чем квартир, потому что число туристов ежегодно в несколько раз превышает численность насе-

⁷ Aliens Act 301/2004; amendments up to 1163/2019 included) [Electronic resource]. URL: <https://finlex.fi/en/laki/kaannokset/2004/en20040301.pdf>

⁸ Страны ЕС пришли к согласию по поводу распределения мигрантов и беженцев [Electronic resource] // *Yle Uutiset* [site]. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/strany_yes_prishli_k_soglasiyu_po_povodu_raspredeleniya_migrantov_i_bezhentsev/8105995 (дата обращения: 10.08.2020)

⁹ Перассо В. Исландия – самая радушная к мигрантам страна. Как им там живется? [Electronic resource] // *News. Русская служба* [сайт]. 2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-44520065>

¹⁰ Migration remains high in 2018 [Electronic resource] // *Statistic Icelands* [site]. URL: <https://www.statice.is/publications/news-archive/inhabitants/migration-2018/>

¹¹ Why does migration to Iceland matter? [Electronic resource] // *IOM UN Migration* [site]. URL: <https://iom.fi/en/why-does-migration-iceland-matter>

ления. Именно эта индустрия привлекает многих иммигрантов своими высокими зарплатами. Кроме того, многих мигрантов привлекают условия жизни в стране: низкий уровень преступности, качество образования и т.д.

С 1996 г. наибольшее количество иностранных иммигрантов составляют граждане Польши. В 2018 г. 3 897 человек с польским гражданством иммигрировали в Исландию, что составило около 27% от общего количества потока иммигрантов в этом году. Поляки составляют 38% иммигрантов в стране, второе место по численности занимают литовцы (5,2%), затем – филиппинцы (4,5%). Также в Исландию иммигрируют граждане стран – участниц Северного совета.

Вследствие миграционного кризиса 2016 г. Исландия приняла более 2500 беженцев. В сравнении с другими странами Европы этот показатель относительно невелик, в первую очередь это связано с географическим положением страны.

Что касается нормативно-правовых основ миграционного законодательства, то базовым является Закон об исландском гражданстве (№ 100/1952)¹², в котором говорится, что миграционные потоки должны быть минимальными. Также существует ряд нормативно-правовых актов в области миграционного регулирования: Закон об иностранных гражданах (№ 80/2016)¹³, Положение об иностранцах (№ 540/2017)¹⁴, а также Закон о праве на труд иностранных граждан (№ 97/2002)¹⁵.

Норвегия. В 2018 г. в Норвегии насчитывалось 746 700 иммигрантов и 170 000 норвежцев, родившихся у родителей-иммигрантов, что составляет 14,1 и 3,2% от общей численности населения соответственно.

Иммигранты из Польши составляют самую большую группу иммигрантов в стране, насчитывающую 98 200 человек. Вторая по величине группа – литовцы – 38 400 человек. На третьем месте шведы – 35 800, за ними следуют сомалийцы – 28 800 человек¹⁶. Несмотря на то, что Норвегия не является государством – участником ЕС, она входит в Шенгенское соглашение и в Европейскую экономическую зону, что смягчает условия пребывания граждан ЕС в страну. В связи с этим около 40% иммигрантов в Норвегии – выходцы из стран ЕС.

Согласно официальной статистике Норвегии, основными причинами миграции в страну являются: объединение семей (38% иммигрантов в 2017 г.), трудовая миграция (33%), поиск убежища (18%), а также получение образования (10%).

Миграционный кризис не обошел стороной и Норвегию: в 2015 г. прибыло больше 31 тыс. беженцев, однако правительство страны приняло целый ряд мер, на-

¹² Icelandic Nationality Act No. 100/1952 [Electronic resource] // *Ministry of Interior* [site]. URL: <https://web.archive.org/web/20160314015210/https://eng.innanrikisraduneyti.is/laws-and-regulations/nr/6297>

¹³ Foreign Nationals Act 2016 no. 80, 16 June (revisions Oct. 2018) [Electronic resource] // *The official website of the Government of Iceland*. URL: <https://www.government.is/library/04-Legislation/Foreign%20Nationals%20Act.pdf>

¹⁴ Reglugerð um útlendinga. 540/2017 [Electronic resource] // *Dómsmálaráðuneyti*. URL: <https://www.reglugerd.is/reglugerdir/eftir-raduneytum/dmr/nr/0540-2017>

¹⁵ Foreign Nationals' Right to Work Act, No. 97/2002 [Electronic resource]. 9 March 2020 // *Ministry of Welfare (Velferðarráðuneytið) Official Website*. URL: <https://www.government.is/library/04-Legislation/Foreign%20Nationals'%20Right%20to%20Work%20Act%20No%2097%202002%20as%20amended%202018%20april.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

¹⁶ Immigrants and Norwegian-born to immigrant parents. 9 March 2020 [Electronic resource] // *Statistics Norway* [site]. URL: <https://www.ssb.no/en/innvbfef>

правленных на сокращение иммиграции¹⁷. В результате, по данным национального Управления по делам иммиграции, за 2016–2017 гг. в Норвегии было подано всего около 6000 прошений об убежище, тогда как до миграционного кризиса этот показатель много лет колебался вокруг отметки в 10 тыс. прошений в год. Показатели 2016–2017 гг. являются самыми низкими для Норвегии с 1997 г., когда после массового наплыва беженцев из стран бывшей Югославии правительство также было вынуждено существенно ужесточить иммиграционное законодательство.

В Норвегии достаточно жесткая миграционная политика. Основным нормативно-правовым актом в области миграции в Норвегии является закон «Об иммиграции» 2008 г. Он регулирует право иностранцев на въезд, проживание и работу в Норвегии. Согласно закону, после индивидуального интервью иностранцы могут претендовать на одну из следующих основных категорий видов на жительство: трудовые иммигранты, то есть лица, у которых есть конкретное предложение о работе; лица, имеющие тесные семейные связи с лицом, проживающим в Норвегии; студенты, стажеры и участники программ обмена; беженцы¹⁸.

Швеция. Швеция – одна из наиболее благополучных стран в Европе как по экономическим, так и по социальным показателям. В связи с этим в Швецию стремится большое количество мигрантов не только из стран Европы, но и из других регионов мира. На сегодняшний день 19% жителей Швеции родились за ее пределами.

Еще с середины XX в. мигранты постепенно начали прибывать в Швецию, в первую очередь это было связано с расширением шведского рынка труда и появлением на нем мест для иностранных рабочих. Начиная с 1980-х гг. в Швеции наблюдался рост числа беженцев. В эти годы в Швеции искали убежище десятки тысяч людей из Ирана и Ирака (в связи с ирано-иракской войной 1980–1988 гг.), а также из стран Южной Америки с репрессивными режимами. Затем, в 1990-е гг. Швеция приняла более 40 тыс. беженцев из стран бывшей Югославии. С подписанием Швецией Шенгенского соглашения в 2001 г., наблюдался значительный приток граждан ЕС в страну в поисках работы. После 2000 г. общий объем миграции – как в Швецию, так и из Швеции – увеличился. В период с 2015 по 2019 г., в связи с миграционным кризисом в Европе, Швеция приняла более 250 тыс. беженцев из стран Ближнего Востока. В расчете на душу населения Швеция приняла самое большое количество сирийских беженцев из всех стран ЕС в 2015 г.

Согласно официальной статистике 2018 г., наиболее многочисленны мигранты (а в последствии – подданные) из стран бывшей Югославии (более 176 тыс. человек), Сирии (≈172 тыс.), Финляндии (≈150 тыс.), Ирака (≈144 тыс.) и Польши (≈92 тыс.)¹⁹. Также многочисленны выходцы из Ирана, Сомали, Германии, Турции, Норвегии и других стран. Интеграция в Шведское общество проходит достаточно безболезненно²⁰

¹⁷ Норвегия за три года приняла свыше 20 тыс. беженцев из Сирии [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС [site]. 24.02.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4985604>

¹⁸ Immigration and Integration 2017–2018. Report for Norway to the OEC [Electronic resource]. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fe206a22df754b8792740fb81109a761/immigration-and-integration-2017-2018-report-for-norway.pdf>

¹⁹ Migration Infographics of Sweden [Electronic resource] // *Sharing Sweden* [site]. URL: <https://migrationdataportal.org/sites/default/files/2018-11/MGI%20Sweden%20report.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

²⁰ Густафсон Б. Современный опыт Швеции в области международной миграции: проблемы и исследования [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2011/05/06/1268032345/Gustaffson_Opit_Shvecii.PDF

(по сравнению, например, с Исландией). Вступив на территорию Швеции, иностранец имеет практически те же права и свободы, что и местное население (за исключением участия в политических процессах).

Швеция крайне лояльно относится к мигрантам. Еще в 1968 г. был принят закон «О трудовой миграции», который обеспечил мигрантам выгодные условия работы и проживания в Швеции. Мигрант мог получить разрешение на работу, если специалистов требуемой квалификации не было на внутреннем рынке труда. В 2008 г. была проведена миграционная реформа, целью которой являлось решение демографических проблем и проблемы нехватки рабочей силы.

Однако, в связи с миграционным кризисом 2016 г., Швеции пришлось ужесточить миграционную политику. Правительство решило ввести временный пограничный контроль до 11 ноября 2019 г. С 2016 г. был введен временный акт, согласно которому нормы предоставления убежища в Швеции соответствуют минимальным стандартам законодательства ЕС. Также беженцам предоставляется временный вид на жительство, однако возможности для воссоединения семьи ограничены²¹.

Заключение

Необходимо отметить, что, несмотря на территориальную близость, государства Северной Европы реализуют разные подходы к решению миграционного вопроса. Наиболее жесткую модель миграционной политики демонстрируют Дания и Норвегия, наиболее мягкую – Швеция и Финляндия. Исландия, в силу своего географического положения, в меньшей степени сталкивается с проблемами в области миграции и демонстрирует весьма лояльную политику в отношении мигрантов.

Очевидно, что тенденции развития миграционной ситуации, а также механизмы управления миграционными процессами в странах Северной Европы крайне близки. Миграционная ситуация, с одной стороны, определяется потребностью экономики в демографических ресурсах, как правило – в квалифицированной рабочей силе, с другой – миграционным кризисом, результатом которого становится ужесточение миграционного законодательства. Даже те государства, миграционное законодательство которых изначально диктовало более щадящие меры (Швеция, Исландия, Финляндия), были вынуждены взять вектор на усиление контроля за миграционными волнами после 2015 г., что, безусловно, повлияло на уровень привлекательности этих стран для беженцев из конкретных регионов.

Анализ данных подтвердил общий тренд на усиление социальной напряженности в связи с увеличением числа мигрантов, пересекающих территорию стран Северной Европы. Необходимо также отметить, что данному процессу способствует формирование мигрантами национальных анклавов на территории страны пребывания.

Таким образом, ужесточение миграционной политики выглядит вполне обоснованно. С другой стороны, эффективность более жестких мер (в Норвегии и Дании) может вызывать сомнения ввиду потенциальных угроз для экономической и социальной сфер (нестабильность рынка труда, безработица, усиление социальной напряженности, уровня преступности и т.д.).

²¹ Sweden's migration and asylum policy [Electronic resource]. / Ministry of Justice. June 2019. URL: <https://www.government.se/49f0b2/contentassets/183ca2f36f1c49f3b7d1b5724a5753ce/swedens-migration-and-asylum-policy--fact-sheet-2019.pdf>

Список литературы

1. *Большаков Г.А.* Сравнительный анализ политики интеграции и мультикультурализма в странах Скандинавии // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 225–228.
2. *Денисенко М.Б., Хараева О.А., Чудиновских О.С.* Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада. М., 2003 – 314 с.
3. *Михеев Д.В.* Миграционная политика стран Северной Европы и ее изменение в условиях миграционного кризиса (2014–2016 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6. С. 112–120. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.6.25250
4. *Плевако Н.С.* История иммиграционной политики в Швеции (1945–1990-е гг.) // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 7. М., 2011. С.234–249.
5. *Хришкевич Т.Г.* Страны Балтийского региона в условиях миграционного кризиса 2014–2015 гг.: вызовы европейскому единству // Псковский Военно-исторический вестник. 2017. Вып. 3. С. 142–151.
6. *Чернышева О.В.* Шведская иммиграция как проблема встречи культур в научной литературе и публицистике // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 6. М., 2007. С. 308–329.

Сведения об авторах:

Морозова Наталья Михайловна, кандидат политических наук, доцент, младший научный сотрудник международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории «Изучение мировых и региональных социально-политических процессов» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; заместитель директора Приволжского филиала ФНИСЦ РАН, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: 4379037@gmail.com.

Алымова Арина Георгиевна, студент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: arinaag9912@mail.ru.

Яковлева Елена Сергеевна, студент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: elenayakovleva99@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 15.08.2020; принята в печать 17.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

IMMIGRATION AND MIGRATION POLICY IN THE NORDIC COUNTRIES

Natalia M. Morozova,

Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: 4379037@gmail.com

Arina G. Alymova,

Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: arinaag9912@mail.ru

Elena S. Yakovleva,

Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod, Russia.

E-mail: elenayakovleva99@yandex.ru

For citation: Natalia M. Morozova, Arina G. Alymova, Elena S. Yakovleva. Immigration and migration policy in the Nordic countries // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 87–96. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.10

Abstract. One of the features of the modern system of international relations in terms of increasing globalization is the intensification of migration processes, the complication of the structure of migration flows. Compared to the migration crisis in Central Europe, the situation in Northern Europe looks more optimistic. Nevertheless, as the data of official statistics show, the

number of arriving migrants is increasing every year, which creates an additional burden on the social institutions of society and increases tension in the societies. Another problem is the formation of ethnical enclaves on the territory of the recipient countries. For the research the Nordic region countries were selected: Denmark, Sweden, Iceland, Norway, Finland. These states are included in the ranking of the "happiest" countries in the world and attract migrants with high standards of living. But the geographic location makes the Nordic countries a little less attractive for the migrants than the Central European countries. The analysis of the measures implemented within the framework of the migration policy shows that the Northern European states have different approaches to solving the migration issue. The strictest model of migration policy is demonstrated by Denmark and Norway, the softest by Sweden and Finland. Iceland, due to its geographical location, is less exposed to migration problems and demonstrates a very loyal policy towards migrants. Scandinavian countries have long been facing a choice: on the one hand, there has been and still is a need for workforce, and on the other hand, the influx of huge numbers of migrants is a threat to the stability of the state. The migration crisis in Europe, which reached its peak in 2015, forced countries with "soft" migration laws to take measures towards tighter control over migration flows.

Keywords: migration, Northern Europe, Denmark, Sweden, Iceland, Norway, Finland.

References

1. Bolshakov G.A. Comparative analysis of integration policy and multiculturalism in Scandinavia. *Theory and practice of social development*. 2013. No 5. Pp. 225–228. (In Russ.)
2. Denisenko M.B., Kharaeva O.A., Chudinovskikh O.S. *Immigracionnaya politika v Rossijskoj Federacii i stranah Zapada* [Immigration policy in the Russian Federation and Western countries]. M., 2003 – 314 p. (In Russ.)
3. Mikheev D.V. Migration policy of the Nordic countries and its change in the context of the migration crisis (2014–2016). *History Magazine: Researches*. 2017. No. 6. Pp. 112–120. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.6.25250 (In Russ.)
4. Plevako N.S. History of Immigration Policy in Sweden (1945–1990s). *Northern Europe: Problems of History*. Issue 7. M. 2011. Pp. 234–249. (In Russ.)
5. Khrishkevich T.G. Countries of the Baltic region in the conditions of the migration crisis 2014–2015: challenges to European unity. *Pskov Military Historical Bulletin*. 2017. Issue 3. Pp. 142–150. (in Russ.)
6. Chernysheva O.V. Swedish immigration as a problem of the meeting of cultures in scientific literature and journalism. *Northern Europe: Problems of History*. Issue 6. M. 2007. S. 308–329. (In Russ.)

Bio note:

Natalia M. Morozova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor; Junior Researcher, International Cross-Disciplinary Laboratory «Global and Regional Sociopolitical Processes Research», Nizhniy Novgorod State Linguistic University; Deputy Director, Volga Branch of the FCTAS RAS, Nizhniy Novgorod, Russia.

Contact information: e-mail: 4379037@gmail.com.

Arina G. Alymova, Student, Nizhniy Novgorod State Linguistic University, Nizhniy Novgorod, Russia.

Contact information: e-mail: arinaag9912@mail.ru.

Elena S. Yakovleva, Student, Nizhniy Novgorod State Linguistic University, Nizhniy Novgorod, Russia.

Contact information: E-mail: elenayakovleva99@yandex.ru.

Received on 15.08.2020; accepted for publication on 17.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ

Стрельцова Я. Р.

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова;

Институт демографических исследований

Федерального научно-исследовательского социологического центра

Российской академии наук, Москва, Россия.

E-mail: streltsovi@comtv.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.11

Ссылка для цитирования: Стрельцова Я.Р. Особенности современной миграционной политики Франции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 97–105. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.11

Аннотация. В условиях миграционного кризиса, с которым столкнулась Европа, европейские страны стали разрабатывать национальные стратегии решения вызванных им проблем. В этом смысле актуален опыт современной миграционной политики Франции, в которой, несмотря на долгую историю иммиграции, вопросы интеграции иммигрантов до сих пор в полной мере не решены. Более того, страна вынуждена находить ответы на них в ситуации радикализации общества, вызванной в том числе и фактором столкновения разных культур и мировоззрений, к которым привела проводившаяся властями миграционная политика. В статье рассмотрены основные направления миграционной политики, проводимой нынешним президентом Эммануэлем Макроном. Анализируются программные заявления французского президента, а также принятые во Франции в последние годы законы и правительственные решения, такие как Закон «Для контролируемой иммиграции, эффективного права на убежище и успешной интеграции» (август 2018 г.) и «20 мер для улучшения политики в сфере иммиграции, предоставления убежища и интеграции» (ноябрь 2019 г.), формирующие сегодня французскую миграционную политику. Речь идет о приеме беженцев, студенческой иммиграции, иммиграции по статусу «таланты», а также профессиональных и научных кадров, интеграции иммигрантов. Обращено внимание на новшества, связанные с введением квот в сфере трудовой иммиграции, а также касающиеся укрепления сотрудничества с французскими гражданами, проживающими за пределами Франции, расширения системы французского образования за рубежом. Выявлены особенности миграционной политики Э. Макрона, которые отличают ее от мер, принимаемых ранее его предшественниками. Речь, прежде всего, идет о политике приема беженцев, их доступе к медицинскому страхованию, профессиональной подготовке, трудовой миграции – введении квот, расширении преференций в рамках студенческой миграции и по статусу «таланты». Очень важными для президента Франции являются проекты, направленные на укрепление позиций Франции в мире в сфере культуры, образования, науки и бизнеса и использования, в том числе и с этой целью, недооцененного потенциала соотечественников за рубежом.

Ключевые слова: миграционная политика Франции, интеграция, иммигранты, беженцы, французские экспатрианты, программа, Э. Макрон.

Введение

Президентские выборы во Франции и победа на них Эммануэля Макрона происходили на фоне миграционного кризиса 2015 г. в Европе. Несмотря на это, первоначально программа президентской партии «Вперед», выдвинутая Макроном в феврале 2017 г., не акцентировала миграционные аспекты. Однако накануне второго тура президентских выборов, как ответ на хорошо разработанную иммиграционную политику крайне правых, программные заявления в отношении приема и интеграции иммигрантов, предоставления им убежища стали более определенными и конкретными.

По мнению Макрона, долг Европы в ситуации военных конфликтов на африканском континенте, Ближнем Востоке, растущего разрыва между Севером и Югом, усиливающим миграционное давление, особенно на страны Европейского Союза, состоит в том, чтобы предоставить убежище тем, кто подвергается преследованиям

и ищет защиты¹. При этом очевидно, что ЕС не может принять всех приехавших в поисках лучшей жизни. Поэтому, считает французский президент, важно бороться с причинами миграционных потоков – экономической отсталостью, голодом, негативными климатическими изменениями.

Франция, как и другие страны ЕС, в частности Германия, Швеция, Италия, взяла на себя ответственность за прием беженцев и приступила к реализации программ по приему и интеграции иммигрантов. Эти программы осуществляются в рамках миграционной истории, концепции гражданства и национальной идентичности французского государства. Для президента Франции принципиально, чтобы проблема иммиграции не ограничивалась вопросом приема беженцев, а ставила приоритетом интеграцию с учетом национальных интересов. Франция, считает Макрон, должна выдавать разрешения на въезд всем тем, кого считает достойными права на убежище на своей территории, и отправлять обратно на исходные пункты пересечения французской границы тех, кто не выполняет условий, требуемых для получения разрешения на въезд.

Методы и методология исследования

Франция – страна с долгой историей иммиграции. Доля иммигрантов постоянно увеличивается: от 8% – в 2000-х гг. до сегодняшних 10%. Ежегодно страна выдает около 210 тыс. видов на жительство. Основными иммиграционными потоками являются семейная, студенческая, экономическая, политическая или «гуманитарная» иммиграция.

Студенческая иммиграция составляет около трети иммиграционного потока, и ее французский президент рассматривает как перспективу, «шанс и гордость» страны. В 2017 г. студентам было выдано 88 095 видов на жительство, что стало самым высоким показателем за всю практику их выдачи².

Семейная иммиграция по-прежнему остается наиболее многочисленной. Речь идет о воссоединении семей, брачной иммиграции и «родильном туризме». В 2017 г. вид на жительство по линии семейного воссоединения получили 91070 человек. Число иммигрантов этой категории увеличивается постоянно, в среднем на 2,2%. Это самая «дискуссионная» иммиграция, которая из-за предоставляемых семейных пособий иммигрантам, льготной системы медицинского страхования, немалых государственных затрат на обучение детей иммигрантов и т.п. вызывает нарекания и неприятие со стороны коренного населения. Однако Макрон не видит в ней реальных проблем. По его мнению, семейная иммиграция в большей степени питает множество фантазий, нежели создает реальные проблемы для французского общества, так как касается на сегодняшний день лишь относительно небольшого числа людей³. Отношение к ней президента в значительной степени продиктовано международными обязательствами Франции и Европейской конвенцией о защите прав человека.

¹ Le programme d'Emmanuel Macron concernant l'asile et l'immigration [Electronic resource]. URL: <https://en-marche.fr/emmanuel-macron/le-programme/immigration-et-asile> (дата обращения 20.06.2020).

² Statistiques annuelles en matière d'immigration, d'asile et d'acquisition de la nationalité française [Electronic resource]. URL: <https://www.immigration.interieur.gouv.fr/Info-ressources/Actualites/Communiqués/Communiqué-de-presse-Statistiques-annuelles-en-matiere-d-immigration-d-asile-et-d-acquisition-de-la-nationalite-francaise> (дата обращения 20.06.2020).

³ Le programme d'Emmanuel Macron concernant l'asile et l'immigration... (дата обращения 20.06.2020).

Экономическая иммиграция во Францию разнообразна. Она включает бизнес-иммиграцию, иммиграцию рабочей силы, научных, квалифицированных кадров, а также нелегальную иммиграцию по экономическим и социальным мотивам.

Политическая или гуманитарная иммиграция связана, в первую очередь, с притоком беженцев. По состоянию на 26 ноября 2017 г. страны Европейского Союза (включая Швейцарию и Норвегию) приняли 619 тыс. беженцев. Франция по их количеству занимает третье после Германии (163 тыс.), Италии (121 тыс.) место – 94 тыс. человек⁴. В последующие годы ситуация не изменилась: количество мигрантов растет, правила приема ужесточаются. Франция удовлетворяла в среднем менее 40% заявок о предоставлении убежища.

Большие проблемы связаны с «незаконными нелегалами» – их примерно 300 тысяч. В основном это беженцы, чьи заявления об убежище были отклонены, и которые не возвращаются на родину. Они находятся в стране в надежде на урегулирование их статуса – вне юридической защиты, на нелегальном положении.

Результаты и обсуждение

Программные заявления Макрона нашли отражение в принятых во Франции в последующие годы законах и правительственных решениях, формирующих сегодня французскую миграционную политику.

Согласно закону «Для контролируемой иммиграции, эффективного права на убежище и успешной интеграции», принятому в августе 2018 г., проводимая президентом миграционная политика направлена на укрепление сотрудничества и взаимодействия на европейском и международном уровне с целью управления миграционными потоками; на оптимизацию механизма приема беженцев, рассмотрения их заявлений; более эффективную борьбу с нелегалами; реформирование политики интеграции и активное привлечение талантов и компетенций из-за рубежа.

Остановить неконтролируемую иммиграцию французское правительство считает возможным только с помощью ограничительных мер, принятых в рамках Европейского союза, а также проведения политики стабилизации ситуации в странах исхода, прежде всего, в государствах Африки: Ливии, Нигере, Чаде и др. Так, например, в рамках принятых французским правительством в ноябре 2019 г. «20 мер для улучшения политики в сфере иммиграции, предоставления убежища и интеграции» решено увеличить размер помощи развитию, в первую очередь, государств Африки с 0,43% (в 2018 г.) до 0,55% ВВП (в 2022 г.)⁵. По мнению руководства страны, политика предоставления убежища должна стать более интегрированной и скоординированной на европейском уровне. Закон 2018 г. предлагает создание «центров контроля» в местах массового притока беженцев (на средиземноморском побережье) с тем, чтобы на начальном этапе определять и отделять беженцев, ищущих реальную защиту, от экономических мигрантов, которых следует отправлять обратно на родину.

Франция в целом активно выступает за консолидацию общеевропейской политики по защите внешних границ Евросоюза от неконтролируемой миграции, под-

⁴ Projet de loi pour une immigration maîtrisée et un droit d'asile effectif [Electronic resource]. NOR : INTX1801788L/Bleue-1. 20 février 2018 // Assemblée nationale [site]. URL: http://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/textes/115b0714_etude-impact (дата обращения 20.06.2020).

⁵ 6 novembre 2019 – Dossier de presse. Comité interministériel sur l'immigration et l'intégration. 20 décisions pour améliorer notre politique d'immigration, d'asile et d'intégration [Electronic resource]. URL: https://www.gouvernement.fr/sites/default/files/document/document/2019/11/dossier_de_presse_-_comite_interministeriel_sur_limmigration_et_lintegration_-_06.11.2019.pdf (дата обращения 20.06.2020).

держивает такие меры, как:

- укрепление полицейского корпуса на границах, передача ему полномочий по надзору и защите внешних границ ЕС. Речь идет о долговременном увеличении численности пограничной полиции до 5000 человек под эгидой нового Европейского агентства пограничной и береговой охраны;
- создание контрольно-пропускных пунктов в государствах исхода с целью ограничения числа беженцев до прибытия в страны ЕС;
- усиление борьбы с контрабандистами и нелегальной иммиграцией в рамках ЕС.

Прием беженцев в самой Франции предполагает, с одной стороны, более гуманный подход, большую защиту их прав, особенно детей (послабления при воссоединении семей для братьев и сестер младшего возраста, при приеме иностранок, ставших жертвами насилия в семье, и т.п.). С другой стороны, разработаны меры, призванные ускорить рассмотрение документов о предоставлении убежища, предполагающие более строгий отбор кандидатов. Предусматривается также значительное увеличение мест для приема беженцев, создание специальных центров, их более равномерное распределение по регионам, так как до последнего времени 45% заявок о предоставлении убежища приходилось на столичный регион Иль-де-Франс.

Вместе с тем руководство страны полагает, что постепенно политическая иммиграция, связанная с наплывом беженцев в 2015 г., трансформировалась в экономическую, что позволяет не рассматривать более иммигрантов, покинувших страну в поисках более комфортной жизни, в качестве политических беженцев. «Мы должны соотносить наши идеалы с реалиями», – считает президент⁶. Из-за террористических атак и растущего радикализма ужесточается политика в отношении тех иностранцев, беженцев и нелегалов, чье пребывание в стране представляет угрозу общественному порядку. Речь идет о задержаниях и выдворении из страны.

Борьба с нелегальной иммиграцией остается одним из главных направлений современной французской миграционной политики. Абсолютным приоритетом миграционной политики президента Франции является интеграция иммигрантов.

Республиканская модель интеграции предполагает хорошее владение французским языком как главное условие для профессионального и личного обустройства в стране, а также знание основных республиканских ценностей. Только на этих основаниях предполагается предоставление вида на жительство и натурализация.

Иммигранты, которые сегодня регулярно прибывают на французскую землю, охвачены, как считает Макрон, минимальными интеграционными мерами⁷. Для получающих первый вид на жительство и совсем не владеющих французским языком эти меры включали один день гражданской подготовки и максимум 200 часов языковой подготовки.

Закон 2018 г. устанавливает для иностранцев, претендующих на получение вида на жительство и натурализацию в рамках контракта об интеграции, который заключается с претендентами на французское гражданство, необходимость обучения французскому языку (не только устному, но и письменному) в течение не менее

⁶ Grand débat : mais à quoi joue Macron avec l'immigration? [Electronic resource]. 14.01.2019 // MarianneTV [site]. URL: <https://www.marianne.net/politique/grand-debat-macron-immigration> (дата обращения 20.06.2020).

⁷ Ficek I. *Migrants* : l'histoire du changement de pied de Macron 21/02/18 [Electronic resource]. 21 févr. 2018 // LesEchos [site]. URL: https://www.lesechos.fr/21/02/2018/lesechos.fr/0301319351176_migrants---l-histoire-du-changement-de-pied-de-macron.htm (дата обращения 20.06.2020).

400–600 часов, знание французского языка (устного и письменного) не ниже уровня В 1, прохождение курсов гражданского воспитания. Длительность курсов увеличивается с 12 до 24 часов и предполагает посещение и знакомство с работой префектур, комиссариатов и других государственных учреждений. Важным нововведением стало включение в контракт об интеграции пункта об обязательной профессиональной ориентации кандидатов с подключением государственных служб занятости. Особое внимание будет уделяться более активному включению в трудовую деятельность женщин-мигранток. Процедура натурализации отныне предполагает собеседование с кандидатами, во время которого выясняется, насколько они привержены и разделяют основные республиканские ценности: светский характер государства, равенство мужчин и женщин и т.п. В конце 2019 г. французское правительство разработало меры, направленные на борьбу со злоупотреблениями в сфере доступа беженцев и иммигрантов к системе медицинского страхования. Они предполагают среди прочего: усиление контроля государства в этой сфере, введение периода ожидания (сроком на 3 месяца) для беженцев перед получением медицинской страховки.

Французское правительство предусматривает внедрение ряда местных программ по интеграции иммигрантов, в которых значительная роль по социокультурной и правовой адаптации отводится коммуна.

Важной целью миграционной политики Макрона является поощрение иммиграции знаний и талантов. Этому направлению французский президент уделяет, в отличие от своих предшественников, особое внимание, поощряя создание максимально благоприятных условий для его реализации. Квалифицированные талантливые иностранные специалисты должны способствовать динамичному экономическому и научному развитию Франции, повышая ее конкурентоспособность в международном соревновании. С этой целью Законом от 7 марта 2016 г. во Франции был введен специальный статус визы «паспорт талантов». При Макроне этот статус распространился и на категорию «студенты и исследователи». Речь идет о студентах и молодых ученых, приезжающих во Францию по программам международных обменов «Эразмус, Мари Кюри» и др. Инновационным предприятиям было разрешено принимать на работу иностранцев, приехавших по этой визе. Упрощена процедура и сокращены сроки получения виз по этим программам⁸. Студенты, получившие диплом магистра во Франции, получили больше возможностей в устройстве на работу, создании предприятий и открытии бизнеса.

Студенческая иммиграция остается одним из приоритетных направлений миграционной политики. Франция занимает пятое место в мире по приему иностранных студентов и конкурирует с другими государствами за привлечение в страну талантливой молодежи. Французское правительство ставит цель к 2027 г. увеличить количество принимаемых на обучение студентов до 500 тыс. Одновременно разрабатываются меры по улучшению приема иностранных студентов во французских учебных заведениях, по упрощению организационных процедур, осуществляемых префектурами и т.п.

Что касается профессиональной иммиграции, то ее доля в миграционном потоке во Францию – наименьшая. В 2018 г. по этой линии было выдано 33 502 вида на

⁸ Statistiques annuelles en matière d'immigration, d'asile et d'acquisition de la nationalité française [Electronic resource]. URL: <https://www.immigration.interieur.gouv.fr/Info-ressources/Actualites/Communiqués/Communiqué-de-presse-Statistiques-annuelles-en-matiere-d-immigration-d-asile-et-d-acquisition-de-la-nationalite-francaise> (дата обращения 20.06.2020).

жительство, что составило 13% от общего количества видов на жительство, предоставленных за год⁹. При этом, по данным правительства, в 2019 г. каждое второе предприятие испытывало трудности в подборе кадров.

Э. Макрон, продолжая линию Н. Саркози, решил ввести систему квот по приему иммигрантов. Квоты рассматриваются как одна из мер, направленная на «исправление напряженной ситуации в приеме иммигрантов» и «восстановление контроля над иммиграционными потоками»¹⁰.

6 ноября 2019 г. премьер-министром Э. Филиппом были озвучены 20 мер, направленных на изменение французской миграционной политики, главным новшеством среди которых стало введение квот (около 30 тыс.) по профессиям, сроком на год и в тех секторах экономики, которые испытывают трудности с привлечением трудовых ресурсов. Предполагается составить список профессий и рабочих мест для привлечения иностранцев и обновлять его ежегодно после консультаций с парламентариями, с учетом потребностей территориальных образований. Включение в этот список соответствующих профессий автоматически исключает необходимость последующих согласований на местах в отношении вакансий и разрешений на работу иностранцам. При этом во избежание конкуренции вакантные места будут предоставляться в первую очередь местному населению. Сами меры начнут действовать с 2021 г. К секторам, испытывающим потребность в иностранной рабочей силе, по мнению правительства, относятся: строительство, гостиничный бизнес, реставрационные работы, коммерческий сектор, торговля. Ощущается также необходимость и в высококвалифицированных кадрах, например, в компьютерных инженерах, в сфере информационных технологий.

Объясняя принятое в конце 2019 г. решение об установлении квот, Макрон акцентирует внимание на том, что не следует лицемерить и необходимо признать тот факт, что многие сектора экономики не могут обойтись без иммигрантов, поэтому, считает он, иммиграция должна быть легальной, зарегистрированной, квотированной. Более того, это направление во многом определяет перспективу иммиграционной политики Макрона в преддверии президентских выборов 2022 г.

Особой, отличительной чертой миграционной программы Макрона являются разработанные меры для более активного участия французских граждан, проживающих за рубежом, в общественно-политической и экономической жизни Франции. При нынешнем президенте происходит переоценка роли соотечественников. Правительство Макрона считает необходимым дать новый импульс отношениям с французскими экспатриантами, рассматривая их как представителей Франции, ее культуры, национальных ценностей за рубежом, призванных способствовать ее экономическому процветанию.

В этом направлении бесспорным приоритетом остается образовательная политика Франции за рубежом. Франция – в числе лидеров по количеству образовательных учреждений за ее пределами. В 136 странах мира в настоящее время функционируют

⁹ 6 novembre 2019 – Dossier de presse. Comité interministériel sur l'immigration et l'intégration. 20 décisions pour améliorer notre politique d'immigration, d'asile et d'intégration [Electronic resource]. Access mode: https://www.gouvernement.fr/sites/default/files/document/document/2019/11/dossier_de_presse_-_comite_interministeriel_sur_limmigration_et_integration (дата обращения 20.06.2020).

¹⁰ *Mareschal E.* Macron ressuscite le débat sur l'instauration de quotas migratoires annuels [Electronic resource] // *Le Figaro*. 14.01.2019. URL: <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2019/01/14/01016-20190114ARTFIG00235-macron-ressuscite-le-debat-sur-l-instauration-de-quotas-migratoires-annuels.php> (дата обращения 20.06.2020).

более 500 школ и лицеев, в которых обучаются 340 тыс. учеников, 40% которых – французы. Численность французов за рубежом постоянно растет, и учебных мест становится недостаточно, что требует открытия новых образовательных учреждений. В своей Программе Макрон поставил цель совершенствования и расширения системы образования за рубежом, чтобы увеличить шансы всех желающих получить французское образование за пределами Франции. Для этого:

- образовательным учреждениям предоставляется больше самостоятельности в распоряжении финансовыми средствами и больше автономии – для лучшей адаптации к местным условиям;
- упрощается доступ к стипендиям выходцам из семей со скромными доходами;
- расширяется сеть учебно-образовательных учреждений за рубежом под эгидой «FrancEducation» и ассоциаций FLAM;
- увеличивается число преподавателей, работающих за рубежом, в том числе путем формирования кадров на местах;
- в изучаемых дисциплинах увеличивается доля так называемого местного компонента (история, география, культура страны пребывания);
- в приоритете – дву- и многоязычные проекты как международного, так и французского бакалавриата.

Планируется увеличение финансирования программ, расширяющих влияние французской культуры за рубежом, нацеленных на более динамичную политику франкофонии.

Учитывая, что Франция имеет одну из самых больших консульских служб за рубежом, необходимо, по мнению Макрона, с одной стороны, усилить влияние «зарубежных» французов на общественно-политическую и экономическую жизнь, а также их представительство во Франции, с другой – решить вопрос об их информационной поддержке. Существует необходимость информировать экспатриантов об их правах и возможностях в новой зарубежной реальности, а также учитывать их желание способствовать экономическому развитию и укреплению демократии во Франции, участвовать в голосовании по важнейшим проблемам своей страны с тем, чтобы позиция французского зарубежья лучше воспринималась на родине.

Образование, социальная защита, налоговая политика, культура и безопасность, по мнению Макрона, – приоритетные направления, которые, следовало бы развивать для укрепления большего доверия между французами, выехавшими за рубеж, и французами, живущими во Франции. Эти направления предусматривают:

- более справедливое налогообложение, лучшую социальную защиту французских экспатриантов;
- расширение полномочий консульских служб в местах их проживания;
- введение практики одного окна для доступа зарубежных французов к необходимым услугам и информации;
- использование интернет-платформы, позволяющей французам зарубежья напрямую участвовать в жизни Франции и обеспечивающей им доступ к различным услугам.

По мнению Макрона, не менее важно создать благоприятные условия французам, как при отъезде, так и по возвращении на родину, уделить особое внимание их адаптации. Речь идет о доступе к профессиональной подготовке, вакансиям и пособиям. Укрепляется экономическая дипломатия и упрощается система поддержки

французских предприятий и предпринимателей за рубежом в их сотрудничестве с Францией. Финансирование основных направлений оценивается в 5 млрд евро.

Заключение

Миграционную политику Эммануэля Макрона можно охарактеризовать как рациональную, прагматичную и достаточно гибкую. Принимаемые в период его президентства меры обусловлены сложной международной ситуацией (растущим потоком беженцев), экономическими проблемами, еще более обострившимися на фоне пандемии коронавируса, в целом его программными обещаниями – провести назревшие во французском обществе реформы. Макрон продолжает миграционную политику его предшественников, сторонников правых убеждений. Главными ее особенностями стало желание изменить структуру иммиграции в пользу трудовой, профессиональной, студенческой; содействие притоку талантливых и перспективных специалистов, а также максимальное использование потенциала французских экспатриантов.

В отношении беженцев, в условиях европейского миграционного кризиса, французский президент стремится, с одной стороны, наладить эффективную и гуманную систему приема легальных законопослушных мигрантов и их дальнейшую интеграцию, в первую очередь – в рамках языковой политики и профессиональной адаптации. С другой – в сотрудничестве с государствами Евросоюза вводить ограничения (включая и в системе доступа к медицинскому страхованию, пособиям), депортировать «экономических мигрантов» и нелегалов, в том числе с целью «обескуражить» на будущее подобные категории мигрантов¹¹.

Интеграция иммигрантов на основе республиканских ценностей является абсолютным приоритетом миграционной политики нынешнего президента. Французская модель интеграции предполагает хорошее знание французского языка, профессиональную интеграцию и освоение иммигрантами республиканских ценностей, знание истории Франции, светских традиций. В ее реализации, согласно плану Макрона, главную роль будут играть «локальные интеграционные программы». Стремление «жить вместе», по его мнению, заключается в отказе как от модели мультикультурализма, так и ассимиляции. Интеграция, по словам Макрона, – это «открытый и добровольный патриотизм» [Dravigny, 2017], осознанный выбор принадлежности к французской нации и «гостеприимной, но требовательной» Франции.

References

1. Dravigny J. Présidence Macron et immigration: la continuité en marche? *Migrations Société* 2017/2. N° 168, P. 3–11 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.cairn.info/revue-migrations-societe-20172-page-3.htm#> (in French)

Сведения об авторе:

Стрельцова Яна Рудольфовна, кандидат исторических наук, доцент, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: streltsovi@comtv.ru; РИНЦ Author ID: 729354; Scopus Author ID: 57198788288.

Статья поступила в редакцию 28.06.2020; принята в печать 09.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

¹¹ Développer la participation des Français de l'étranger à la dynamique nationale. [Electronic resource]. URL: <https://en-marche.fr/emmanuel-macron/le-programme/francais-de-l-etranger> (дата обращения 20.06.2020).

FEATURES OF EMMANUEL MACRON'S MIGRATION POLICY

Yana R. Streltsova

Plekhanov Russian University of Economics;

Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: streltsovi@comtv.ru

For citation: Yana R. Streltsova. Features of the modern migration policy of France // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 97-105. DOI: 10.19181/demis.2021.1.11

Abstract. *During the migration crisis faced by Europe, European countries began to develop national strategies to solve the problems caused by the crisis. In this sense, the practice of modern migration policy of France is relevant, where despite the long history of immigration, the issues of integration of immigrants have not yet been fully resolved. Moreover, the country is forced to find answers to them in a situation of radicalization of society, caused, among other reasons, by the factor of the clash of different cultures and worldviews, to which the current migration policy has led. The article discusses the main directions of migration policy of Emmanuel Macron. It analyzes the policy statements of French president, as well as the laws and government decisions adopted in France in recent years, such as the Law "For controlled immigration, effective right of asylum and successful integration" (August 2018) and "20 measures to improve policy in field of Immigration, Asylum and Integration" (November 2019) which shape modern French migration policy. It is about the policy of France regarding the admission of refugees, student immigration, immigration on the status of "talents", as well as professional and scientific personnel, the integration of immigrants. Attention is drawn to innovations related to introduction of quotas in labor immigration, as well as to strengthening cooperation with French citizens living outside France, expansion of French education system abroad. The article identifies the features of Macron's migration policy which distinguish it from the measures taken earlier by his predecessors. It is about policy of admitting refugees, their access to health insurance, professional training, labor migration – the introduction of quotas, the expansion of preferences in student migration and in the status of "talents". The projects of high importance for the President of France are projects aimed at strengthening France's position worldwide in culture, education, science and business, and realizing the underestimated potential of compatriots abroad for this purpose as well.*

Keywords: *French migration policy, integration, immigrants, refugees, French expatriates, program, E. Macron.*

Bio note:

Yana R. Streltsova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Institute For Demographic Research of The Federal Center of Theoretical And Applied Sociology of The Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: streltsovi@comtv.ru; RSCI Author ID: 729354; Scopus Author ID: 57198788288.

Received on 28.06.2020; accepted for publication on 09.09.2020.

The author has read and approved the final manuscript

ПРОБЛЕМА ИММИГРАЦИИ И ИЗМЕНЕНИЕ В СООТНОШЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ

Гужев М. С.,

МГИМО МИД России, Москва, Россия.

E-mail: mixailguzhev@yandex.ru,

Семенова М. С.,

МГИМО МИД России, Москва, Россия.

E-mail: mruellaseptuit@yandex.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.12

Ссылка для цитирования: Гужев М.С., Семенова М.С. Проблема иммиграции и изменение соотношения политических сил в Германии и Франции // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 106–115. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.12

Аннотация. Значимость изучения миграционных процессов обусловлена их массовым, регулярным характером, влиянием на политическую и общественную конъюнктуру принимающих стран. Зачастую непродуманная должным образом, непоследовательная и в целом неэффективная иммиграционная политика приводит к проблемам в принимающих странах, снижает качество жизни коренного населения; таким образом, в обществе образовывается раскол, следствием которого могут быть возрастающая мигрантофобия, ксенофобия и т.д. Особенно ярким примером данной ситуации могут послужить некоторые страны Европейского Союза, в частности Германия и Франция. На население указанных стран приходится одна из самых больших долей мигрантов не только в Европе, но и во всем мире. Особый исследовательский интерес представляет собой изменение политических предпочтений избирателей в пользу сил, выступающих за проведение жесткой миграционной политики. В рамках системного и историко-описательного подходов были проанализированы электоральные процессы в Германии и Франции в период наиболее сильного проявления миграционной проблемы. Было обнаружено, что параллельно с миграционным кризисом в принимающих странах стремительно происходит перестановка политических сил: менее известные политические лидеры, партии, движения не просто появляются на политической арене, но быстро получают поддержку избирателей, начиная определять иммиграционную политику. Прослеживается четкая взаимосвязь между антимиграционными лозунгами и выходом на арену Германии и Франции правых партий, кардинально меняющих политическую расстановку сил и их политический курс в целом. Сторонники правого политического толка быстро завоевали популярность на пике миграционного кризиса, однако с уходом данной проблемы на второй план потребность в данных политических силах стала уменьшаться. В результате проведенного исследования подтверждена гипотеза о том, что миграционная проблема является одним из ключевых факторов расстановки политических сил в Германии и Франции.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, Германия, Франция, выборы.

Введение

Франция имеет долгую историю иммиграции. Иммигранты появились еще в XVIII – XIX веках, поскольку процесс индустриализации в сочетании с падением рождаемости привел к нехватке рабочей силы. В этом смысле Франция была исключением в Западной Европе в этот период. Большинство других промышленно развитых государств, включая Германию, имели более высокий уровень рождаемости и были в основном странами эмиграции. Нехватка рабочей силы во Франции еще более усугубилась в результате сокращения численности населения, вызванного войнами 1870–71 и 1914–1918 гг. Начиная со Второй мировой войны, как абсолютное число, так и процент иммигрантов в населении Франции постоянно увеличивались. В период между серединой 1970-х и началом нового тысячелетия иммигранты и общая численность населения росли с одинаковой скоростью. Доля иммигрантов в этот период оставалась неизменной на уровне 7,4%. За последние пять лет иммигрировало 960 000 человек, что привело к тому, что численность иммигрантов росла значи-

тельно быстрее, чем общая численность населения. В результате доля иммигрантов в общей численности населения впервые за 30 лет возросла и сейчас составляет 8,1%. В абсолютных цифрах в 2005 году около 1,7 миллиона иммигрантов, проживающих во Франции, были выходцами из Европейского союза (ЕС-25), а 250 000-из европейских стран, не входящих в ЕС.

В период между 1944 г. и сегодняшним днем Германия пережила самую большую миграцию в Западной Европе. Первая большая волна миграции пришлась на годы во время и после Второй мировой войны, с 1944 по 1950 г. За это время в Германию прибыло около 12 млн немецких беженцев из районов Восточной Европы, которые ранее принадлежали Германии или были оккупированы во время войны. Их интеграция в Западную и Восточную Германию была одной из главных задач в 1940–1950-е гг. После закрытия границ между Восточной и Западной Германией началась нехватка рабочей силы в Западной Германии, что заставило правительство искать дополнительных рабочих. Между 1955 и 1977 гг. немецкие власти завербовали около 14 млн «гастарбайтеров».

С 1955 г. существовали вербовочные соглашения с Италией, Грецией и Испанией с 1960 г., Турцией с 1961 г., Марокко с 1963 г., Португалией с 1964 г., Тунисом с 1965 г. и Югославией с 1968 г. Хотя эти «гастарбайтеры» должны были вернуться в свои родные страны через несколько лет, многие из них этого не сделали. Когда в 1973 г. правительство прекратило вербовку «гастарбайтеров», многие из них решили остаться в Германии вместе со своими семьями. С 1974 г. в Германию переехало еще 4 млн иммигрантов. Многие из них являются беженцами из стран третьего мира, ищущими политического убежища или улучшения своего экономического положения. Из-за высокого уровня нелегальной иммиграции в 1993 г. были изменены законы об убежище. С падением Берлинской стены в 1989 г. в страну было принято много людей немецкого происхождения из бывшего Советского Союза и Польши. Только в 1990–1997 гг. в Германию вернулись 2 млн так называемых «переселенцев». В последние годы число иммигрантов в Германию было сокращено за счет таких мер, как повышение уровня признания, депортация нелегальных иммигрантов и отправка обратно военных беженцев в их родные страны [Кучеров, 2020].

Представители вышеупомянутых национальностей составляют большую часть мигрантов – 55%. С началом миграционного кризиса только за первые 6 месяцев 2015 г. Германия приняла больше беженцев, чем другие страны ЕС, – 450 000 чел. К концу года их число возросло до 1 087 478 чел.

Параллельно с миграционным кризисом в принимающих странах стремительно происходит перестановка политических сил: ранее неизвестные политические лидеры, партии, движения не просто появляются на политической арене, но также быстро заручаются поддержкой избирателей и начинают играть определяющую роль в политической жизни стран, отодвигая прежние элиты и силы на второй план.

Обзор научной литературы

Иммиграционная политика формирует модели иммиграции, которые, в свою очередь, оказывают огромное влияние на демографию, культуру, экономику и политику государства. Быстро расширяющаяся литература исследует иммиграционную политику отдельных принимающих стран. Но теория иммиграционной политики не имеет четкого определения и по большей части лишена дискуссий между различными школами мысли по этому вопросу. Изучение теории иммиграционной политики развивалось в русле таких парадигм, как институционализм, корпоративистский подход, марксизм, неолиберализм и глобализационный подход.

Представители институционализма (Дж. Шульц, И. Абелла и Г. Тропер, Р. Уитакер и Б. Робертс) [Schultz, 1982, Abella, Troper, 1983, Roberts, 1988] отмечали ведущую роль государства в формировании иммиграционной политики, подчеркивая, что государство выступает единственным значимым актором регулирования. При этом они склонны представлять государственно-бюрократический аппарат как автономную или полу-автономную структуру, обладающую собственной волей и интересом, что роднит этот подход с реалистическим. Однако неспособность Организации Объединенных Наций и Всемирного банка эффективно решать такие вопросы, как распространение ядерного оружия, сокращение масштабов нищеты и экологические проблемы, свидетельствует о том, что интернационалистская теория терпит неудачу на практике. Тем не менее развитие глобализации и технический прогресс привели к большей взаимосвязанности, и интернационалистская теория также развивалась и вела к более глубокому анализу международных отношений с помощью таких концепций, как коллективная безопасность и критическая теория. Поэтому интернационализм остается важной альтернативой реалистическому подходу к международным делам.

Корпоративистский подход, напротив, обращает внимание на роль гражданского общества и групп интересов при формировании иммиграционной политики. Корпоративисты (Р. Б. Крэйг, Дж. Коллинз, В. Бриггс, А. Р. Золберг, Г. Дж. Хоффманн-Новотный, У. Р. Шугарт, М. Лимэй, З. Лэйтон-Хэнри, Дж. Ф. Холлифилд, Г. Фриман и Г. Бэттс, Э. Майерс, Дж. Мани, К. Джопке) [Collins, 1988, Briggs, 1984, Joppke, 1998, Freeman, 1998] считают, что иммиграционная политика формируется в большей степени в ходе конкуренции групп интересов, нежели в результате действий бюрократов. Государство, по их мнению, беспристрастный наблюдатель и не участвует в моделировании политики въезда и предоставления гражданства. Главным фактором в формировании иммиграционной политики становится борьба групп за власть и влияние. Основной акцент в изучении иммиграционных режимов корпоративисты делают на экономических и социальных факторах: стимулами к преобразованию иммиграционной политики выступают дисбалансы в экономике и социальной сфере.

Марксизм остается одним из доминирующих подходов в изучении иммиграционной политики национальных государств. Первое применение марксистских идей для объяснения международных процессов было сделано коммунистами и революционерами начала XX в., такими как Р Люксембург, Р Гильфердинг и В Ленин. Эти авторы разработали то, что мы сейчас называем классическими теориями империализма, чтобы понять, как капитализм расширялся и приспосабливался к миру межимперского соперничества, ведущего к Первой мировой войне и медленному распаду европейских империй.

Современные адепты марксизма критикуют идею фиксированных границ, поскольку они создают отношения зависимости и неравенство между народами, ограничивая и контролируя их доступ к ресурсам. Некоторые марксисты утверждают, что миру нужна глобальная концепция гражданства, чтобы противостоять тому, как государства дистанцируют неграждан от получения льгот и доступа к труду и ресурсам. Ведь с марксистской точки зрения народы всех наций едины в своем угнетении капитализмом и современной государственной системой, которая их разделяет и противопоставляет друг другу, поэтому люди должны быть освобождены (или эмансипированы) от этого статуса. Марксизм дает оригинальный взгляд, объясняющий, почему закрытие границ является социологически и политически неоправданной мерой.

Неолиберальная теория основана на главенствующей роли о том, что главенству-

ющая роль в формировании миграционных систем принадлежит международной правовой системе. А. Золберг, Дж. Холлифилд, Э. Мэйерс, У. Корнелиус считают, что на формирование иммиграционной политики все большее влияние оказывают международные институты и система международного права. Наиболее успешным примером того, как наднациональная структура формирует иммиграционную политику государств, является Европейский союз.

В рамках либеральной теории развивается глобализационная теория, основанная на идеях либерализма и мир-системного подхода Валлерстайна. Глобалисты утверждают, что в современном мире сами идеи гражданства и государственного суверенитета оказываются несостоятельны. В условиях глобальной интеграции государства в принципе не могут регулировать иммиграцию. При этом человеческая мобильность рассматривается таким же естественным последствием глобализации, как движение ресурсов и капиталов. Движущей силой иммиграции, по их мнению, становится не «притяжение» в страны иммиграции, а «выталкивание» из стран исхода. Основной акцент делается на экономических и социальных факторах этого выталкивания.

Методы исследования

Исследование было проведено с применением ряда методологических приемов, например системного анализа, который позволил рассмотреть отдельные элементы государственной миграционной политики Германии и Франции, а также некоторые направления миграционной политики Евросоюза в целом. Применен историко-описательный метод научного исследования, благодаря которому удалось объяснить некоторые предпосылки миграционного кризиса в 2014–2016 гг. Дополнительно использовался метод статистического анализа для подтверждения гипотезы: иммиграционный аспект является одним из ключевых факторов расстановки политических сил в Германии и Франции.

В работе проанализированы официальные документы: кодексы, законы, законодательные и иные нормативно-правовые акты Европейского союза, международных организаций по вопросам миграции.

Проведен анализ официальных статистических данных Германии, Франции и Евросоюза (на основе Eurostat, Statistisches Bundesamt, INSEE) и материалов, опубликованных на сайтах международных агентств: BBC News Russian, The World Bank, The EU Resettlement Network, Frontex.

Результаты и обсуждение

Миграционный кризис существенно повлиял на расстановку политических сил в Германии: на волне кризиса большую поддержку ввиду своей позиции по миграционному вопросу получила образованная в 2013 г. евроскептическая партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), что позволяет ей на данный момент занимать 91 место в бундестаге. Традиционные партии же, напротив, потеряли доверие значительной части своих избирателей: правящий блок ХДС/ХСС в сентябре 2017 г. лишился почти 7% голосов в сравнении с выборами 2013 г.; СДПГ – более 4%. «В связи с разными подходами к вопросам миграции у Меркель лично и ХДС возникли трения с другой партией – Христианским социальным союзом, занимающим ведущие позиции в Баварии, и его лидером Х. Зеехофером. В центре полемики остается вопрос: как регулировать поток мигрантов, продолжающих прибывать в страну?». На выборах в органы местного самоуправления, которые значительно поменяли ракурс политической жизни на нижних уровнях вла-

сти, в результате выборов в марте 2016 г. ХДС, возглавляемый Меркель, потерял голоса избирателей почти на всех участках. Наибольших успехов достигла партия «Альтернатива для Германии», ставшей третьей (в некоторых землях даже второй) на выборах в органы местного самоуправления, – следует учитывать, что ранее партия вообще не получала представительства в ландтагах.

Похожая ситуация повторилась на выборах в бундестаг в 2017 г.: 8%, по сравнению с предыдущими выборами, потеряла не имеющая ранее соперников партия ХДС/ХСС; значительно потеряла и СДПГ, а вот «Альтернатива для Германии» за 4 года своего существования впервые получила представительство в законодательном органе, заняв 94 места в бундестаге [Федерова, 2016: 100].

На выборах в Европейский парламент в 2019 г. альянс ХДС/ХСС получил 29 мест и потерял суммарно 6,4 % голосов избирателей, 11,5 % потеряла СДПГ, а партия «зеленых» и «Альтернатива для Германии», по сравнению с результатами прошлых выборов, напротив, преуспели, получив на 9,8 и 3,9 % больше голосов соответственно.

Результаты выборов на всех уровнях власти демонстрируют общее отношение населения к проводимой в стране политике, наличие определенных проблем в обществе, его недовольство, желание исправить положение дел.

Программа СДПГ в отношении мигрантов фактически не отличается формулировками: партия выступает за более справедливое распределение беженцев между странами ЕС, проведение более жесткой политики в отношении непризнанных мигрантов.

Партия «Альтернатива для Германии» отличается правопопулистской риторикой: ислам отвергается в качестве составной части культуры немецкого общества, предлагается закрытие внешних границ Евросоюза, введение жесткого контроля на границах Германии, ограничение въезда мигрантов (приветствуются лишь высококвалифицированные специалисты), экономическое давление на вновь прибывших в страну беженцев. Особую популярность, исходя из результатов выборов, партия имеет на востоке страны, где, по данным исследований Лейпцигского университета, более половины опрошенных выступают за ужесточение политики в отношении мигрантов.

Особый интерес представляет ситуация, сложившаяся на выборах в Европейский парламент в 2019 г. До этого момента на выборах в органы местного самоуправления 2016 г., а также на выборах в бундестаг 2017 г. крайне успешные результаты для относительно «молодой» партии имела АдГ, выступавшая с резко радикальными взглядами в отношении мигрантов. После этого правительство Германии приняло ряд мер, ужесточающих миграционную политику. Спустя два года с момента выборов 2017 г. проблема иммигрантов в Германии сохранила свою актуальность, однако перестала быть столь острой, как это было ранее: несмотря на процентный рост голосов за АдГ по сравнению с прошлыми выборами, фактический рейтинг партии начинает снижаться. На первый план в звене оппозиции выходит партия «зеленых», выступающая за решение новых актуальных проблем населения Германии.

Таким образом, по результатам опроса 2016 г. от Forschungsgruppe Wahlen, главной проблемой Германии ее жители полагают нерешенный иммиграционный вопрос, подобное мнение высказали 58% респондентов, 60% опрошенных выражали свое недовольство расходом средств государственного бюджета на беженцев, около 30% видели в беженцах и мигрантах угрозу культурным и социальным ценностям, абсолютное большинство опрошенных (89%) выступили за немедленную отправку на роди-

ну мигрантов, не желающих ассимилироваться в немецком обществе¹.

В ходе поиска путей выхода из миграционного кризиса менялся состав Правительства Германии. Соответственно, прямо пропорционально изменялось и отношение граждан к данной проблеме. В 2019 г. почти 40% опрошенных полагают, что ФРГ может и должна принимать больше беженцев, выполняя свой гуманитарный долг, менее половины респондентов (49 %) считают, что Германия не в состоянии принимать в страну новых мигрантов, однако количество согласившихся с данной точкой зрения значительно меньше, чем это было в 2015 г.

Франция ведет иммиграционную политику, основываясь на стратегии ассимиляции мигрантов. Согласно законодательству Республики, натурализация иммигранта наступает в течение 5 лет, к тому же допустимо двойное гражданство. Подобная стратегия объяснима политикой Франции – как метрополии в прошлом, а так же либеральными французскими традициями в настоящем.

Иммигранты ассимилируются на условиях правительства, которое, в свою очередь, считается с мнением граждан. Таким образом, программы политических партий, заручившихся наибольшей поддержкой населения, будут отражать настроения общества в целом. Разделение компетенций национальных и европейских органов власти транслирует интересы граждан не только в рамках одного конкретного государства – Франции, но и в масштабе всего Евросоюза в согласии с позициями представителей других стран-членов. За общеевропейскими политическими институтами закреплено регулирование миграционных потоков, в то время как в компетенцию национального правительства входит функция натурализации иммигрантов и их интеграции в общество. В связи с этим видится логичным проанализировать результаты выборов на национальном уровне – в Национальное собрание Франции (2017 г.) и на общеевропейском – в Европарламент (2019 г.).

Президентские и парламентские выборы были отмечены множеством факторов под заголовком «впервые», например: 1) никогда ранее выборы не проходили в условиях чрезвычайного положения, введенного во Франции после ряда террористических актов: в январе и ноябре 2015 г. и в Ницце в июле 2016 г.; 2) впервые четыре основных кандидата на пост президента имели примерно равные рейтинги накануне первого тура – по 20% с разрывом в 3–4%; 3) в первый раз кандидаты от республиканцев и социалистов не прошли во второй тур; 4) кандидаты от «Национального фронта» (ультраправая партия) ранее не набирали такого количества голосов во втором туре президентских выборов, как Мари Ле Пен – 34% голосов. На парламентских выборах впервые: 1) отмечена рекордно низкая явка избирателей как в первом туре, так и во втором. Явка даже не дошла до половины и составила 48%; 2) смена $\frac{3}{4}$ депутатов нижней палаты парламента; 3) в лидеры вышла совершенно новая партия «Вперед, Республика!», созданная всего за год до начала избирательной кампании; 4) Ультраправый «Национальный фронт» получил 8 мандатов.

Как уже говорилось выше, кандидаты от двух системообразующих партий – республиканцы и социалисты не прошли во второй тур президентских выборов, тем самым их потенциальный электорат перешел на сторону Э. Макрона, обеспечив ему уверенную победу – 66,01% против 33,94% у Мари Ле Пен. Отсюда вполне закономерны и итоги парламентских выборов. Так называемые «конструктивные» депутаты, отбившиеся от ре-

¹ WahlergebnissederLandtagswahl 2016. [Electronic resource]. URL: <http://www.wahlen.rlp.de/ltw/wahlen/2016/index>

спубликанцев и социалистов, а также центристы примкнули к молодой партии «Вперед, Республика!», которая заняла по результатам выборов 313 из 577 мест. Предыдущий лидер Франсуа Олланд от Социалистической партии не оправдал ожиданий граждан и даже не стал баллотироваться на второй срок, республиканцы запомнились политическим скандалом вокруг кандидата в президенты Ф. Фийона и тоже потеряли голоса на выборах.

Однако новый президент Э. Макрон и его партия выступили как инициативное, еще ничем не успешшее себя скомпрометировать политическое движение. В итоге, действующий президент и «Вперед, Республика!» выступили в качестве центристского блока – Э. Макрон назначил премьер-министра страны и министра экономики из республиканцев, принял перешедших к нему социалистов, правых и независимых республиканцев, центристов, экологистов, левых радикалов и прежде беспартийных. Прежде центристы (Ж. д'Эстен, Ж. Леканюэ) предпринимали попытки, чтобы сгруппировать правых и правый центр, тогда как Макрон попытался обеспечить сотрудничество как правых, так и левых.

Иммиграционную программу Э. Макрона и партии «Вперед, Республика!» можно назвать лояльной, сравнивая с бескомпромиссной программой Мари Ле Пен от «Национального фронта» (после 2018 г. «Национального объединения»). В нестабильных условиях (выборы проходили в условиях объявленного чрезвычайного положения в связи с угрозой терроризма), избиратели побоялись усугубления положения. Евроскептицизм и решительные антииммигрантские лозунги могли лишь внести недовольство в общество, поэтому электорат отдал предпочтение умеренной политике Э. Макрона.

Пункты его предвыборной кампании: 1) из всех видов миграционной политики отдавать приоритет политике «интеграции»; 2) повысить «иммиграцию знаний», чтобы улучшить научно-экономическое развитие страны и установить тесные профессиональные контакты с другими странами; 3) взять на себя справедливую долю беженцев, которые находятся сейчас на границах и не принимаются в других странах; 4) Европа должна защищать свои границы и уважать свои ценности². Идея о возвращении к национальным границам неприемлема, евроинтеграция должна усиливаться. Спустя 8 месяцев RFI напишет о том, что позиция президента заключается в нивелировании желания у мигрантов ехать во Францию. На данный момент политика Макрона расходится на три вектора: во-первых, французское правительство старается принять соответствующие меры, чтобы в африканских странах, в частности, в Ливии, усилили контроль на границах и останавливали основную часть желающих приехать в Европу еще на этом начальном «этапе» пути; во-вторых, глава МВД Франции Ж. Коллон предпринимает довольно резкие действия по отношению к тем, кто не получил право на убежище. В-третьих, для тех, кто получит такое право, условия усовершенствуют, исходя из логики властей, таких иммигрантов должно становиться все меньше. Если предвыборная миграционная политика Макрона выигрывала за счет именно своей гибкости, то нынешний курс натораживает людей своей прямолинейностью и бескомпромиссностью.

По результатам опроса марта 2019 г. по заказу Le Journal du Dimanche, только 29% граждан поддерживают Макрона. Рейтинг «Национального объединения», выступающего за более радикальную миграционную политику, в последнее время становится выше (на январь 2019 г. – 35%). Все потому, что, в отличие от действий нынешней администрации, политика этой партии предсказуема, пусть и радикальна по некоторым аспектам.

² International migration report 2018. UN Department of Economic and Social Affairs. Population Division. URL: www.un.migration.org

Общеввропейские выборы прошли 26 мая 2019 г. Германия и Франция имеют наибольшее количество мандатов: 96 и 74, соответственно. В значительной степени именно эти государства влияют на настроения в Европарламенте в целом. Многие воспринимают как второстепенные выборы в Европарламент по отношению к выборам национальным, потому как граждане туманно представляют себе, в чем вообще состоит роль Европарламента непосредственно для них самих. В доказательство этому можно привести сравнительно низкую явку на избирательные участки (42,4% – 2014 г., 51% – 2019 г.)³. Как правило, больший энтузиазм на общеевропейских выборах проявляют недовольные настоящей политикой избиратели, поэтому имеется тенденция лидерства оппозиции по результатам голосования. Процент явки в 2019 г. был выше, чем в предыдущие годы, что говорит о наличии большого количества граждан, которых не устраивает политический курс президента Макрона. Праворадикальная партия Мари Ле Пен «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт») одержала победу, набрав 23,31% голосов, в то время как президентская партия получила 22,41 %. На предыдущих европейских выборах 2014 г. партия Мари Ле Пен также была лидером с 24,85%⁴.

Партия «Вперед, Республика!» ориентировалась на избирателя, тяготеющего к центристской позиции. Во главу поставили бывшего министра по европейским делам, а на вторую позицию – лидера партии «зеленых» в прошлом. Как реакция на забастовки «желтых жилетов» обозначается взятие под защиту интересов трудящихся, продвигается заимствованная у правых идея пересмотра шенгенских соглашений и создание общих принципов предоставления убежища; оговаривается нацеленность на ведение единой справедливой социальной политики и др. «Национальное объединение» акцентирует внимание на контроле за последствиями глобализации, выступая с лозунгом, что социально-экономический прогресс сегодня основывается на защите национальных интересов. Выход из ЕС уже не кажется представителям партии приоритетной задачей, так как обозначились механизмы изменения Европы изнутри.

Таким образом, делая некоторое обобщение по расстановке политических сил Франции на национальном уровне и общеевропейском, можно сказать, что в лидеры выбиваются, прежде всего, те, кто готов стремительно отвечать на вызовы постоянно меняющегося мира. В этих условиях выигрышными показали себя центристская партия и ее лидер, как нечто новое и молодое, то что способно принимать существующее и не боится вносить коррективы. Праворадикальная партия имеет силу оппозиции, это часть того «существующего» (национального, французского), но она менее приспособлена к компромиссу, без чего миграционная политика не может идти благополучно. Иммигранты – это люди поначалу неустроенные, но так или иначе испытывающие надежду на лучший для них исход. Миграционная политика должна быть актуальной и социально ориентированной, дабы понимание «лучшего исхода» не резонировало с ходом жизни принимающей страны.

Заключение

Тенденция увеличения числа мигрантов в Германии и Франции обусловлена высоким качеством жизни и безопасности в этих странах, потребностью в рабочей силе,

³ Les migrations dans un monde interconnecté: nouvelles perspectives d'action. Rapport de la commission mondiale sur les migrations internationales. [Electronic resource]. Octobre 2005. URL: https://www.peacepalacelibrary.nl/ebooks/files/GCIM_French.pdf

⁴ Les Français et leurs perceptions de l'immigration, des réfugiés et de l'identité. [Electronic resource]. Juillet 2017. P. 6. URL: https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2018/03/3814-1-study_file.pdf

перспективами в решении демографической ситуации. Страны стоят перед лицом серьезной задачи: с одной стороны, регулирование демографического фона, с другой – сохранение баланса между иностранным и коренным населением. Такое положение требует своевременной реакции государства на фоне возникших проблем. Данные выборов демонстрируют недовольство коренного населения проводимой правящими кругами политики в отношении мигрантов и беженцев.

Прослеживается четкая взаимосвязь между антимиграционными лозунгами и выходом на арену Германии и Франции правых партий, кардинально меняющих политическую расстановку сил и их политический курс в целом. В нынешних реалиях правые партии европейских государств делают акцент на представителей среднего класса как на основной электорат, поскольку именно они особенно ощущают на себе проблему безработицы из-за устройства на работу иммигрантов. Правые завоевали популярность в Германии и Франции еще и благодаря некоторому заимствованию идей социалистов о социальных гарантиях и защите государства. В противоположность правым, либералы, социалисты и прочие левые выступают за либерализацию миграционной политики, потому как именно в иммигрантах видят свою поддержку. По общей тенденции, на первый план выходит коалиционное или центристское правительство, потому как в неминуемых взаимных противоречиях можно выявить приоритеты сразу нескольких электоральных групп. Правые значительно нарастили свою популярность, но этого недостаточно, чтобы выбиться в безоговорочные лидеры, так как их политика излишне радикальна.

Список литературы

1. *Кучеров М.Ю.* Миграционный кризис в Германии: нагрузка или инвестиции в будущее? // Власть. 2020 № 4. С. 58–64
2. *Федорова С.С.* Региональные выборы в Германии 2016 сквозь призму европеизации политических партий и последствий миграционного кризиса в Европейском Союзе // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. Т. 12, № 3. С. 96–107.
3. *Schultz J.* White Man's Country: Canada and the West Indian Immigration // *American Review of Canadian Studies*. 1982. 12 (2): 5. P. 3–64. DOI: 10.1080/02722018209480736
4. *Abella I., Troper H.* None is Too Many: Canada and the Jews of Europe 1933–1948 // Toronto: Lester and Orpen Denys, 1983. 366 p. DOI: 10.2307/25140571
5. *Roberts B.* Whence They Came: Deportations from Canada 1900–1935 // Ottawa: University of Ottawa Press, 1988, 246 p.
6. *Collins J.* Migrant Hands in a Distant Land: Australia's Post-War Immigration // Sydney: Pluto Press, 1988. 345 p.
7. *Briggs V.* Immigration Policy and the American Labor Force // Baltimore: John Hopkins University Press, 1984. 331 p.
8. *Joppke C.* Why Liberal States Accept Unwanted Immigration // *World Politics*. 1998. 50 (2). Pp. 266–293. DOI: 10.1017/s004388710000811x
9. *Freeman G. P.* The Decline of Sovereignty? Challenge to the Nation-State: Immigration in Western Europe and the United States / ed. C. Joppke. New York: Oxford University Press, 1998. Pp. 86–108. DOI: 10.1093/0198292295.003.0004

Сведения об авторах:

Гужев Михаил Сергеевич, студент МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: mixailguzhev@yandex.ru.

Семенова Мария Сергеевна, студент МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: mruellaseptuit@yandex.ru.

Статья поступила в редакцию 15.06.2020; принята в печать 20.10.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

IMMIGRATION PROBLEM IN THE SETTING UP OF POLITICAL FORCES IN GERMANY AND FRANCE

Guzhev S. Mikhail,

MGIMO University, Moscow, Russia. E-mail: mixailguzhev@yandex.ru

Semenova S. Maria,

MGIMO University, Moscow, Russia. E-mail: mruellaseptuit@yandex.ru

For citation: Mikhail S. Guzhev, Maria S. Semenova. Immigration problem and the setting up of political forces in Germany and France // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 106–115. DOI: 10.19181/demis.2021.1.12

Abstract. The importance of studying migration processes is due to their massive, regular nature, the impact on the political and social environment of the host countries. Often, a poorly thought out, inconsistent and generally ineffective immigration policy leads to problems in the host countries, reduces the quality of life of the indigenous population, thus creating a split in society, which may result in increasing migrant phobia, xenophobia, etc. A particularly striking example of this situation can serve as some countries of the European Union, in particular, Germany and France. The populations of these countries account for one of the largest shares of migrants not only in Europe, but throughout the world. Of particular research interest is the change in the political preferences of the voters in favor of the forces advocating a rigid migration policy. Within the framework of the systematic and historical-descriptive approaches, the electoral processes in Germany and France were analyzed during the period of the most intense manifestation of the migration problem. It was found that in parallel with the migration crisis in the host countries, a reshuffling of political forces is rapidly taking place: lesser-known political leaders, parties, movements not only appear on the political arena, but quickly gain voters' support, starting to determine immigration policy. There is a clear relationship between anti-immigration slogans and the entry into the arena of Germany and France of right-wing parties, which are fundamentally changing the political alignment of forces and their political course as a whole. Supporters of the right-wing political persuasion quickly gained popularity at the peak of the migration crisis, but with this problem fading into the background, the need for these political forces began to decrease. As a result of the study, the hypothesis that the migration problem is one of the key factors in the alignment of political forces in Germany and France was confirmed.

Keywords: migration, migration policy, Germany, France, elections.

References

1. Schultz J. White Man's Country: Canada and the West Indian Immigration. *American Review of Canadian Studies*. 1982. 12 (2): 5. P. 3–64. DOI: 10.1080/02722018209480736
2. Abella I., Troper H. None is Too Many: Canada and the Jews of Europe 1933–1948. *Toronto: Lester and Orpen Denys*, 1983. 366 p. DOI: 10.2307/25140571
3. Roberts B. Whence They Came: Deportations from Canada 1900–1935. *Ottawa: University of Ottawa Press*, 1988, 246 p.
4. Collins J. Migrant Hands in a Distant Land: Australia's Post-War Immigration. *Sydney: Pluto Press*, 1988. 345 p.
5. Briggs V. Immigration Policy and the American Labor Force. *Baltimore: John Hopkins University Press*, 1984. 331 p.
6. Joppke C. Why Liberal States Accept Unwanted Immigration. *World Politics*. 1998. 50 (2). Pp. 266–293. DOI: 10.1017/s004388710000811x
7. Freeman G. P. The Decline of Sovereignty? Challenge to the Nation-State: Immigration in Western Europe and the United States / ed. C. Joppke. New York: Oxford University Press, 1998. Pp. 86–108. DOI: 10.1093/0198292295.003.0004
8. Fedorova S.S. Regional Elections in Germany: Europeanization of Political parties and Consequences of Migration Crisis in the EU. *Political Expertise: POLITEX*. 2016, Vol. 12, No. 3, Pp. 96–107. (in Russ.)
9. Kucherov M.Yu. Migration crisis in Germany: burden or investment in the future? // *Vlast' (The Authority)*. 2020 No. 4. P. 58–64 (in Russ.)

Bio note:

Mikhail S. Guzhev, Student, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: mixailguzhev@yandex.ru.

Maria S. Semenova, Student, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: mruellaseptuit@yandex.ru.

Received on 15.06.2020; accepted for publication on 20.10.2020. The authors have read and approved the final manuscript.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Дорогие авторы!

Подробная информация о тематическом профиле журнала, редакционная политика и требования, предъявляемые к присылаемым в редакцию рукописям, размещены на сайте журнала <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>. Рекомендуем ознакомиться с такими разделами, как *Редакционная политика*, *К сведению авторов*. Подать рукопись на рассмотрение можно через форму на сайте: <https://www.manuscript.fnisc.ru/demis/>

Приветствуем указание идентификаторов автора: ORCID, SPIN-код, ResearcherID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID. Оформляя списки литературы, не забудьте указать DOI всех источников из списка литературы, если они им присвоены. В случае если оригинал цитируемого источника в данный момент недоступен, можно проверить наличие DOI на сайте www.crossref.org в разделе SimpleTextQuery. DOI должен быть представлен в виде рабочей гиперссылки в конце библиографического описания, например:

Hinich M., Munger M. *Analytical Politics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 1997. 253 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174725>

Редакция: Н.А. Безвербная, Е.М. Моисеева
Техническая поддержка: Н.С. Рязанцев
Компьютерная верстка: Н.Ю. Бруевич

Edition: N.A. Bezverbnaya, E.M. Moiseeva
Technical support: N. S. Ryazantsev
Computer layout: N.U. Bruevich

Учредитель: Федеральный научно-исследовательских социологический центр Российской академии наук
Адрес учредителя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35к5
<https://www.fnisc.ru/>

Издатель: Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Адрес издателя: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к.1
<https://idrras.ru/>

Редакция: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к.1. Тел.: +7 499 530 28 84
bezvad@mail.ru; evgeniyamoiseeva@mail.ru;
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis/index>
